

ISSN 2221-9331

Литературно-художественный журнал

Том 31
2016

Институт Восточно-Славянской цивилизации
г. Харьков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель — А. Г. Романовский

Главный редактор — Л. И. Мачулин

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем:
e-mail: editor01@list.ru
<http://slvn.org/>
тел./факс +38 (057) 700-40-25

Сергей ШЕЛКОВЫЙ

«Деревянные ступени
грустным голосом поют...»

* * *

Деревянные перила, деревянные террасы,
деревянные ступени грустным голосом поют,
ибо время все бездушней — год от года, час от часа —
перемалывает в пепел перепончатый уют.

И зернистый, и слоистый, искры смол живородящий,
плыл наследный дом сосновый, зыбок и одушевлен.
В летнем коконе веранды, в древесине говорящей
перламутровою жилкой трепетал легчайший сон.

Были в сетке переплета разноцветны ромбы стекол,
терем склеен был из хвои и стрекозьего крыла...
Кто звенел там чайной ложкой, кто орех щипцами щелкал?
Чья беседа по овалу вкруг столешницы текла?

Кто там в платье светло-синем загорелыми руками
над фамильною посудой рано утром ворожил?
Кто входил, ступая грузно, великаньими шагами?
Я один сегодня помню, кто до смерти в доме жил...

Я один на свете вижу те сосновые ступени.
На веранде — капли воска, брызги битого стекла...
И в саду, давно ничейном, холодны дерев колени,
и записка поминанья одинока и бела...

* * *

Борису Чичибабину

Доживем до весны, мой певучий возлюбленный старче!
Долетим до травы вопреки шелудивой зиме.
Вопреки срамоте этой жизни, изрядно собачьей,
доживем. И, даст Бог, обнаружимся в ясном уме.

Я вгляделся в упор в свой пропитый прокуренный город. —
И в сигарке его вспыхнул дымного смысла намек:
он — и духу плевков, он и брюху холопью голод.
Счет грехам он забыл, и ничто не идет ему впрок...

Я вгляделся в лицо моей жертволюбивой отчизны.
О как стыдно сегодня смотреть нам друг другу в глаза!
А на шраме холма, на разломе кладбищенской тризны,
некий отсвет дрожал, без которого выжить нельзя...

Подорожник — прохлада дождя на горячечной ране —
да по небу прочерченный птицей рифмованный след. —
Нас не предал лишь свет безымянный — на сломе, на грани.
А опоры иной не найти нам еще триста лет.

Дотужим до весны — там щедрее, там больше дыханья
в голубом и зеленом, чем здесь в тараканьей тоске.
Домолчим, чтоб услышать, как арию чистописанья
прогорланит скворец о хмельном первозданном листке!

* * *

Ещё любил я первое июля,
Когда после дождя опять светло,
И солнце золотит в столовой стулья
И брызжет на гранёное стекло.
Как дышит рухлядь в этом доме старом —
Открытки, ноты, бастионы книг!
Всё шло к тому, чтоб тайно и задаром
Я некий мир из воздуха воздвиг.
А что ж ещё в бездомном певчем звуке?
Грудинных струй волнистая игра...

И ни на рубль скептической науки,
Ни на копейку прочного добра.
Слова о лете — обречённой лета.
Глотни вина, поозоруй чуток —
И ласкою предсмертного привета
Закончи рукописный завиток.
Иди же, ночь! Как ладен твой обычай,
Дружок-сверчок, играя из игруль!
Ведь можно жить лишь звуком, а не притчей,
И снова ждать рассветный лепет птичий:
«Июль-июнь, июль-июнь, июль...»

* * *

Опускаешь глаза — а вокруг золотые монеты,
на траве, на асфальте, на вызревшей почве лежат.
То алтын, то пятак, то полтинник, горячий, как лето.
А отдашь иль возьмёшь — урожай и посеян, и сжат.

Поднимаешь глаза — над тобой безмятежное небо,
а минут через десять сгущается гроздью гроза.
Это слёзы псалмов, это жизни тревожная треба.
И ни крайнему сдаться, ни выстрелить первым — нельзя.

Отче на небеси, да приникнет к земле Твоё имя,
да пребудет в душе моей великотрудный завет.
Я давно среди тех, кто ушли навсегда молодыми,
и уже среди тех, кто упорствует выслугой лет.

Догоняет война, и на спину бросается подлость —
с правоверным лицом родовой узнаваемый зверь.
И вишнёвою кровью кириллицы полнится повесть,
и распахнута сызнова в ад черноротая дверь.

Настигает война, но весна её перегоняет,
и царит над убитыми меченный вечностью май.
Страстотерпица мать лишь короткое Имя рыдает,
то, что помнил и ты. А забыл, так умри — вспоминай!

* * *

Итак, добираться мне до Феодосии —
лишь ночь, лишь чуток золотистого дня.
Там кровная мысль о двоюродном Осипе
так бодро под рёбра бодает меня!
Там облик египетский брезжит и слышится
непойманный цокот худых башмаков.
Развеяна гневная Максова ижица,
и свеж голубеющий плюш ишаков.

Привольно вдыхается нищее диво
земли загорелой, зелёной воды.
Овечьих холмов травяные наплывы
вдоль моря текут, вдоль солёной слюды.
Лоскутная известняковая Каффа!
Как щедро – всего-то полсуток пути,
чтоб в складках пиратского красного шарфа
листок со взъерошенной рифмой найти!

С щепоткою тмина, с корицею в мокко,
с угаданным клювом средь гущи на дне,
с такой молодую — не знающей срока —
пузырчатой радостью в жёлтом вине,
с рыбацкою лодкой, что, еле белея,
спешит, обгоняя кефаль и макрель, —
в край ладана, смирны, тоски и елея,
туда, где Эллада, Ливан, Галилея —
озёра и смоквы Заветных земель...

АМФОРА

Округла амфора с зерном,
речной песок белеет в трюме.
Как помогают волны думе,
как сложен парус с кораблём!
Гудит кедровая доска,
прогрета, солнечна, шершава.
Плыви! У мужества есть право —
солёный ветер у виска.

Наполни амфоры уста
оливковой, мускатной влагой.
Да осенит тебя отвагой
твоя моряцкая звезда.
Да станет амфоры сосуд
твоим надёжным талисманом —
в его обводе богоданном
слились гармония и труд.

Магнитна, женственна, светла
огнём обласканная глина,
а гулкой ноты сердцевина
сродняет с ней колокола.
И Одиссеево вино
под глиняной созреет кожей.
Платон — бесценен! Но дороже —
дорога, амфора, зерно!

ВОЛОШИНСКИЙ ХОЛМ

Знойная сухость — таврийская муза,
тысячелетник — лилов на холме.
Чётки, насечки — жеребчика узы.
Аве! — июлю, и август в уме.
Платину плавит понтийское лето,
цезий в изложницы Цезарей льёт.
Царственна в полдень зенита монета —
аверс ликует, звенит оборот.

А базилевс сухотравья, кузнечик,
чалый скакун, цымбаларь да скрипаль,
снова седлает бессмертника венчик
и озорует, соломенный враль.
Нет, не сидится в тени мне за чаркой —
соли и зною ресниц вопреки
снова взбираюсь на холм янычарский,
море лаская у правой руки.

Здравствуй, Волошин, полынный мой кровник
с привкусом дедовского "цоб-цебе"!
Слышишь ли, глиняной правды виновник,
вздохи и шорохи почв о тебе?
Видишь ли, — брызжут кобылки над склоном,
крылья расправив в химерном броске? —
Рифмы, что шифром искрят потаённым,
колером — алым, шафранным, лимонным
и растворившим лазурь в молоке!

* * *

Есть правда одиночества. Оно
жестоко, но целительно-высоко.
Чутьё слепца и ястребово око
ушедшему от скопища дано.

Когда-то сон огромный нас слепил.
Затем и сон, и явь вместились в малость.
И что же нам в конце концов осталось?
Ответь, осенний ветер, брат-зоил!

Осталось тесной комнаты тепло
на чёрно-сером, на предзимнем свете,
когда уже и в полдень не светло,
когда, всё, долгожданное, прошло
и упорхнули к дальним гнёздам дети...

БЕЗ ФАБУЛЫ

День просветлел. Ушёл тяжёлый дождь
недоброго осеннего разлива.
И синий взор метнул индейский вождь
сквозь листья клёна и косицы ивы.
И странно — вновь на сердце у меня
не поздних лет потери и разлуки,
но давних игр ребячья беготня —
из ясеневых веток копыя, луки...

И полон предвкушением побед,
молниеносных и неоспоримых,
день счастья, золотистый на просвет, —
без чисел отрицательных и мнимых,
без имени, без даты, без примет,
без фабулы какой-либо особой,
он светит мне всю так много лет,
как будто он и я – бессмертны оба...

* * *

И что ни год — опять
друзей моих всё меньше.
И нет уже того, кто был иных верней.
Трезвее воздух дней.
Но взоры юных женщин —
всё ярче по весне, прощальнее-хмельней.

Истаяла зима. И глина снег впитала,
просел, чуть покосясь,
простой сосновый крест.
И с тополя скворец, бесстыжий зазывала,
опять, на весь погост,
взахлёб зовёт невест...

* * *

Бледно-лиловые астры в сумраке стылого сада
светят над чёрной землёю после тяжёлых дождей.
Ярко-оранжевым ядом брызжут календул лампы.
Холодно, пусто. Часами – нет ни собак, ни людей
в этих посадках старинных... Только корявые лики
разнорабочих деревьев — яблонь, черешен и слив —
не покидают усадьбы. Да рассыпаются крики
соек, снующих повсюду в поиске скудных пожив.

Полупрозрачные астры не по-сентябрьски озябли.
Рано повеяло стужей и соловецким вином.
Хлопнем по шкалику, братец, выпьем ещё по три капли
и угловатые грабли в тёплые лапы возьмем.

Вот и ещё одна осень, палой листвы погребенье.
Листья становятся дымом, запахом и забытьём.
А в глубине, за ветвями, — близко-далёкие тени:
словно вчера ещё, в детстве по листопаду идём...

* * *

Чем злей мороз, тем тоньше писк синиц —
волосяные жалобы и пени.
Ордынским ликом распластавшись ниц,
отчизна спит во льду, в снегу и лени.
И выдыхая азиатский дух,
спит у холма мой забубённый город —
сбит набок замусоленный треух,
башмак дыряв и ватный бок распорот.

Какая бесконечная зима!
Полвека не бывало столько снега.
Вмерзают в воздух люди и дома
на взлёте невозможного побега.
Чем злей морозы, тем гнездо добрей,
дыханием окукленная норка,
где — книг развал и чайник-носогрей,
где на окне ярка лимона корка.

Отчизна спит — в её груди лед,
в гортани — ломоносовская ода...
А мне в дому, быть может, повезёт
перетерпеть студёные полгода.
Не грех — согреться малостью родной,
чтоб уцелеть среди огромной стужи.
Какой отрады мне желать иной? —
Зайди в мой дом, скрипучий, лубяной,
и помолчи со мною, старый друже...

* * *

Дорогим мертвецам наливаю я рюмку багряного,
к незабытым устам подношу поминанье вина.
Не случилось мне, дед мой, ни разу видать тебя пьяного,
но сегодня прошу тебя: выпей со мною до дна.

Неугасшим глазам соберу угощение краткое:
помидоры и хлеб — на двоих за дощатым столом,
среди осенних стволов, под кирпичной оранжевой кладкою —
у садового дома, что крепок ещё на излом.

Иоанн Иоанныч! Не выдохнуть гласных блаженнее,
не найти всенароднее имени и веселей.
Потемнел виноград — твоих саженцев-лоз продолжение,
фиолет «изаabelлы» подмешан в воздушный елей.

Эти стебли, увившие стену, — по-прежнему сильные.
Я к ладони твоей потянусь и опять узнаю:
теплоносную линию жизни, наследье фамильное —
широченную руку отцову и лапу свою...

Сторона моя русая — правда моя погорелая!
Что и взять с тебя — водки пузырь иль костей полведра?
Не за это люблю тебя. Вот что от сердца я сделаю:
снова вспомню своих — Иоанна, Николу, Петра.

* * *

Почти неслышный дождь пошёл,
шурша по кронам летней ночи,
задумчивый мотив завёл,
составленный из многоточий,
из невесомых пауз тех,
в которых явных смыслов мало.
Но нам, по бедности, на всех
и этой кротости хватало.

И нам в негромкой простоте
хватило ночи августовской,
чтоб о Персеевой звезде
вздохнуть. И о судьбе неброской,
таящейся за тишиной,
за танцем капель двухминутным...
И ты, мой путь, мой срок земной,
пройдёшь, как дождь, простясь со мной
в недоуменье неподсудном...

ОСТРОВ ХВАР

В продолжение странного странствия, плавного плаванья,
проходя между пристанью Шолта и островом Брач,
достигает мой белый паром Твоей, Господи, гавани —
на попутной волне, на смешенье утрат и удач.
Приближение к сокровищу Хвара, ядранского острова,
к сиво-пепельным рубищам тысячелетних маслин
ощущается свежей добавкой акцента-апострофа
к бесконечности ритма, что всюду велик и един.

Ты, мне славшая мэйлы и смайлы, не очень надёжные,
назначая свидания в неких ресурсах сети,
если б знать ты могла, как всевластвует тягой подкожною
не дающий покоя сквозняк, оператор пути!
Не затем ли и я умыкаю тебя у компьютера,
что меня самого солнцедар, ослепительный Хвар
в одночасье срывает с крючка, с поводка и цугундера,
виноградарь мой, сборщик олив, моцареллы овчар?

И пробившись на остров-Буян, не с одной пересадкою, —
самолёт, серпантина гудрон, внесезонный паром, —
собеседницей праздник украсив и ракией сладкою,
о любви не совру я, лишь скрипну, пост скриптум, пером:
ты не первая хворь моя, Хвар! Островной лихоманкою
въелся в душу и плоть ещё Хортицы дымный ночлег.
Но и даже не Сечь утирает мне рот самобранкою,
не пурпурные гидры Ядрана сверкают обманкою,
просто — голубю вслед, всё плывёт к Арарату ковчег...

Віктор ТИМЧЕНКО

НИКЕША

Звати його Никодим. Звідси й Никеша. Не дуже милозвучно, як на тепер. Спричинився до тої прикрості дід.

Тоді ще новонароджених записували сільрадівські секретарі. Вони й метрики видавали, такі собі сіренькі папірці. Видавали здебільшого без особливої урочистості, ніби квитанцію. За сплату податку.

Але життя йшло, діти народжувались. Федот Никодимович хотів, було, одягтися по-святешньому, навіть про чарчину заїкнувся з такої нагоди. Христя, невістка його, вона ще була слабенька після пологів, тинялася біля печі.

— Не вигадуйте! — гримнула вперше на нього, схаменувалась, зітхнула. — Сходіть, тату, тишком-нишком. Нічого нам людей смішити.

— Чого ти, Христе, себе отак мордуєш? Хіба таких, як наш, мало тепер? У тебе хоч від нашого. Он якого! Сержанта! Ну, нехай і заїжджого, то й що? А скільки від німців, га?

Ой, тату, не ятріть душу. Ідіть собі з богом.

— Та добре. Сходжу вже. А як же записати? Ім`я яке, по батькові?

— Назвіть самі, як хочете. А по батькові... Малось би Іванович, та не судилось. А гріха на душу не хочу. Васильович.

Ото ж і поплентався Федот Никодимович у чому був: латаних, перелатаних штанах і вигорілій та витіпаній, що вже аж просвічувалась, сорочині. Секретарка, біляве, кирпате дівча. Насупило бровенята для серйозності:

Як же тітка Христя назвала малого?

— Звеліла, щоб я сам. Батька мого Никодимом звали. Нехай буде Никодим.

Бровенята розлетілись ніби Федот Никодимович кишнув на них.

— Ви серйозно

— А хібащо? Чим не ім`я?

— Добре, запишемо. А по батькові ж як?

І хоча вдома Федот Никодимович втішав Христю, атут самому повітря забракло.

— Звеліла Васильовичем. — мовив через силу. Кирпатенька білявка аж засвітилася цікавістю:

— Яке ж прізвище, дідусю?

Федот Никодимович зовсім розгубився. Христя ж про це ані словечка. Може вона про того заїзжого сержанта, синового однополчанина, крім імені, й сама нічогісінько не знає. Вступив погляда у вікно, ніби хтось там на мигах міг йому підказати, буркнув роздратовано:

— Наше нехай буде, Вакуленко.

— Так, так. Якого ж числа народився Никодим Васильович Вакуленко?

— Я що, хіба знаю яке сьогодні? — почав закипати Федот Никодимович. Від запальної колись вдачі у нього й на старості якась дешиця лишилась. Дівча напириндилось:

— Ви, діду, не кричіть на мене. Записувати так записувати. А ні, то приходьте іншим разом.

— Та я не кричу. Не сердься. Минулої середи яке це було?

— Секретарка мабуть нарешті збагнула щось, співчутливо глянула на старого:

— Не хвилюйтеся, дідусю. Аби здоровеньким ріс. Так значить і запишемо. Никодим Васильович Вакуленко. Рік народження 1946. Місяць — червень. Число — 15. Мати — Христіна Іванівна Вакуленко.

Про батька й не спитала. А батько був. Десь аж у Саратові. Ні прізвища, ні адреси.

Іван з Христею тільки побралися — війна. Молодесенька чепурна молодиця всю окупацію робила із себе опудало городне, щоб тільки німці не чіплялись. Свою Катерину Федот Никодимович поховав ще в тридцять восьмому. Дітей окрім Івана не було. Любив Христю, як рідну дочку. Похоронку за сина принесли в сорок четвертому. Христя навіть не скрикнула, поточилась, ледве встиг підхопити. Майже три місяці пролежала. Підвелась і подробики ніякої не треба, ніби їй не двадцять чотири, а всі сорок.

На початку вересня в сорок п'ятому десь уже надвечір Христі вчулося раптом, ніби сінешні двері грюкнули.

— Хто там? — гукнула, дивуючись чого це в неї так серце закалатало.

— Ти мене? — озвався Федот Никодимович. Останнім часом він почав недочувати, особливо увечері. Молодиця не встигла відповісти. Хатні двері тихо відчинилися — на порозі військовий з куценькою валізкою в правій руці, такий же ви-

сочезний, як Іван, і такий же плечистий В сутінках Христа тільки це й розгледіла. Зойкнула, кинулась назустріч. І наче на стінку, наштовхнулась на голос якийсь ніякий, тільки й того, що хрипкуватий.

— Здравствуйте!

Христа мало не зомліла, як і тоді, коли похоронку принесли. Бог милував, устояла.

—Здрастуйте... — відповіла ледь не пошепки, губи не слухались. — Проходьте. Я зараз лампу...

Сірники ламалися, пальці зовсім подубіли. Засвітивши на-решті восьмилінійку, Христа подумки лайнула себе: «Отаке скло закіптюжене! Срамота!»

Він усе ще стояв біля порогу, довгобразий, насуплений, ніби з'явився тут з великого примусу. І тільки в сірих, глибоко запалих очах яснів сумовитий усміх. Приткнув валізку біля дверей, підійшов.

— А ти, Христінка, красивая. Куда как красивше, чем на карточке. Ванька не зря... — і зам'явся. У Христі знову завирували перед очима метелики.

— Що Іван?

— Да так, помімаєш. Попросіла карточку ту самую в нагрудном у него оставить. Ми с ним с сорок первого по сорок четвѳортый вместе отпехотурілі. Меня Васькой зовут.

Припавши до Василевих грудей, Христа, наче до цієї хвилики жевріла у неї іскорка надії, вперше заголосила: «Іване! Іваночку!»

Василь обережно гладив її по спині:

— Ну. Успокойся, родненькая! Говорю же тебе, успокойся! Што уж теперь...

Тижнів зо два з досвіту і до пізна чутно було на подвір'ї у Вакуленків то сокиру, то молоток.

— Зоставався б ти у нас, Васю. — Не втримався якось Федот Никодимович. — Молодиця он яка! Сам бачиш.

— Віжу, дед, не слепой. Да ведь в Саратовѳе мать і жена, помімаєш. Тоже всю войну ждалі.

Останнього дня Федот Никодимович зринув кудись, певне навмисне, аби залишити їх наодинці. Василь зібрався, було, на подвір'я, але Христа зупинила.

— Годі, Васю. Там уже й робити нічого. Давай поговоримо наостанок.

Вони стояли одне перед одним: ставна чорнобрива молодиця, що раптом сполотніла так, ніби все до кровинки забрало в неї болюче благання в карих очах, і насуплений, як ніколи, бо

нічим іншим не міг приховати жалості, що шарпонула по серцю, і розгубленості, однополчанин і друг її чоловіка.

— Я скоро вже, Васю, одна-однісінька залишусь. Федот Никодимович зовсім немічний. Заміж ні за кого та й не хочу...

— Перевела подих і глухо, ніби з якогось незбагненного глибу, простогнала:

— Залиш мені дитинку, Васю... Чуєш! Христом Богом молю...

— Да ти што! Ванька друг, розумієш... — почав, було, Василь і змовк.

— Ой! — вихопилось у молодиці. Карі очі сяйнули надією. Підбігла, пригорнулася.

— Бог с тобою, Христінка!

— Бог з нами, Василю! Повір мені! З нами! ...

Допомагала Христі баба Гапка, Вона вже й сама не пам'ятала скільки добрим і лихим, щасливим і безталанним подавали перший подих її сухенькі, чіпкі і лагідні руки. Нагородила й Никешу традиційним підплеснем. Але той не зайшовся плачем, котрим, як правило, вітаються вперше із світом Божим. Так собі прогудів хрипкуватенько і квіт.

— Ти дивись який! — здивувалася баба Гапка. — А набурмосений! Наче його сюди примусом.

Христя, у котрої від неймовірної спустошеності ще туманіло в очах, почувши таке, тихенько засміялась.

— Ти чого, молодице?

— Та так. У батька вдався.

— Ну, й слава Богу!

Згодом Христі було вже не до сміху. В інших діти, як діти. Їх на той час п'ятірко в селі найшлося. «Знаєш, мій уже сміється...» «А моя комизуха. Хоч крихотульки щось не по її — плачу на всю хату...» Христя не знала, що казати, що й думати. У Никеші — ні усмішки, ні сльозинки. Ото, як зголодніє, або пелюшки замокрить, подасть свого хрипкуватого гудочка і жде. Не підходять — знову подає, але вже сердито. Коли він прокидався, ніколи не могла вгадати. Гляне було, а він уже пильнує за нею очима, щоб вона не робила по хатньому. Уважно так, серйозно. Часом аж моторошно робилось від того погляду. Покликала якось бабу Гапку порадитись. Розповіла про все.

— Хочу з ним до тітки Оксені. Вона ж на всіх болячках знається.

Баба Гапка схилилась над лозяною змайстрованою дідом люлькою. Никеша і в неї вп'явся сірими здивованими оченя-

тами. Тепер уже стара засміялась.

— Оце так мужицьяра буде! Ти глянь на його горобця! Нікуди Христе, не рипайся. Дітей на своєму віку я перебачила знаєш скільки! А таких, як твій, на пальцях полічу.

Повзати не повзав, скільки й не клала на ряднину, простелену по долівці. Задере голівку, зиркне на неї, а далі, мовляв, що? А то якось удосвіта прокинулась, а він учепірівся за верхній край люльки, і як тільки зіп'явся, ноження тремтять, хилитається, а все однобочком, бочком дибуляє.

Вже на десятому місяці зайшла знадвору, гульк — люлька перевернута, Никеша на долівці сидить, на лобі синець. З переляку grimнула:

— Що ти тут робиш? — Схаменулась, підхопила малого, поставила люльку. Хотіла покласти, аби обмацати, чи хоч ціле у нього там усе. Куди там! Пручається, як в'юн. Поставила на долівку. Учепився за спідницю, стоїть.

— Ну то що? Може підемо? — пожартувала. І він пішов. Кілька кроків тримався за спідницю, кинув і так ото перевалочком, перевалочком, як ведмежа, добувся до столу. Постояв, тримаючись за ніжку, ніби роздумував, що йому робити далі, обійшов довкола і зупинився, потягнувся до неї рученятами. Христя притисла хлоп'я до грудей. Сміялася й плакала, нестямно обціловуючи насуплене личко.

Біда була й з розмовою. Вчила і так, і сьак — навіть мама не вимовляв. Кинулася знову до баби Гапки. Та тільки відмахнулася.

— Не телесуйся, Христе. Базікал серед мужиків, хоч греблю гати. А твій хмурько мабуть не тріплом уродився. Богові дякуй.

Вже й рік виповнився. Одного разу помітила, наче Никеша сам собі щось нашіптує. Христя й подих затамувала. Місяців зо два отак нашіптував.

У чистий четвер спекла Христя кілька пасочок. Темненьких, правда, пісненьких та все таки пасочок — Великдень. Намірилася присісти, бо вже й ноги гуділи, натоптала, коли це:

— Мамо їсти хочу.

Не сіла — впала на стільця. Боялася й ворухнутись. Чи не примарилось? Обернулася — сидить на своєму тапчанчику. В люльку від того дня, як пішов, більше не захотів. Довелось Федоту Никодимовичу ще й над тапчанчиком помудрувати. Сидить, дивиться на неї і, Господи, посміхається.

— Зараз, зараз, синочку! — заметушилася Христя. — Я ось тобі пасочки відріжу, крашаночку дам.

... До чотирьох років Никеша ні світ, ні зоря уже, було, гукає:

— Діду!

Він і спати перебрався до старого.

— Чого тобі, Никешо?

— А що ви сьогодні робитимете?

— Ще не знаю.

— То давайте підніматися. Швидше визнаєте.

Христя почує, засміється тихенько, та нараз і спохмурніє. Коли б він і до неї так. А то гукне, як їсти захоче, або ще чогось, і за цілісінький день ні словечка більше. Хіба що Христя спитає про що-небудь. Відповість — і гайда до діда. А вже про пестощі якісь там годі й говорити. Випручається та ще й буркне:

— Як маненька!

Не раз, не двічі просльозилася нишком. І, Бог зна, чи він помітив щось, але одного вечора як повкладалися спати, Христя уже й задрімала, коли це її, наче, штовхнуло.

Прокинулась. У хаті темно, бо надворі мела завірюха, то й ставні були зачинені. Відчула — стоїть біля самісінького ліжка. Вже й руку з-підковдри випростала, але похопилась — утече! Може хоч озватися? Ні. Все одно утече. Отак ото постояв, постояв, зітхнув, чи просто подих перевів і нечутно, наче розтанув у темряві, відійшов.

Тижнів зо два радували й тривожили Христю потайні відвідини. І коли одного вечора не діждалась, майже до самого ранку заснути не могла. Вранці Христя чистила картоплю. Здивувалася: Федот Никодимович у дворі молотком постукує, а Никеша в хаті.

— Тобі чогось треба?

Крутнув головою:

— Ні.

Дивився, дивився і раптом:

— Дай я.

— Пальця обріжеш.

— Не обріжу. Дід он рубанка й стамеску дають.

І справді — не обрізав. Засопів сердито:

— Товсто виходить. Покажи, як ти.

Показала. Довгенько, у Христі ледве терпцю вистачило, але з картоплею все таки впорався.

Звідтоді так і пішло. То за те, то за інше хапається, аби хоч чимось допомогти їй. Чи й були свята в удовиному Христиному житті, а тут Різдво та й годі.

... З бабою Гапкою Христя зіткнулася біля колодязя. Та, на-

певне, чекала саме на неї, бо відразу й накинлась:

— Що ти собі думаєш, молодице? — Сухенька, згорблена, з темним, як на старій іконі, личком. Колись, мабуть, сині, але вщент вилинялі очі метнули на Христю з-під кошлатеньких, сивих брів такого докірливого погляда, що в тієї мурашня сипнула по спині.

— Ви про що, бабусю?

— А про те саме. Доки він у тебе нехристом буде?

— А хіба що, батюшка де об'явився? — стрепенулася Христя.

— Здорова була! Михайлівська церква уже з рік служить. Слава Богу, вціліла. Не розтягли, як нашу, по цеглині.

— До Михайлівки півста верст, бабусю. Що його пішки аж он куди чвалати? Та ще й з дитиною. Де такі куми візьмуться?

— У голови бричку попроси. Ти ж солдатська вдова.

— До церкви не дасть.

— А хто тебе за язика тягтиме. Скажи, малого до дохтура треба звозити.

— Все одно знає. Він же, кажуть, з нашої церкви, як починали рушити, дзвона скинув та ще й реготав. Мені ж тоді хоч світ заочі. Живцем їстиме.

— Господи помилуй! Отаких бусурманяк земля тримає! — Перехрестилась баба Гапка. — Ну, тоді от що. Ти на неділю причепури малого. Та подумай кого в куми покличеш. А я з дідом Охрімом побалакаю. Він же усе Писаніє знає, усі молитви. У мене й свячена водичка є. На Водохрестя в ополонці набираю. І ти знаєш, цілісінський рік стоїть і хоч би що. Самі охрестимо.

— Чи по-Божому це, бабусю?

— По-Божому, молодице. У мене й хрестик для нього є. У бабусі два було. Один на них залишився, а другого мені віддали. Уже й не підводились, підкликали: «Це ось тобі, Гапцю. Матимеш дитинку, надінеш. Та може й про мене розкажеш». Ні чоловіка, ні діточок не дав Господь мені. Гляну, було на хрестика, і серце стиснеться, наче на сирітку дивлюся.

— Як же він носитиме, бабусю? Зараз он і то дітлашня чого доброго на глум підніме. А як у школу піде?

— Аби хоч у неділю поносив. Нехай знає, що ти його хрестика десь бережеш. Може ж воно колись розпогодиться.

... Того дня Христя ухойдокалась на буряках, ледве ноги додому приволокла. Сяк-так упоралась по-домашньому, заснула, як убита. Серед ночі Никеша розштовхав:

— Мамо! — У голосі переляк. Сну, як не було. Підхопилася з ліжка:

— Що... що таке?!

— Дідусь... — вперше назвав Федота Никодимовича діду-сем, а то все — дід, і ніби захлинувся.

— Що дідусь?!

— Вони зовсім холодні...

Навіть на похоронах ні сльозинки Никеша не зронив. Прощепотів щось на вухо покійному і, не дивлячись ні на кого, вийшов. Коли вже рушили до кладовища, озирнулася — стоїть на порозі. Гукнула — наче й не чує. Так і zostався. На поминах до столу не сів. Заїкнулася, було, спитати, чи вечеряти-ме, зиркнув з-підлоба. Роздягнувся мовчки, ліг і ніби заляк. Усю ніч Христя дослухалася, може хоч ворухнеться, і давила-ся слізьми, аби не схлипувати. Вранці вперше показала Гапчиного хрестика.

— Це тепер твій.

Змовчала, чий то хрестик, а він, напевне, подумав — Федота Никодимовича. Мовчки взяв і відійшов мовчки. Так і відгородився Никеша із самого малечку не лише від неї, а від усього світу мовчакуватістю.

Навіть у листах з армії не розщедрювався на зайве слово. Удосвіта поспішав на першу електричку. Токарював на турбінному. Повернеться з роботи, спочине трохи і допізна в дідовій майстерні. Христя місця собі не знаходила. Вона на той час зовсім знесиліла, рак висмоктав. «Що же воно буде, як він сам залишиться?» Та якось повернувся Никеша з роботи не сам.

— Це Галя, мамо. Ми розписалися. Вона сирота.

Дівчина була дрібненька, непоказна але з такими блакитними, лагідними очима, що Христі перехопило подих. Простягла руки, бо й кроку ступнути не змогла. А Галя метнулася до неї:

— Мамо!

Уперше в житті заплакав Никеша, як ховали Христю.

Сива чуприна, сиві насуплені брови, в сірих глибоко запалих очах сумовитий усміх до всього навколишнього.

— Христинко! А йди но сюди! — гукнув до онуки.

— Чого тобі, діду? «Гльоду» відкапати, чи може валідолу посмокчеш?

— Та ні. Сьогодні мені краще. Ось хочу тобі хрестика подавати.

— Ой, діду! Таке й вигадась! Він же залізний та ще й на мотузці.

Владимир РОДИОНОВ

«Твоё лицо светилось у костра...»

* * *

Брось перчатки мои дорывать,
 Чистокровной породы овчарка.
 У тебя молодая хозяйка,
 Без которой мне счастья не знать.
 Я люблю её, очень люблю,
 Это слово тебе не понять.
 И прошу я тебя, и молю:
 «Брось перчатки мои дорывать!»
 У тебя ко мне злоба в крови,
 За неё меня съесть ты готова,
 Вот и водишь глазами сурово —
 Верный страж моей первой любви!
 Я люблю её, очень люблю,
 Лаем душу мою не трави.
 И прошу я тебя, и молю...
 У тебя ко мне злоба в крови,
 Будь мне другом, ей преданный пёс,
 Для меня твоя ревность не нова.
 Мне хозяйку твою с полуслова
 Понимать, как тебе, довелось.
 Я люблю её, очень люблю,
 Не могу больше жить с нею врозь.
 И прошу я тебя, и молю:
 «Будь мне другом, ей преданный пёс!»

ТВОЁ ЛИЦО

Твоё лицо светилось у костра,
И на плотах покачивалось лето...
Листвою шелестящие ветра
Напомнили сегодня мне об этом.
Сквозь дым не пробивалась мошकारа
К тебе, на пне сидящей,
как на троне.

Твоё лицо светилось у костра,
Сопя, дремал
сазанище в затоне.

И взглядов перекрёстная игра
Мгновенно перестала быть игрою
В минуты те,
 когда передо мною
Твоё лицо светилось у костра.

* * *

Я на память богат.
И поэтому помню
По весне твой наряд
И в осеннюю пору.

Столько лет позади,
Но навек остаётся:
У тебя на груди
Жилка-жилочка бьётся.

В небе звёздный прибой,
Легкокрылая ночка...
У тебя над губой
Чародейская точка.

Идеальный твой лик
Послужил бы искусству,
Как божественный миг
Сокровенному чувству.

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Однажды возьму ненароком
И старые письма прочту,
Где вспыхнут отчаяньем строки:
«Любимый...

Единственный...

Жду!»

Любви безответной в угоду,
И мне,

и себе на беду,

Зовёшь ты всю жизнь,

через годы:

«Любимый...

Единственный...

Жду!»

Сквозные встают полустанки,

Пред памятью все на виду.

И письма кричат,

как подранки:

«Любимый...

Единственный...

Жду!»

* * *

Лунный отблеск на реке
Перешёл в дорожку света...

Мы стоим рука в руке,

Отлучённые от лета.

Но ему благодаря,

Нас не трогает прохлада

На исходе сентября,

На восходе листопада.

По реке скользя,

плывут

Перед нами пароходы.

Так же точно вот идут

Наши годы,

наши годы.

Я шепчу тебе,
 что зря
Нам печалиться не надо
На исходе сентября,
На восходе листопада.

О ЮНОСТИ В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ

Любовь свою первую не навещу,
А лишь мимолётно увижу украдкой.
О прошлом в сегодняшнем чуть погрузу,
Представив глаза
 с умудрённой загадкой,
С разлётом
 монгольского типа бровей,
С ресницами стрел,
 не подёрнутых тушью...
Друг как-то сказал мне:
 «Дружище, поверь,
Такая зажжёт
 и пожар не потушит.
Возьми себя в руки, пацан,
 приземлись,
Совет мой тебе,
 чем скорее, тем лучше!»
Как памятен вечер звездою падучей,
И как надломила
 нас всё-таки жизнь!
Пускай не узнает,
 что вижу её,
Что я бесполезно бывшее ловлю,
Где я ожидал
 на признание моё:
«Тебя ненавижу!»,
 услышал: «Люблю!»

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Капли дождика с веток
После ливня из туч.
Воздух гарью не едок,
А озоном пахуч.
И земля,
 как в тельняшке —
Тень и свет,
 тень и свет...
Васильки
 и ромашки —
Твой любимый букет!

* * *

Не грешь на меня,
 не серчай,
Что не стали
 одной мы судьбою.
Я пришёл к тебе просто на чай,
Как в те дни,
 что сроднились с тобою.
Ничего мы не сможем извлечь
Из повеявшей осенью встречи.
Как осколок любви,
 этот вечер,
Словно лодка,
 дающая течь.
Ты кричишь:
 «На весло навались!»,
Ты в такие минуты прекрасна.
Мы пытаемся чудом спастись,
Но надежда зажглась
 и погасла.

* * *

В душе моей хранимые
И ей одной лишь верные,
Волнения интимные
И думы сокровенные,
Конечно же, о женщине,
Которая мне нравится.
Не зря она является
Во все мои сны вещие,
Во все мои желания —
Прекрасные и грешные...
На первое свидание
Иду всю жизнь к той женщине!

* * *

Я к твоим коленям припадаю,
Прикасаюсь к твоему плечу.
Я как будто крылья обретаю
И лечу туда,
 куда лечу.
«Не святая,
 вовсе не святая!» —
Через расстояния шепчу.
Одиноко время коротая,
Я к тебе не еду,
 а лечу.
«Пропадаю,
 видишь пропадаю!» —
Повторяю,
 словно бы учу...
Я к твоим коленям припадаю
С ощущением —
 будто бы лечу!

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

Евгении Шестаковой

Что губы,
 что брови,
 что очи,
Ну прямо шедевры твори,
И, дьявол меня побери —
Красивая женщина очень!
И голос,
 и жест,
 и осанка, —
Творенье само —
 под блузкой!
И даже звезда-иностранка
Не может сравниться с русской.
Изящные руки
 и плечи,
Попробуй волнение унять...
С такой бы побыть один вечер —
И можно потом умирать!

* * *

Про всё уже написано не мною
И трудно для тебя найти слова,
Чтоб были горячи,
подобно зною,
И глубоки,
как в полдень синева.
Аmericи я новой не открою
И за?мки у меня лишь на песке.
Но жизнь мила,
когда любовь со мною,
А без любви она на волоске.
Добавить тут мне нечего, пожалуй,
И надо ли так много говорить?
Ты только мне любовь свою пожалуй,
И буду я тебя боготворить.

* * *

Зазываю к себе,
 зазываю
Я из давности нашей строку.
Забываю тебя,
 забываю,
Но забыть всё равно не могу.
Обрекаю себя,
 обрекаю
На забывчивость
 и забытьё,
Но от этого имя твоё
Наяву
 и во сне повторяю.
Заклинаю себя,
 заклинаю
От бегущих по памяти дней,
Но от этого только сильней
Вспоминаю тебя,
 вспоминаю!

* * *

Осенние листья,
 осенняя радость,
Костры краснотала прощально горят,
И ты уже близкую чувствуешь старость,
Так чётко,
 что тянет вернуться назад —
Туда, где по улочке,
 ныне проспекту,
К тебе на свиданье девчонка идёт.
Она не стрела ещё в сердце,
 а вектор,
И это покоя тебе не даёт.
Потом неуверенность будет
 и ревность,

И будет разлука...
 Всему свой черёд.
Пока же девчонки чрезмерная зрелость
Тебя, пацана,
 за живое берёт.
Потом испытаешь такую усталость,
Что белому свету ты будешь не рад...
Осенние листья,
 осенняя радость,
Когда ты лучами бывшего объят.

* * *

На волю просят стихи,
А я на привязь их,
 в тетрадку,
Не за провинность
 иль грехи —
Чтоб сердцу не было так гадко.
Такая грусть,
 что хоть в петлю?,
Хоть с головою прямо в омут.
Ушла пора:
 «Тебя люблю!»
Пришла:
 «Я ухожу к другому!»
И ты, беспомощный,
 один,
Оставшись с картою,
 что бита,
Средь книжных полок
 и картин
Бубнишь по-фраерски:
 «Финита!»
Но это так стихи легли,
В реальной жизни больше выси:
«Я без тебя себя не мыслю,
Когда б мы встретиться могли?»

* * *

Годами, ненавидя и любя,
Плохое повидавший и хорошее,
Из прошлого не вычеркну тебя,
Я не могу переиначить прошлое.
Ты первая,
 кто поселилась в нём
С любовью,
 будто правом, на прописку.
И запах твой, подобный тамариску,
Заполнил май,
 меня всего,
 мой дом...
Казалось, я тебя с ума сводил,
А на поверку вышло всё иначе:
Я посильней, чем в сети, угодил
В твои глаза и нежность рук —
 в придачу!
Ты мне бросала царственно:
 «Иди
На все четыре стороны, мой милый!»
А я,
 припав лицом к твоей груди,
Терял себя, а заодно и силы...
Из прошлого не вычеркну никак
Тебя, вдали идущую и близко
По юности, не замедляя шаг,
И по весне,
 где пахнет тамариском.

У КОСТРА

Я что-то сегодня устал,
Как старый бурлак от бечёвок.
Давай посидим у костра
В одну из ближайших ночёвок,
В палатке поспим —
 на двоих,

Михаил ОЛЕФИРЕНКО

ЛЮБОВЬ НА ОДНОГО

ВЫБОР

Этим летом пришлось мне провести свой отпуск в небольшом живописном селе на родине жены.

Была середина августа. Зной загонял все живое в тень или в воду.

Я безуспешно рыскал по магазинам в поисках сидра или газировки. В конце концов, мне повезло. В буфете местной столовой продавали пиво.

Взяв бокал, вышел на усаженную кленами улицу и, выбрав клен осанистей, решил насладиться двойной прохладой. Пиво было не первой свежести, но жажду утоляло.

Двое мужчин вышли из столовой следом за мной и, оживленно о чем-то разговаривая, стали под облюбованным мною кленом чуть поодаль. Один из них был высокий и очень худой. Хлопчатобумажные полосатые брюки были собраны сзади в складку и висели на нем, как на колу. Волосы, несмотря на возраст, были густые, темные, чуть седеющие у висков; брови белесые, лицо — птичье, острое. Второй был плотнее, горбоносый, с короткой шеей и большой головой. Места хватало, и я не стал менять своего прибежища, тем более, что мне было безразлично, где стоять.

— С нашего поколения толку мало, а с этого и подавно. Ухоженное, избалованное не в меру. Послушай, Архип, ведь раньше молодежь не решала сама за себя, как сейчас, и как ей жить и на ком жениться, — хрипло говорил высокий, и его птичье, на длинной шее лицо еще больше заострилось.

— Забудь, Трифон, как раньше было. Ведь тогда все по принуждению было, без любви, — сказал Архип и, взявшись свободной рукой за пуговицу, потряс перед грудью взмокшую от пота сиреневую безрукавку, затем снял шляпу. Время от времени помахивая ею, гонял ветерком на совершенно лысой и

круглой, как гольш, голове мелкие бисеринки пота.

— Любовь, что, за нас с тобой придумали? — мельком взглянув на меня, сказал Трифон. Я сделал вид, что не слушаю. В этих местах я почти никого не знал, а потому меня и вправду мало интересовал их разговор. — Любовь, она и тогда была любовью. Возьми моих сродственников. Как узнала мать, что отец угодил в промоину, под лед пошел, слегла, а через месяц ее, как и не было. Раньше отца схоронили. Отца только в разлив нашли. Прибило его к берегу у Соловьиного брода. Вот это любовь была, и я знаю. Ноне и не снилось так любить. А ведь ее силой обвенчали с отцом. Терпеть не могла. «Не перевариваю», говорит, и все. Больше года врозь спали. Я самый старший, только на третьем году появился. А жизнь прожили, как песнь спели. — Трифон стукнул сухоньким кулачком по узкой впалой груди, приосанился. — А сейчас что? Посмотришь — жить не хочется. Не дерутся, так ругаются.

— Раньше вроде не ругались?

— Отчего не ругались? Из-за хозяйства там, или из-за детей, ругались. А теперь черт знает и из-за чего. Иной раз посмотрю на своих Катю и Алика, жалко и больно до слез становится. Не так живут. Не, не так. В нынешние-то времена можно было бы жить и покрасивше.

Трифон достал папиросы, закурили.

— И не так бы было обидно, если бы моя Катюша выскочила за Алика, как в той песне поется: «Хоть за старца, лишь бы в девках не остаться». — Трифон поперхнулся дымом, закашлялся. Архип тем временем ушел и вскоре вернулся с полными кружками, на треть заполненными светло-коричневой пенной.

— Больно мне смотреть на их жизнь нескладную, — сипло заговорил Трифон, наклоняясь ж Архипу. — Дело в том, что в ихней нескладёхе и моя вина имеется. Не послушай я жены, на своем настои, может, Катюша мне теперь спасибо сказала б. Н-да! — снова загудел Трифон, — любим мы своих детей как-то не так. Мягкость позволяем. А она чаще во вред бывает. Родительской, а особенно отцовской любви, твердости бы побольше. Иной раз задумаешься, и прелюбопытные мысли в голове вертятся. К примеру, если бы можно было вернуть все назад, то я, конечно, не разрешил бы Кате выходить за Алика.

— Так бы она тебя и послушалась.

Архип поднялся с корточек, размял ноги.

— А, может, и послушалась бы. Я так думаю, что выходить

замуж надо только за того, кто любит тебя больше жизни. Сам счастливый, он и ее осчастливит.

— Женщины тоже хотят, и любить, и страдать, а не только быть любимыми. — Архип расстегнул сиреневую тенниску, почесал седую грудь, жара донимала и в тени.

Трифон хоть и не потел, но дышал тяжело, и вид у обоих был измученный.

— Зрелая женщина, в годах, предпочтет любви, уважение. Любовь что? Сегодня есть, завтра нет. А уважение, это, брат, всегда оплачивается. Женщины практичней нас, мужиков. Ради них мы готовы на все, иной раз даже на смерть, а они... Не! До замужества, пока еще ветер в голове гуляет, еще так саяк, а как только замуж вышла, родила, все, тут уж дети верх берут, так что и не возражай, женщине сподручней быть любимой, нежели любить без взаимности. Сам прикинь, какой ей смысл влюбляться? Что она будет иметь от этого? Но если женщина горячо любима, она будет иметь все.

Архип со свистом тянул воздух своим хищно изогнутым носом, молчал.

— Влюбить в себя женщину — для мужчины так, сущий пустяк. Но если женщина не нравится мужику, тут уж дело — табак, считай безнадежное дело.

Трифон хмурился, и лицо его то заострялось до неузнаваемости, то опять принимало прежние очертания. На вздрагивающих ноздрах выступали бисеринки пота.

— Не спорю, обидеть или пожалеть, известное дело, в нашей власти.

— Ты не юли. Согласись, когда любит мужик, дело надежнее. А потому, я считаю, и право выбора должно быть у него, а не у ней.

— По сей день, мужиков еще никто не лишал такого права.

— Формально, да. Право, оно вроде бы и сохранилось за мужиком, а на самом то деле выбирают они. Парень выбирает того, кто его уже давно выбрал.

Я невольно прислушался к словам Трифона.

— Хорошо, если и он ей глянется, будет по душе, и она нужна ему, как воздух. А если нет? Проходит год, другой, третий, как и у моей Катюши, и хоть разводишься. Любовь, оказывается, с ними и не ночевала. Нет, я бы определенно запретил девушке выходить замуж без родительского на то согласия. — Трифон развел своими сухими руками, неловко улыбнулся и попросил у Архипа папиросу.

У Архипа папирос не оказалось, и я предложил свои. Мне захотелось поспорить с Трифоном, а заодно узнать, что же произошло с его Катей.

— Извините, что вмешиваюсь в ваш разговор, но вы не правы, — сказал я Трифону, поднося зажженную спичку.

— А вы откель к нам? — ничуть не удивившись моему замечанию, спросил Трифон и сладко затянулся.

— Жена отсюда родом. Поклипачей, может, знаете?

— Как же не знать? На Ковалевке живут. Сродственники ведь. Правда, далекие, в четвертом или пятом колене. Теперь такое родство не признается. Я твою Наташу еще вот такой помню, — Трифон распростер свою темную ладонь у самой земли.

По случаю знакомства и новых родственных уз я взял три кружки пива. Трифон охотно принял угощение, подул на пену. Переливаясь через край, пена оплывала по граненым бокам бокала и скапывала с надтреснутого дна в траву.

— Разве можно в наше время так рассуждать? Да это же домострой какой-то, — уверенно потянул я нить прерванного разговора.

Трифон перестал дуть на пену, испуганно посмотрел в мою сторону. Он, видно, уже не верил в наше родство и скорее всего принимал меня за приезжее начальство, вознамерившееся что-то выведать.

— Разве мы рассуждаем? — махнул рукой Трифон. — За кружкой пива ведь не будешь сидеть молча, вот и ведешь разговор... Как говорится, что у кого болит, тот о том и говорит.

— И что же у вас стряслось? — как можно участливее спросил я.

Трифон заволновался, как перед ответственным экзаменом.

— А, обычная история. Встречалась дочь с одним, а замуж пошла за другого, — мрачно сказал Трифон и замолчал.

Трифон уже испытывал непреодолимое желание рассказать мне обо всем, притом рассказать подробно, обстоятельно. Он в моем лице хотел найти или подтверждение или опровержение своим мыслям. Мнение сельчан он знал хорошо, а вот что скажет посторонний, да еще к тому же городской человек, было для Трифона не безразлично. То, что я вначале осудил его образ мыслей, только подстегивало Трифона. Конечно, мое неодобрение вряд ли бы поколебало уверенность Трифона, но моя поддержка была бы для него очень

кстати. В трудном споре он мог бы опереться на нее, как на авторитет. Заметив нерешительность Трифона, и желая вызвать полное доверие к себе с его стороны, я собрал пустые кружки и опять направился к буфету.

Когда я вернулся, Архипа уже не было. Видно, он во всех подробностях знал эту историю, а потому слушать ее повторение ему было не интересно.

Наверное, потому, что уж очень волновался, Трифон начал свой рассказ почти без предисловий:

— Первого жениха Кати звали Дмитрием. Многие успели пожениться, а кое-кто и детками успел обзавестись, а они знай себе, встречаются, в кино ходят. Вся деревня одобряла Катю и Дмитрия. Вот это по-нашенски! Без спешки, зато надежно. Не как другие, не успели познакомиться и уже свадьба.

— В былые времена отец кабы взял дрын на такого жениха, — поддакивает другой. — Мы разве ходили по сельбудам, по кино? А ведь по десятку детей приживали, а сейчас с одним и то не справятся.

Старикам, звесное дело, только бы поболтать. Но время времени рознь, и как я смотрю сейчас на все это со стороны, Дмитрию и Кате надо было поступать согласно собственному разумению и никого не слушать.

Трифон допил свою кружку и принялся за кружку Архипа, которую я предложил ему, чтобы окончательно расположить его к себе и таким образом уменьшить возникшую скованность. Рассказывая мне свою историю, может в сто первый раз, Трифон говорил с трудом, спотыкался на каждом слове, опасаясь, что я что-то не так пойму или преждевременно прерву, а то и необоснованно, поспешно осужу его. Он, видно, очень боялся упустить какую-нибудь деталь, подробность, на первый взгляд пусть и незначительную, но способную сыграть решающую роль на мое отношение к этой истории, а потому ему явно не хватало раскованности.

— А вы знаете, что я когда-то учительствовал? — неожиданно признался Трифон. — Не одну сотню детей воспитал, а дочь вот не смог.

— Наверное, тысячу воспитывать легче, чем одного, — пошутил я.

Мое замечание, похоже, смутило его, и я поклялся себе в дальнейшем раньше времени со своим мнением не высываться.

Начало рассказа, выводы Трифона заинтересовали меня.

Чувствовалось, что он пришел к ним не вдруг, и уж, конечно, не вычитал где-нибудь в старых романах, за ними угадывались месяцы, а может и годы нелегких раздумий.

Иной раз мне казалось, что как для учителя, он читает и вовсе мало. Его явно неширокая эрудиция и слабая начитанность на моих глазах вступали в неразрешимое противоречие с его глубокомыслием. Я набрался терпения выслушать его рассказ до конца, каким бы длинным он ни оказался. Ведь, в конце концов, в любом, пусть даже неправильном суждении равно, как и в неправильно прожитой жизни, обязательно есть что-нибудь поучительное, этакая крупница опыта, истины.

Утолив жажду, мы отошли вглубь скверика, что позади столовой, и расположились прямо на траве. После небольшой заминки Трифон снова вернулся к своему рассказу.

— Дмитрий боялся дохнуть на Катю. В огонь и в воду готов был ради нее, да и со стороны посмотреть, парень хоть куда. На все село. Высокий, статный, и, как по моим понятиям, то и красивый. Гораздо красивше Алика. Короче, всем взял. Да вот беда, не больно разговорчивый. Известное дело, девушкам такие не шибко нравятся. Да оно и понять можно. Если парень стесняется, то, что тогда девушке делать? Ей и вовсе неизвестно, куда деваться, как себя вести. А ведь наша стеснительность да неразговорчивость и от большой любви бывает.

— Бывает, — согласился я.

И от этой маленькой моей поддержки Трифон приободрился, заговорил живее. К нему вернулась прежняя убежденность, которой ему так недоставало в разговоре со мной. И которая все время присутствовала при разговоре с Архипом.

— Придет, бывало, к нам Дмитрий, мы все в телевизор уткнулись и смотрим, а он на Катю. Иной раз даже улыбнешься. Ясное дело, сначала отвернешься, чтобы он не увидел, а то и обидеть недолго.

— Ну, а она, Катя как же?

— Ее, было, и не поймешь. Захочет, пойдет с ним, а нет, так и не выгонишь. Устала, и все тут. Голова побаливает, ноги ломит. А то погода скверная: холодно аль дождь идет. Ну, а Дмитрий все верит, терпит. Я очень уважал его. В особенности за это его терпения. Впрочем, оно и погубило их любовь. Любви надо дать время родиться, созреть, вырасти. Она что цветок: рано сорви — не распустится, так оставь — завянет. Эх, до чего опасно и глупо это долготерпение любящих. Короче, пошло их дело на проволочку. Ребята и мужики

помоложе начали подтрунивать над Дмитрием:

— Эй, Дим! Может, ты хоть скажешь, в каком столетии будет ваше бракосочетание. Внукам подарки закажем. Авось доживут. Ну, и такое прочее, сам знаешь. У нас тут такие есть, попадешь на язык, не соскользнешь. Ну, а тут еще и подружки стали Катю донимать да нашептывать: мол, хватит стежки топтать по селу, женитесь, что ли. Катя в слезы; не могу, мол, выйти за Дмитрия. Почему — и сама не знаю. Знаю, что любит, а вот сама не уверена в своих чувствах. Я хотел проявить твердость, настоять на своем. Такие женихи, как Дмитрий, на дороге не валяются. А тут только ночь, жена под боком жужжит: «Не неволь ты Катюшу, старый. Вдруг чего, будет потом доченька на нас обижаться». И веришь, уломала. Женщина больше сердце слушает, а доводы разума для нее так, пустяк один.

Трифон вырвал былку пырея, долго, пока не сломал, ковырялся в почерневших, прокуренных зубах.

— Нам кажется, что мы все решаем, — сплюнув, снова заговорил Трифон. — Решаем-то мы, конечно, решаем, но только так, как нам жены нашептывают. Это нашептывание мы и выдаем за свое решение, оставляя за собой последнее слово. Даже по столу пристукнем: «Не отдам и точка».

А Катя, как позже выяснилось, не меньше нас страдала. И полюбить Дмитрия не могла, и оставить боялась. Притворившись больной, по неделям к нему не выходила, надеялась, что длительная разлука как-то укрепит ее чувство. Одно время ей даже хотелось, чтобы Дмитрий заболел, попал в аварию. Надеялась, что жалость-то уж пробудит в ней настоящее чувство. По натуре она у меня добрая, мягкая, а вот, поди же, к чему додумалась. Уж и не знаю, почему ее сердце оказалось таким черствым по отношению к Дмитрию. Парень он неплохой, положительный. Мне кажется, что всему виной эта его безмерная любовь и преданность. Да брось он Катю хоть на недельку, да селом петухом пройдишь рядом с девахой под руку, для понта, конечно, тут бы я думаю, у нее ревность и разыгралась бы. Да еще как разыгралась! Жаль, не из тех Дмитрий. Характер не тот. Не мог он мучить Катю ревностью, а надо было. Поиграл бы немного на нервах, ничего бы с ней не случилось. Где бы и привязанность взялась! Без игры, порой и взрослому скучно, а молодым... Отбери у ребенка сказку и украдешь детство. То и с любовью. Любовь должна чем-то питаться: шуткой, игрой, ревностью, да мало ли чем.

Заметив, что Катя мается, подруги начали давать советы. Никудышные советы, должен вам сказать, навроде:

— Да брось ты его, если он тебе не люб.

— Не можешь найти себе другого, что ли?

Катя, конечно, не послушалась подруг, не бросила Дмитрия. То ли побоялась одной остаться, а может, и другое что-то, мне ли знать? Со мной она говорит мало, больше с матерью, хотя если разобраться, мать и виновата во всем. Впрочем, не буду забегать вперед. Лучше все по порядку. А там уже судите сами.

Трифон на время умолк, опустил глаза, будто в полегшей траве искал и никак не мог найти нить прерванного разговора. Но вот, наконец, кажется, нашел, потянулся рукой, поднял кем-то вырванную иссохшую травинку, положил в рот. И, словно пробуя на прочность, стиснул зубы. Жилы на загоревшей, по-гусиному тонкой шее напряглись, словно канаты вантовой конструкции.

— А тут еще над Дмитрием стали подсмеиваться. То колодку на масленицу привяжут, то еще что-нибудь учудят. Дмитрий посуровел, но терпит, только все больше под ноги смотрит, будто потерял что. Впрочем, на его месте каждый бы так. Чему тут радоваться? Тут скорее взвоешь от такой-то жизни.

Трифон снова умолк. То ли собирался с мыслями на подходе к главному разговору, а может, хотел проверить, внимательно ли я слушаю его. Если нет, то какой смысл продолжать? Я слушал внимательно, не перебивал, не задавал лишних вопросов, и на какое-то мгновение мне показалось, что их-то он и ждет. И тут уж я поверил: для того он и сделал эту паузу, чтобы я, если у меня что-то есть к нему, тут же и выложил, сбросил, как перед прыжком с парашютом, лишний груз с души, дабы потом, когда он перейдет к главному, я не беспокоил его, не сбивал с мыслей. Я взглянул на Трифона, и он понял, что вопросов у меня пока нет и, возможно, не будет, и он может продолжать.

— Странно, как ни толстокожи мы, мужики, а вот когда любим, до того ранимы становимся, до того чувствительны к самой пустяковой обиде, хуже самой последней бабы. Кожа от этой проклятой любви у нас утончается, что ли? Да что там говорить? Оно когда любишь, и мир весь во сто крат нарядней становится. Люди, небо, звезды — все нас радует. А ведь, в сущности, ничто, кроме нас не меняется. И мир для кого-то

в это самое время темнее тучи. Поди, разберись, что с человеком делается. Тут не то, что умом, сердцем не понять. Кто объяснит, почему мы, когда нас не любят любимые, сразу же чувствуем это? Да никто.

Поняв, что Трифон пока не переходит к главному, а делает отступление, словно самолет круг перед посадкой, я решил нарушить данное себе обещание и задать Трифону вопрос. Этим я хотел, если и не подбодрить его, не подтолкнуть к главному, к чему он, видно, все никак не решался приступить, то, во всяком случае, как-то вы разить свою заинтересованность его рассказом.

— А как же тогда измены? При такой чувствительности и оказываются незамеченными? — спросил я.

— Нет, если человек любит, обязательно заметит! Любящее сердце не обмануть, а если нет — не все ли равно тогда.

Я выразил согласие легким кивком головы, достал папиросы. Трифон раскурил предложенную мной папиросу, часто задышал.

— И в то же время любовь — такая несвобода, такая болезнь, требуешь, порой черт знает чего, а сам дать не можешь и вот столечко, — показал он кончик мизинца. — И не потому, что не в силах, а потому, что все, что ты можешь, просто никому не нужно.

Трифон все это время смотревший под ноги, неожиданно выпрямил свое сухое крючковатое тело, заглянул в глаза. Я не выдержал его взгляда, посмотрел в небо, надеясь найти там хоть облачко.

— В тот год все друзья Дмитрия переженились, — услышал я густой тягучий голос Трифона. — Но Дмитрий не торопится делать Кате предложение. Видать почувствовал: не любит его Катя. Впрочем, сделай он ей предложение, Катя наверняка пошла бы за него. Есть же вот такие преданные, но неумелые в жизни натуры. — Трифон едва заметно улыбнулся, добавил:

— Я больше чем уверен, что он и не целовал ее ни разу.

— Не может быть, — не поверил я.

— Удивляешься? А я — нет. Хотел парень, чтобы как положено все было, по любви.

— Умри, но не отдай поцелуя без любви? — ухмыльнулся я. — Старомодно уж как-то.

— Старомодно, говоришь? А я думаю, что нет. Любовь старомодной никогда не была и не будет. Ведь если бы Катя

любила его, то никуда бы он не делся, поцелуй твой. А если нет, то какой в нем прок? Одна горечь только от него. Короче, зряшное дело. Я, например, его понимаю. Бывает так у любящих. Не хочешь, а точнее не можешь осквернить святое. Да и зачем нам теперь судить об этом.

В голосе Трифона мне почудилась горечь. — Нет у нас с тобой такого права — судить. Любовь неподсудна.

Мне стало немного неловко, и я опять посмотрел вверх. В белесом небе ни тучки, ни тени, все испарилось.

— Может, у них и до сих пор все так бы тянулось, а может, и поженились бы, если бы не случай. Случай на первый взгляд самый обыкновенный. Пригласили однажды Дмитрия и Катю на свадьбу, ну а на свадьбе, сам знаешь как. Смех, шутки. Подвыпьют, и давай удаль свою проявлять. На молодых прокатытятся, потом друг над дружкой подтрунивают. Дошла очередь и до Дмитрия с Катей. Кате, известное дело, не понравилось. Нарочно стала с парнями заигрывать, танцевать, с кем попадя. Ну, и урвалось терпение у Дмитрия. Плюнул на все и стал ухаживать за Верой. Есть у нас тут такая. Твоя Наташа ее знает. Ты только напомни, расскажет. Страшно распутная девка. Все село об этом знало. Да и Дмитрий не то, чтоб в неизвестности пребывал. Такие, как Вера сразу чувствуют, кого окрутить можно, да так еще, чтобы потом и прощал им все. Нюхом они чувствуют такого, что ли? Шестой десяток живу, а никак не пойму. Непорядочный порядочного терпеть не может, за версту не подходит. Уразумел? Не любит он его, побаивается, и все же что-то влечет его к нему.

— Противоположности всегда сходятся, — сказал я таким тоном, будто сделал открытие.

— Как ты сказал? Противоположности? Во-во! В точку попал. Я по Верке сужу. Такого пройдоху, как сама, не ухватила, а к Дмитрию приклеилась. В молодости она, правда, летела к таким, как пчела на взятку, но потом поняла: для жизни надо искать что-нибудь надежней. А такой, что? Поиграет и бросит. Она бы, конечно, еще порхала, да года подперли. За муж приспичило, как говорится, пора, хоть в сани сади и ори на все село: «Поспела!» Вот она и прикинула: привязанность Кати и Дмитрия держится на Божьем слове. Дмитрию в холостаках пребывать надоело, да и насмешки терпеть мало приятного. А тут — Катя хвостом вильнула. Вера, не долго думая, и вбила клин. Такие, как она, без этого не могут. Короче, попал он в объятия Верки. А Верка — это не Катя. Попал — не

выпустит. Сучка сучкой. Иначе я ее и не называю. Загубила, каналья, жизнь Дмитрию. Не знаю, как бы они с Катей жили? Характер у Дмитрия не из легких. Посмотреть — кажется, воск. А лепить попробуй — пальцы сломаешь. Главная беда — шуток не понимает, вот что. Да и сам шутить не умеет. А терпелив, так кажется до бесконечности. Оно то и хорошо, но с другой стороны в этом и ловушка, западня как бы. Особенно для несамостоятельных женщин. Да и мужчин тоже. Многие видят в этом своего рода попустительство, поблажку, слабость. Мол, этот лопоухий все снесет, все вытерпит, все простит. Дмитрий, он такой и есть внешне, а в душе... Впрочем, все мы одинаковы. Кто позволяет, на того все и валим. А оно и у самых терпеливых иссякает терпение, и человек одним махом вдруг начинает рубить с плеча, по живому, и все концы сразу. Не одобряю таких людей. То ли гибкости у них не хватает, то ли обиды копят до тех пор, пока им уже и деваться некуда. Вот и взрываются. Да так, что все летит вверх тормашками.

Короче, со свадьбы Катя вернулась одна. Не шибко расстроенная, но мать заметила. В первые дни, видать, надеялась, что Дмитрий пошутил и не сегодня — завтра вернется, но прошла неделя, началась вторая. Селом слух прошел, будто Дмитрий и Вера подали заявление. Катя заболела. Как она только переживала, бедняжка, страшно вспомнить. Как-то не выдержала, матери призналась: «Был Дима рядом, — и не замечала, а не стало — не могу без него». В жизни всегда так: то, что в избытке, не нужно, а чего нет — подавай. Да и избыток этот, смотришь, был, и нет. Вот тебе и случай. Случай, он может всю жизнь вверх тормашками перевернуть.

— Значит, Катя любила Дмитрия?

— Спрашиваешь?! Любила, да еще как! Теперь думаю, что, может, это и была самая, что ни есть настоящая любовь. Ведь сам посуди — это же, как воздух. Пока дышишь — не замечаешь, а не стало — и все, конец. Самого настоящего то мы, как правило, и не замечаем. И вот тут-то я уже и виню Дмитрия из-за его дурной натуры. Ну, покружи ты с Верой с недельку, покуражься маленько, кураж он нужен, и вернись к Кате.

Когда-то я говорил с ним в этой столовке за бутылкой вина. Он долго хмурился, молчал, потом на откровенность пошел: «Не смог я вернуться к Кате, так как Вера, мне в первый вечер отдалась». До смешного обязательный парень. А уж что

совестлив, и говорить не приходится, «Я таким, грит, вернуться не мог». Он мне так и сказал тогда чуть презрительно: «Таким». Если хочешь, я тебя когда-нибудь познакомлю, с ним. Ну, чего ты? Парень он интересный, покладистый, хоть маленько и со странностями. Я бы даже сказал, что-то женское есть в характере, нет, с таким познакомиться не зазорно. Я давно приглядываюсь к людям. И вот что замечаю: каждый хочет выдать себя не за того, кем он есть на самом деле: высокий — сутулится, плут — честным словом, как хвостом вертит. А вот Дмитрий, каков внутри, таков и снаружи. Ну, то как? Познакомить?

Я согласился. Мы опять взяли по кружке пива и, располагая по ободку кристаллики соли, стали тянуть удовольствие. Между мной и Трифоном установилось некоторое взаимопонимание и полное доверие. Трифон уже не торопился, не нервничал, а словно нарочно тянул рассказ, рассеянно поглядывая по сторонам. Мое любопытство возрастало.

— Ну, и чем же все кончилось? — не удержался я.

— Известное дело, чем. Тем, чем и заканчиваются подобные истории. Дмитрий и Вера через месяц поженились. Катя слегла. И не то, что в кино, на улицу ее не выгонишь. Поначалу я думал, что это самолюбие разыграло в ней, ан нет.

Я поставил, пустую кружку в траву и, наверное, раскрыл рот, потому что Трифон слегка улыбнулся.

— Через год Катя вышла замуж, родила двойню. Я не скажу, что живут они с Аликом уж очень плохо. Одна беда — выпивает Алик. Из-за этого и ссоры. А если разобраться, то кто ее сейчас не пьет? Иной раз посмотришь, вроде и любят друг дружку, и любовь у них как будто большая, искренняя. А все-таки чего-то ей не хватает. Я думаю, что как раз той незаметности, которая была у них с Дмитрием. Ведь это же как надо любить, как угадывать желание, чтобы Катя ни в чем не испытывала необходимости и даже не замечала тебя, словно эти блага не от тебя, а как чудо какое-нибудь сотворяются сами собой.

Я задумался над последними словами Трифона и пропустил дальнейшую часть рассказа мимо ушей. Заметив мою рассеянность, Трифон умолк и только тогда я заметил, что не слушаю его.

— Если они любят друг друга, так в чем же дело? — пытаюсь загладить невольную оплошность, спросил я.

— А в том, мил человек, что раздвоилось Катино сердце.

— Ну, тут я уж и вовсе ничего не понимаю. Как такое может быть?

— Выходит, может. Я так думаю, с Аликом у них дети, привязанность, а к Дмитрию душа лежит. — Трифон вздохнул и, облокотившись, лег на бок. — Понимаешь, какая история. Хотя и скрывают они это ото всех, а стоит Катюше повстречать Дмитрия, как она тут же преображается: покраснеет вся, вздрогнет, будто в ней что-то оборвалось, а если пьяного увидит, с тех пор, как Вера стала ему изменять, Дмитрий напивается часто, несколько дней ходит убитая. Все у нее из рук валится. И зачем он ей теперь? Тогда не видела, а теперь сохнет.

Я улыбнулся наивной философии Трифона и своей улыбкой, видно, опять дал повод Трифону усомниться в моей искренности и крепости наших родственных уз.

— А чего же Дмитрий терпит? Бросил бы эту стерву, может, она бы и остепенилась.

— А то думаешь, он не бросал? И бил не раз, и бросал, но такой, видать, все равно. И побьет — балда, и простит — болван. Да, видно, оно так и есть. К чему было связываться? Курва — она и есть курва. Потерянный человек. Представь, если у человека ничего за душой нет, что ему остается? Коллекционируй миги, лови удовольствия, вот и вся недолга.

— А может, он думал перевоспитать ее?

— Горбатого могила исправит.

— Тогда только бросать.

— Веру Дмитрию бросить — пара пустяков, а вот детей? Двое их у него и оба сыновья. Вот так и живут. А Вера ни тогда, ни теперь не думает головой. Ум-то ее в заднем месте пребывает. И у нее жизнь — не позавидуешь, и Дмитрию искалечила, хоть в петлю. Дмитрий ведь не на миг рассчитывал, а на всю жизнь. Такие, как он — максималисты: или все, или ничего. И вот что интересно: Вера-то во всем Дмитрия винит. Хотя, как я думаю, Дмитрий мог бы взлететь. При том высоко. А она, уже бескрылая, ворвалась в его жизнь и его тоже заставила ползать в навозной куче. И теперь мучаемся мы все: и Катя, и Алик, и Дмитрий, и мы — родители. Но нам-то и на роду написано мучиться, как говорится: наши дети — наше и горе.

— Значит, он себя не уважал, если позволил ей все это, а раз он себя не уважает, кто будет уважать его?

— Кто знает. Попробуй теперь разобраться, кто виноват,

кто кого должен уважать, а кто не должен. Ничего ведь из этого не получится. Катю, хоть она и дочь мне, тоже не одобряю. Зря вела себя так. А с другой стороны посмотрю: сердцу-то ведь не прикажешь. Теперь она, конечно, страдает, что из-за нее не вышла у Дмитрия жизнь, и своя не сложилась. Дмитрий тоже неосмотрительно, легкомысленно поступил. Взвалил на свои плечи груз Вериных походов и тащит. А разве я прав был, когда в свое время не настоял на своем? А потому, как так вышло, всем-то нам теперь и страдать должно. Обидно только, что порой страдают дети, наши внуки. Они-то единственные ни в чем не виноватые. Родителей не выбирают. А они им достались неважные, не любящие, — вздохнул Трифон и приподнялся на локте. — Если не брать в расчет детей, то Дмитрию, пожалуй, больше всего досталось.

— Конечно, — в раздумье согласился я.

— В нашенской жизни так уж все устроено, что доброму да справедливому больше всего и достается. Одному только Богу известно, что у него там, в душе, творится. С Катей он теперь не разговаривает. А ежели придется встретиться случайно на улице там или у магазина, отворачивается и куда-нибудь в переулок свернуть норовит. А чтобы там поздороваться, улыбнуться... Нет! За десять лет ни разу такого не было, я-то уж знаю. Хотя и замечая: оба ждут этих встреч. Хотя бы уже разъехались, что ли? Хорошо хоть живут не рядом, кажинный день встречаться не приходится, и на том, слава Богу. Одно время Дмитрий хотел рассчитаться, выехать из села. Только куда ты поедешь? От себя самого никуда не убежишь. Вот так и ходят теперь по жизни, а сердца, словно канатом связаны. Потянет один, а больно обоим. А потому никуда они не уедут друг от друга. Канатик этот их не отпустит. А порвать — кишка тонка. По живо-му рвать придется, по сердцу. А не послушай я тогда свою старуху, на своем настои, может, и отдал бы Катю за Дмитрия. А то заладила: «Не неволь, не неволь». А оно, оказывается, не так просто разобраться, где воля, а где неволя. Вот и выходит, что нет бремени более тяжкого, чем свобода, а особенно свобода выбора. Теперь бы старуха локоть укусила, да не достанет.

— И тем не менее каждый хочет свободы, — сказал я. — За свободу вон сколько людей жизнь положило.

— А это еще как сказать? Все должно быть в разумных пределах. Иная, понукая, заведет и себя, и мужа в такие дебри, да там и оставит, его же и обвинив. А потому мужчина

всегда должен быть на своем месте. Не в пример мне. Да и не всегда надо давать женщине право выбора в любви. Выберет, как моя Катюша, а потом раскаивается. Сама мучается и других возле себя мучает. Тут дело тонкое, деликатное. Тут без опыта да родительского совета никак нельзя.

Трифон виновато улыбнулся, поднялся, отряхнул собранные сзади в складку мешковатые брюки. Он видно ждал от меня возражений, но я поднялся и неожиданно поддержал Трифона.

— Свобода — это осознанная необходимость, — оказал я.

— Это как же? — не понял Трифон.

Я удивленно посмотрел на него и окончательно усомнился, что он учитель.

— Ну, то есть в том смысле, что разумная, не превышающая потребностей и не посягающая на свободу других. И, конечно, такая, чтобы человек мог сам с ней совладать. Короче, то, о чем говорили и вы, — как можно понятнее объяснил я.

— Ясно, — сказал Трифон, направляясь к тротуару. — Так оно и должно быть. Одно только меня и утешает. Возможно, и Дмитрий бы выпивал да еще поболе, чем Алик. Ведь пьет же с Веркой. Ты как думаешь? — неожиданно обратился он ко мне.

Он смотрел мне в глаза своими тихими, почти что бесцветными глазами, будто боялся, что я могу что-то утаить от него, соврать, а уж в глазах-то он не пропустит, заметит, и ждал. И я, чтобы не обидеть старика, ответил ему его же словами:

— Конечно. Кто сейчас не пьет?

— Выпивать-то он, может быть, и выпивал, я тоже так думаю, — сказал ободренный Трифон и, осторожно отделяя каждое слово, добавил: — А вот, что Кати он никогда бы не обидел, то это уж точно. Тут у меня сомнений нету.

И я не стал ему возражать, промолчал. Да и не было у меня, чем ему возразить.

Трифон опустил голову, замялся, видно, он не все высказал, и это «что-то» мучило его.

— Вы извините меня за ложь. Никакой я не учитель. Всю жизнь на тракторе проработал, — Трифон неожиданно поднял голову, взглянул на меня, видимо проверяя, не осуждаю ли я его.

Выражение моего лица не изменилось.

— Побоялся, что не поверите, посчитаете старомодным, вот малость и пришлось приврать. Для уверенности. Сейчас мало

кто думает так, как я. Да и я, признаться, раньше так не думал. Горе заставило.

— У вас для этого есть все основания, — сказал я. Переубеждать Трифона было бесполезно, да и не нужно.

— Вы правы, — наконец твердо сказал я. Сказал не потому, что разделял точку зрения Трифона: мне не хотелось сеять в его душу новые сомнения и следующей за тем нелегкой работой мысли, дать повод для новых мучений. Ведь человека больше всего изнуряет не сам факт, а дилемма: да или нет, прав — не прав, а остроносое лицо Трифона было до того бледным, что ему по всем приметам, явно надо было отдохнуть.

— Да, вы правы, — подтвердил я, заметив на лице его тень недоверия. Трифон как-то сразу просиял, приосанился, засветился изнутри. Даже лицо стало округлей. Он пожал мне руку, и мы расстались. Шагов через пятьдесят Трифон оглянулся, приветливо махнул мне рукой.

— Привет сродственникам.

Я ответил ему приветствием, сказал: «Спасибо».

И еще больше убедился, что поступил правильно. Все мои почерпнутые из книг доводы и возражения перед его личным опытом — в сущности ничто. Они бы внесли только сумятицу в душу Трифона, и, чтобы опровергнуть их войти в свою колею, он без конца перелопачивал бы и перелопачивал свой жизненный опыт. А зачем? Тем более, что из всякого правила есть исключения.

ДИСКОТЕКА

От Андрея Поддубного ушла жена, и вот он стал жить один в двухкомнатной квартире. В течение нескольких месяцев квартира обрела нежилой вид. В ней были хаос и запустение: шторы не стираны, полы не мыты, на окнах и мебели толстый слой пыли.

Андрей нарочно не вытирал, копил вместе с обидой. Надеялся, вернется жена, и толстый слой пыли, свидетельствующий о том, сколько она отсутствовала дома, будет ей немым укором.

Впрочем, пыль не мешала Андрею. Он жил сам по себе, пыль лежала сама по себе. Дома Андрей только спал, да еще думал. Ни тому, ни другому пыль, естественно, не могла сколь-

ко-нибудь серьезно помешать. Иногда Андрей замерял толщину скопившегося слоя пыли, делил ее на количество прожитых в одиночестве дней, и пытался загадать, на сколько еще увеличится этот слой, прежде чем Аня вернется домой.

Андрей подбрасывал вверх игральную кость, но на ней неизменно выпадала единица. И хотя это число скорее свидетельствовало об одиночестве, Андрей радовался как малое дитя, делал несложные подсчеты, которые подтверждали, что Аня вернется никак не позже, чем через шестьдесят три дня. Ровно за такое количество дней толщина пыли увеличилась на миллиметр.

Но прошло два месяца и еще три дня, а Аня так и не вернулась. Андрей снова извлек игральную кость и, чувствуя, что становится суеверным, снова подбросил ее вверх. Как и прежде, на ней выпала единица, и он снова приготовился ждать.

Два месяца он ждал относительно спокойно, но три последних дня пребывал в ужасном напряжении, страшно мучился.

При малейшем шорохе вздрагивал, вскакивал с кровати, бежал к окну, потом к двери, не заглядывая в глазок, открывал их и... Оставался один на один с пустой площадкой.

Ровно и спокойно сеялся с потолка электрический свет. Слышно было невнятное бормотание соседа за дверью, храп, чмоканье сонных губ, скрип чьих-то торопливых шагов на улице, шум двигателей редких автомобилей, шуршание колес по асфальту, визг моторов у перекрестка.

В три последних дня ожидания жены нетерпение нарастало, и Андрей становился особенно чувствительным ко всевозможным звукам. Он слышал такие звуки, которые в обычном состоянии к нему не доходили: сопение за стенкой, скрип чужого дивана, разговор соседей этажом ниже и этажом выше. Малейший шорох от задуваемого сквозняка воспринимался Андреем как грохот.

Все три дня Андрей ходил сам не свой: мучился. Все это время он жил в огромном мире звуков. В конце концов, от их обилия и внутреннего напряжения у него начинало колотиться сердце. Иногда он слышал его стук так явственно, как стук каблучков соседки, спускающейся по лестнице.

Тем временем минула зима, наступила весна, а затем и лето стало входить в свою сухую пору, и пыль стала нарастать стремительней.

Но Андрей уже настолько привык к определенному ритму, что уже не мог не повиноваться ему. За три дня до предпола-

гаемого возвращения жены он ходил из угла в угол своей просторной квартиры, вслушивался в суету двора, думал. Иногда, чтобы отвлечься, он что-нибудь напевал. Было это, как правило, накануне последнего дня. Весь день и всю ночь перед этим он напевал одну единственную фразу: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло».

Но и это не утешало. Одно время он уже хотел бросить загадывать, времени со дня ухода Ани прошло больше, чем достаточно, чтобы все обдумать, взвесить, но решиться не смог.

Надежд на возвращение супруги больше не оставалось, и чтобы не мучиться, не истязать себя, Андрей решил больше не бросать игральную кость, но сумел продержаться только два дня. В эти два дня он не спал и понял, что если не бросит кость, то и не уснет. Искушение судьбы, в которую он все больше и больше верил, стало второй жизнью Андрея, давало, пусть ненадолго робкую надежду. Чтобы поддерживать в себе эту надежду, Андрей должен был бросать и бросать игральную кость.

Главное дожить до Нового года, а там, гляди, что-нибудь и изменится, надо только загадать желание. А если уж и Новый год ничего не изменит, тогда крышка.

В канун Нового года он достанет кость и с последним удачом курантов бросит вверх. Это и будет то число, которое укажет время возвращения Ани.

Он уже не представлял, как оставит это занятие с кубиком, что будет делать. Ведь ему нужна надежда, чтобы жить, а жизнь для того, чтобы ждать. Он понимал, как это все смешно и нелепо, но чем дальше уходило время от того злополучного предновогоднего дня, в который то все и началось, тем эта его игра с кубиком выглядела все нелепее и смешнее. Он сознательно шел на обман. В этом обмане заключался теперь смысл его существования. Сознание все-таки первично. Стоит что-нибудь вбить себе в голову, и уже невольно начинаешь верить. Сколько прошло времени, а Андрей верит в то, что Аня вернется. Видно так уж устроен человек, что даже взрослым, да что там взрослым, стариком и то хоть немного, а остается ребенком. Большим ребенком, только и всего. Разве дети не знают, что сказка — вымысел, что нет ни бабы Яги, ни сказочного богатыря, ни даже деда Мороза, и, тем не менее, верят? Видно, правда повседневности слишком тяжела для детской психики, и дети уходят от нее в сказку, игру, вымысел, в мечту, то есть в сознательный обман. Но бывает,

порой, она становится невыносимой и для взрослого, и тогда он тоже не прочь убежать в вымысел, в суеверие. Умение обманываться — едва ли не одно из самых важных человеческих качеств. Как должно быть коротка и трагична жизнь человека, который никому и ни во что не верит. Пресловутая ложь во спасение! Сколько человеческих жизней она спасла! Впрочем, и погубила немало. Чтобы выжить, поверить в правду, справедливость человеку порой надо быть ребенком.

Куда лучше самому сознательно обмануться, чем быть обманутым другими. Такие или примерно такие мысли витали в голове Андрея. Благо, им никто не мешал, особенно после полуночи.

Дело усугублялось тем, что жена не просто ушла от Андрея Поддубного, а сбежала со слесарем Чекомасовым. Итак, по порядку.

31 декабря, то есть в канун Нового года не високосного, прошу обратить внимание на это обстоятельство особое внимание, ибо бытует мнение, что в високосный год происходит больше разводов, измен и смертей, что от части объясняется тем, что в этом году на один день больше. Впрочем, не исключены и другие причины, нам пока неизвестные. А потому дабы читатель не отнес случившееся на счет этих таинственных обстоятельств и не вменил им вины за распад семьи, подчеркиваю, уходящий год был не високосный, и наступающий тоже.

Где-то около четырех часов дня жена позвонила Андрею на работу и предупредила, что задержится, а он, чтобы обязательно забрал с садика Сашу, дочь Ира была уже на зимних каникулах, и обоих накормил.

— У вас, что опять дискотека? — спросил Андрей.

— Да, мероприятие, — уклончиво ответила Аня.

Андрей хотел, было, уточнить, что это еще за мероприятие выдумали под Новый год, но не успел. Жена повесила трубку. Перезванивать Андрей не стал. Андрей любил и уважал Аню, и Аня отвечала ему взаимностью: была чутка, добра, внимательна, готовила ужин, стирала и вообще заботилась. Ко дню рождения и к мужскому празднику дарила подарки. За десять лет совместной жизни он ни разу не заподозрил ее в чем-либо плохом, а потому успокоился и стал думать о том, какая у него замечательная жена. Конечно же, Аня осталась не по собственной воле, какое-нибудь предпраздничное собрание-летучка, на котором руководство поздравит с празд-

ником, объявит благодарности, вручит новогодние подарки, грамоты, премии, это уж что кому полагается, кто что заслужил и по домам. Напевая веселый мотивчик, Андрей пошел в садик, забрал Сашу. Ира подогрела вчерашний борщ, разлила по тарелкам, Андрей сделал загадочный вид, спросил:

— А что у меня в портфеле?

— Подарки! Подарки! — хором закричали Ира и Саша и, вскочив со своих мест, побежали к портфелю. — От деда Мороза? Да?

Андрей понял, что дал промашку: надо было сначала накормить детей, а потом уже говорить о подарках. Но так как он сам допустил оплошность, то сам ее себе и простил.

Саша и Ира разворачивали подарки, пробовали на зуб конфеты. Борщ остывал. Над ним кружился легкий дымок пара. Ничего, с голоду не подохнут, улыбнулся Андрей.

— Это я вам от зайчика подарок принес, — пытаюсь обмануть детей, Андрей предлагал им игру.

— Ну, и обманщик ты, папа, с работы ведь, как будто я не знаю, что такие подарки бывают только на работе, — сказала более взрослая Ира.

— Если от зайчика или с работы, то я тогда не хочу, — раскапризничался Саша. — Я думал, от деда Мороза.

Согласиться, что подарок от зайчика для Саши было, равносильно молча принять игру.

Игру надо было усложнить, обязательно внести в нее что-то новое, невыполнимое. Только в таком случае можно было рассчитывать на ее продолжение. А вот так запросто согласиться получить подарок от зайчика, конечно, заманчиво, но это и конец игре. Саша принял игру и стал ждать ее продолжение от Андрея. И Андрей продолжил.

— Ешьте пока подарок от зайчика, а от деда Мороза подарок принесет мама. Ира и Саша с нетерпением стали ждать возвращения матери. А там придет мама, и они еще что-нибудь придумают. Праздник — это сплошная игра, начало ей было положено, а он только, только начинался.

И Ира, и Саша, конечно, понимали, что никакого всамделишного деда Мороза нет и быть не может. Что все это выдумка взрослых, так же, как и подарок от зайчика, не она им нравилась. Объяви Андрей сразу, что это подарок не от зайчика, а от деда Мороза, Саша наверняка не согласился бы и потребовал бы, чтобы он был от зайчика, лисы, медведя, на худой конец, от волка.

Поужинав, стали наряжать елку.

Андрей надпилил ствол, немного надрезал верхушку, закрепил в зажимах. Налив в «стакан» треноги воды, Ира и Саша стали украшать елку игрушками.

— Па, мы не будем сегодня сряжать елку? — беспокоился Саша.

— Нет, не будем, — успокоил его Андрей.

— А завтра?

— И завтра тоже.

— А когда же тогда? Послезавтра?

Саше доставляло большое удовольствие наряжать елку, а потому он хотел, чтобы она стояла подольше.

— Может даже послезавтра и еще позже, — пообещал Андрей.

— И ты пойдешь завтра с нами к бабушке?

— Если не на долго, то пойду.

— Что? Бросишь слово через порог и назад? Я так не хочу, — закапризничал Саша. Андрей улыбнулся.

— Будем, сколько захочешь.

— А когда мы придем, бабушка будет проснутая?

— Конечно, но это будет завтра, а сегодня мы... — заговорщицки говорил Андрей.

— Что? Что? — накиннулись оба, повисли на шее.

— Сегодня мы нарисуем... Угадайте кого?

— Мишку. Он идет по лесу.

— Угадала, доченька, именно Мишку я вам и собирался нарисовать.

Андрей взял чистый лист бумаги, быстро набросал лес. Из-за деревьев, проваливаясь в снег, выходит заспанный Мишка, лапами глаза протирает. Шагает, видно, не торопливо, валко.

— А как Мишка к нам придет? — предложил новый вариант игры Саша.

— А действительно, как? — задумался Андрей.

В это время дверь квартиры открылась, вся в снегу в комнату вошла мама. Видать торопилась, даже снег отряхнуть забыла. Выбившиеся из-под шапки волосы взмокли.

— Смотрите, вместо Мишки мама пришла, — обрадовался

Андрей. Первым навстречу матери кинулся Саша.

— Ма, ты принесла подарок от деда Мороза?

— Подожди, дай отдышаться.

— Ма, а мы уже елку нарядили, — похвасталась Ира.

— Молодцы, — похвалила она дочь и отвела взгляд.

— Ты что, пешком шла? Вся в снегу, — спросил Андрей.

— Да! Так вышло. Ну, ничего, добралась, слава Богу.

Аня опустила глаза, стала рыться в сумке.

— Надо же, забыла подарки.

Аня виновато улыбнулась, но взгляд от сумки не оторвала. Продолжала копаться в ней, вынимала то ключи, то помаду, то пудру, то тушь для ресниц.

Саша еще некоторое время стоял, хлопал ресницами, ждал, надеясь, что, может быть, это новое продолжение игры. Мама еще немного пороется в сумке и найдет. Но вместо этого она вытащила тушь для ресниц, захлопнула сумку.

Саша заплакал. Игра была безнадежно испорчена. Уже одно то, что подарки оказались, забыты на работе, а не отняты у деда Мороза и принесены домой, свело игру на нет, и продолжение ее не предвиделось.

— Не плачь. Никуда они не денутся твои подарки. Принесу.

— Когда?

— Завтра, специально поеду на работу и привезу.

«Мне не надо с работы», — хотел, было сказать Саша, не вместе этого почему-то вырвалось другое:

— Мне не надо завтра.

— А разве ты никогда ничего не забываешь? — строго спросила Аня,

— Это не я, это ты забыла, ты!

— А ты еще будешь меня учить?! — Аня шлепнула Сашу по заднице, толкнула в угол. Саша заревел.

— Еще бы они не плакали, — попробовала она свалить вину на Андрея, — голодные целый день, вот и плачут. Как разлил борщ в тарелки, так он и стоит, никто к нему даже не притронулся. Что ни попроси сделать, сделает! Больше просить не будешь.

Аня понимала, что во всем виновата сама, что зря отшлепала сына, а потому злилась еще больше.

Андрей стоял, виновато потупив глаза: действительно не покормил, забыл.

— Сколько тебя надо учить, что налить в тарелку — мало, надо еще покормить ребенка. Вспомни, как это делала твоя мама — поучала Аня Андрея.

— Вот именно мама, а не папа, — вспыхнул Андрей. — Не шлялась бы до десяти часов, пришла бы и накормила.

— Ты посмотри на него, — возмутилась Аня. — Я его предупредила, как порядочного, а он еще и недоволен! Ты видал! Что ты от меня хочешь?

— Чтобы ты вовремя приходила домой и занималась детьми.

— А у них, что отца нет? Даже на час нельзя оставить.

— Не на час! А, собственно, какая разница? Как ты не понимаешь, что мать детям нужнее, чем отец. А ты возвращаешься в такое время, когда они должны давно уже спать. Где ты была?

Аня наклонила голову, а когда подняла опять, глаза ее смотрели на Андрея холодно, почти что враждебно.

— Ты же знаешь, у нас на заводе дискотеку организовали. После торжественного вечера все пошли танцевать. Пригласили и меня. Не могла же я отказаться?

— А почему бы и нет? Семья, двое детей.

— Хочешь, чтобы я была белой вороной? Да?

— Я так и знал, я так и знал, — Андрей нервно зашагал по комнате, чуть не свалил елку.

Саша уже не плакал, он удивленно смотрел на родителей.

— Белой вороной не стала, а... — не найдя нужного слова, Андрей запнулся.

— Давай досказывай! — презрительно искривив губы, потребовала Аня.

— А несамостоятельной женщиной, да, стала.

— В чем же моя несамостоятельность? В том, что на несколько часов освободилась от домашнего гнета? Да?!

— Возможно, я человек предрассудков, но думаю, что самостоятельного человека должно оскорблять, когда ему словно ребенку из детского сада, планируют досуг. Улыбаться, радоваться и быть счастливым по расписанию! Что может быть нелепее. Счастье и радость приходят к человеку сами, их

нельзя получить по заказу. Для этого самому надо чего-то достичь, а не ждать с моря погоды.

Примолкнув, дети слушали не совсем понятный им разговор, но главное они все-таки понимали. Отец отчитывает мать за то, что та вовремя не явилась домой, и притихли, ловили малейшие изменения интонации, фальшь, несправедливость. Саша уже сожалел, что расплакался из-за подарка. Ему было жаль и мать, и отца. Мать, пожалуй, даже жалче. На какое-то время Саша и Ира забыли об игре, подарках, смутно чувствуя, как трудно быть судьями между родителями.

— Нет, ты у меня, Андрей, несовременный. Ну, почему бы мне не потанцевать, не повеселиться? Что здесь плохого? Могла бы и тебя пригласить, но у нас условие: жен и мужей не брать. Я периодически должна отдыхать от дома, от семьи, от ссор, наконец, от твоих нотаций, или не должна?

— А то ты очень перегружена: десятеро детей. А что касается жен и мужей, условие действительно верное. Во-первых, они там не нужны, во-вторых — тогда придется брать и детишек. Нет, я бы не пошел. Ведь глупость-то, какая! А?! Абсурд! Сегодня находятся охотники организовывать досуг, завтра появятся охотники регламентировать, как и когда ложиться в постель, — загибал рассерженный Андрей. — Да, да. Не фыркай. Если дело пойдет такими темпами, то до этого уже не далеко, — продолжал накалять обстановку Андрей. — Ведь это же не что иное, как запускать щупальца в чужие души, в чужую семью.

— И это говоришь ты? В наш свободный век тебя никто не поймет. Тебе бы родиться столетием раньше.

— А жаль, что не поймет. Впрочем, может, когда-то поймут, да будет поздно. Свобода, не исключает долга, обязанностей. Их исключает анархия, но она ведет не к свободе, а к рабству. Вот ты освободилась, как ты говоришь от семейного гнета, а попала в зависимость от организаторов досуга. Нет, глупость все это. Ну, вы и даете! Зачем отбирать у человека право решать, как и когда ему отдыхать, веселиться. Ребенку и то хочется быть самостоятельным. Чем больше человека организуют, опекают, тем сильнее у него стремление уйти в себя, само выразиться. Пусть даже таким примитивным

способом как, напившись, подраться с кем-нибудь. Человек не хочет быть роботом, исполнителем чужой воли. В конце концов, он имеет право хоть в туалет сходить не по расписанию или не имеет?

— Нет, ты невыносимый человек! К тому же еще и хам.

— Странно, что ты ничего в этом не видишь? Нет, я бы ни за что не пошел на эту дискотеку!

— Я бы тоже не пошла на рыбалку, но ты ведь ходишь! Кому что, а курице пшено. Как говорится, на вкус и цвет товарища нет.

Звонок в дверь прервал затянувшийся спор. Аня побежала открывать. Так и есть гости.

Встретили Новый год, проводили старый, посмотрели новогодний концерт, «Голубой огонек», а когда гости разошлись, утомленные легли спать.

В новом году Аня почти каждую пятницу, нарочно, чтобы перевоспитать Андрея, как она это объяснила, стала оставаться на дискотеку.

Однажды в выходной Аня собрала детей и, сказав, что поедет проведать маму, исчезла в неизвестном направлении. Как позже выяснилось, в неизвестном направлении исчез и слесарь Чекомасов. Детей Аня и в самом деле оставила у матери. Андрей хотел забрать их обратно, но его к ним не пустили. Саша находился под неусыпным глазом тещи, Ира ходила в местную школу, и классный руководитель, женщина принципиальная и строгая, посоветовала не травмировать душу ребенка, в противном случае она вызовет милицию. Из школы Иру забирала теща, Андрей видел дочь только издали. Так и вернулся ни с чем.

Начав с «Семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, Андрей прочитал десятки книг о семье, разводах, проштудировал сотни монографий и статей. Последнее, что он прочел с карандашом в руке, была книга «Развод глазами судьи».

Андрей лежал на тахте, прикрыв глаза, и думал: «Хоть и говорят, что если ты не один в горе — то переносить его намного легче», но заметного облегчения оттого, что есть местности, где разводы достигают 70 процентов от числа заключенных браков, он не почувствовал. Миллионы трагедий,

обездоленных детей, и то, что он один из этих миллионов утешало мало. Видно, нет абстрактной боли. Боль всегда конкретна. А эти миллионы, как их не крути, абстрактны. Да и много ли радости оттого, что кому-то тоже плохо и что завтра к миллиону искалеченных судеб прибавится еще несколько сот, а может, и тысяч. Дискотека на заводе работает по-прежнему, и никто не знает, кто будет следующим. Рано или поздно, он, конечно, будет судиться и намерен отобрать у Ани хотя бы сына. Если, конечно, суд учтет. А если не учтет? Но даже если все решится относительно благополучно, на суде не будет ни одного организатора дискотеки. А надо бы! Сколько бракоразводных дел берет начало с подобных дискотек, служебных обедов и ужинов. Почему ни у кого не хватит смелости сказать: «Хватит организовывать радость, счастье, учить отдыхать! Я давно не в детском саду».

Интересно, по какому такому, праву кое-кто, прикрываясь лозунгами и высокими словами, старается влезть в чужую семью, разрушает основу государства, калечит его будущее — детей? Не может быть, чтобы это делалось сознательно? Тогда почему таких людей допускают к общественной работе? Ведь они не столько думают о других, сколько о галочке в отчете, собственной карьере. Ну, и время! Да и откуда все это? Совсем еще недавно ревность была объявлена пережитком прошлого и считалась, едва ли не преступлением. Об этом было написано тысячи брошюр, статей, книг. Но ведь ревновали и Пушкин, и Лермонтов, и Толстой. Но если ревновали гении, то, как быть ему, простому смертному? Подняться выше гениев или остаться на их уровне? Смешно!

Андрей никак не мог понять этого. Почему-то, что было верным на протяжении тысячелетий, стало вдруг ошибочным?

Вот он не ревновал, жил на полном доверии, а что из этого вышло? Добро бы только у него одного, а то ведь нет. Ревность — неотъемлемая часть любви, а не взгляд на женщину, как на вещь. Взгляд на женщину, как на вещь, скорее всего у всевозможных организаторов дискотек, желающих воспользоваться тем, что им не принадлежит, привыкших учить, повелевать другими на работе и уверовавших, что им дано такое право вообще. Миллионы разводов ежегодно — это сегод-

ня. А что будет завтра?

Сколько детских сердец не спит по ночам, сжимаясь от боли? Ждут и не дождутся. Зовут и не дозовутся своих отцов, матерей. Может, хватит множить эту боль? Да и зачем? Пожалеем же хоть детские сердца! Нет, здесь что-то не так, где-то тут допущена промашка. Но где? Андрей приподнялся, сел. Может в попустительстве, во вседозволенности, свободе, равенстве? Наверное, где-то и в этом.

Родина у человека — это еще и дом, руки любимых, улыбки детей. А потому каждая разрушенная семья — это разрушенный дом. Родина в тебе, во мне, в нас, — думал Андрей до того пронзительно остро и ясно, что у него стало побаливать сердце. — Во все времена человек боялся, что придет чужестранец и разрушит его дом, его мир, надругается над семьей, а потому готов был сложить голову только бы не пустить врага на родную землю. Тогда зачем мы разрушаем этот дом и этот мир сами, зачем мы помогаем врагу?

Дальше думать было невыносимо. Андрей вытащил игральную кость и, зажмурив глаза, бросил ее вверх. На этот раз выпало два: и хотя это уже не было символом одиночества, как раньше, но большой радости Андрей не испытал.

Ничего, он обождет еще немного, и если Аня не вернется, сотрет со шкафов и подоконников пыль, и отнесет в суд заявление.

Александр ЯБЛОНСКИЙ
ИЗНОШЕННЫЙ ХАЛАТ*

Жизнь наша в старости — изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;
Мы с ним давно сжились, давно, как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново исправить.
П. Вяземский

ЭТО ЖЕ ТЕАТР!

...А жизнь шла своим чередом. В 60-х – театральный бум. После 10 вечера Невский бурлил, пенился сталкивающимися потоками вываливающихся из узких дверей театральных подъездов толп возбужденных и радостных театралов. Как правило, двери были многостворчатые, однако по непонятным причинам и при входе, и при выходе зрителей – что абсолютно необъяснимо – открывалась одна, от силы две двери. Эти неудобства, сродни заколоченным парадным подъездам в жилых домах, театралов особо не раздражали. Они были счастливы. Попасть в театр, особенно в центральный, считалось большим везением. Так что Невский наполнялся счастливыми, насыщенными впечатлениями от незабываемых постановок. Часть Невского проспекта по четной стороне от улицы Бродского до Литейного проспекта – «театральный Бродвей 60-х – 70-х». Поток из Пушкинского театра сливался с потоком из Театра Комедии. Один театр – напротив другого. К ним присоединялись зрители из театра им. Комиссаржевской: как правило, публика, покидая этот театр, выходила не на темную улицу Ракова, а через Пассаж – на Невский: после спектакля домой не спешили, хотелось пройтись, не торопясь, степенно, по светлому проспекту, пообщаться со знакомыми театралами, постоять у ярких витрин, надышаться вечерним

* Фрагмент из книги "Изношенный халат", запланированной к выходу в издательстве "Водолей" в 2017 году"

прозрачным воздухом. Машин в это время суток и в эти годы было мало... Иногда заглядывали в Елисеевский магазин: как не побаловать себя в такой день чем-нибудь вкусненьким. Магазины тогда закрывались в 11 вечера. Со стороны улицы Бродского подходили филармонисты: концерты в Большом и Малом залах заканчивались примерно в одно и тоже время. В те прозрачные времена спектакли и концерты начинались позже – в 8 часов. Помню, «Спящая красавица» в Кировском театре заканчивалась без четверти двенадцать (безразмерный балет! – ни разу до конца его не досмотрел в трезвом состоянии...). Так что одиннадцать вечера – детское послетрагическое время. Многие друг друга знали, раскланивались, приподнимая шляпы или зимой – шапки – пирожки. Женщины – в длинных платьях, ниспадающих из-под пальтишек или плащей, шубок, полушубков. У некоторых на плечах – чернобурки, пленительная мечта советских дам всех слоев общества 50-60-х, на голове маленькие шляпки, некоторые – в платках. Перестук каблучков. Слышались имена артистов, восклицания. На углу Литейного поток распадался: кто-то шел к метро, кто-то садился на троллейбус или трамвай, редко кто ловил такси – приземистые «Победы» с шашечками или первые «Волги» при гордом олене на капоте. С Владимирского проспекта подходили театралы из Театра Ленсовета, со стороны Литейного – из «Театра на Литейном». Из улицы Рубинштейна – прозрачный ручеек. Тогда в Областной Драматический мало ходили, время Додина – впереди. Опять водоворот взбодрился, закружил и сник, постепенно успокаиваясь и растекаясь по темным улицам.

Праздник закончился, начинались будни в коммуналках.

Мой первый в жизни драматический театр – Пушкинский. Это зима 1953 – 1954 года. «Порт-Артур». Очень волновался, пустят ли на вечерний спектакль. На меня надели папин пиджак, чтобы выглядел постарше. Пропустили. Впечатление неизгладимое. От всего. От буфета, от зала – тёмно-бордовый бархат и золотая лепнина, сказочная люстра, фойе – зеркала в человеческий рост, портреты артистов. Один портрет я узнал – папа моего одноклассника и друга – Пети Меркурьева. Спектакль не помню. Помню, что был шпион – японец. Я сразу догадался. И как догадался, стало страшно за него. А Стессель войну проиграет – это было ясно с самого начала, потому что глуп. Значительно позже я узнал, что этого глупого Стесселя играл самый интеллектуальный актер Александр

ринки – Леонид Вивьен.

Это был прекрасный театр. 50-е – 60-е годы – лучший период его советской истории. Вивьеновские годы. Акимовский Театр комедии и, особенно, БДТ Товстоногова были моложе, звучнее, актуальнее, смелее и прозорливее. Это были театры нового времени. Режиссерские, авторские, концептуальные. Порой скандальные. Пушкинский – Александринский – академический, в прямом смысле этого слова, консервативный, совершенный, актерский. Вивьеновский.

Леонид Сергеевич Вивьен – великий петербургский ленинградец – ныне почти забыт. Такие фигуры – не ко времени. А фигура была уникальная, мощная, легкая, трагическая, светлая, непреклонная. Вообще-то его звали Вивьен де Шатобрьен (Шатобриан). Род Вивьенов – старинный, восходящий к 1V веку, знатный, но обедневший. Его предок Иосиф Жозеф де Шатобрьен оставил карандашный портрет Пушкина – один из лучших. «Артист Императорской драматической труппы Вивьенъ де Шатобрень», значилось в справочнике «Весь Петербург» – «Альманахе – Ежегоднике Петра Осиповича Яблонского», известного издателя, владельца Лештуковской Паровой Скоропечатни П. О. Яблонского. (Петр Осипович был дядей моего папы, родным братом генерала Павла Осиповича, Петру Осиповичу Иосиф Францевич оставил свой дом на Спасской – Рылеева). В справочнике «Весь Ленинград» Шатобрена уже нет. «Пора мазурок миновала», сказал Вивьен на своем 70-лети, однако понял это значительно раньше, лет сорок назад – после отсидки в ЧК.

Что было в Вивьене в большей степени: актера, режиссера, педагога, дипломата, организатора? Все было в избытке, но все это подавлялось его мощной и самобытной личностью, ей подчинялось. Все, что он делал на сцене, в институте, в режиссерском кабинете, в жизни, определялось особенностями его характера, его натуры.

Многие образы, им созданные, стали классикой русской сцены XX века, особенно ранние: Арбенин в «Маскараде», Глухов, Карандышев, Жадов – в пьесах любимого им Островского, д-р Хиггинс (Б. Шоу), Петр («Мещане»), Забелин («Кремлевские куранты»). «Артист Императорской драматической труппы» появился в Александринке в 1911 году, то есть начал и привык выходить на сцену вместе со своими великими учителями и коллегами Владимиром Давыдовым, с Юрием Юрьевым, Борисом Горин-Горяином, Павлом Самойловым, привык

быть партнером великих Марии Савиной, Веры Мичуриной-Самойловой, Елизаветы Тиме, Екатерины Корчагиной-Александровской. Привычка – вторая натура и эта привычка – натура определила не только уровень его театра, а Вивьен возглавил Александринку в конце 1937-го года и бережно, властно, гибко руководил ею до самой смерти в 1966-м, и уровень его детища – Ленинградского Театрального института (он был организатором и первым директором первого в стране подобного высшего учебного заведения, в 1918 году названного Школой театрального мастерства, позже – Театральным институтом на Моховой, затем – АГИТМиКом). Эта привычка – натура определила уровень культуры театрального Ленинграда. После смерти Вивьена театр ещё некоторое время держал марку, а затем надолго ушел с авансцены Ленинградской жизни. Однако после Вивьеновского Пушкинского театра существовать на подмостках так, как до него, было уже невозможно. Планка, им установленная, была так высока и так притягательна, пленительна, что все лучшее что возникло или развивалось вместе с ним и после него, было ориентировано на его – Вивьеновские достижения – и в чисто театральном деле, и в трудно маркируемой нравственной атмосфере бытия в искусстве. Вспомнив слова замечательного американского актера Марлена Брандо, перефразировавшего Достоевского: «Все мы вышли из шинели Станиславского», можно с абсолютной достоверностью сказать, что лучшее в ленинградском театральном мире второй половины XX века вышло из шинели Вивьена.

...Уходил он тяжело, ему дышали в спину, подталкивали, – «падающего толкни», но он не падал. В. В. Меркурьев написал после смерти своего учителя: «Безропотно, не простившись, без предъявления «векселей», как бы уснув, ушел на покой от суеты и интриг мудрый педагог. Сколько и кому только не лень в последние годы «лягали» его со всех сторон! И как мужественно, с каким долготерпением, насилуя себя, будучи тяжело больным, продолжал он в таком хамском, бессердечном окружении работать».

Он был превосходным педагогом. Это, пожалуй, самая мощная сторона его творчества. Начав в 1918, уже в первом выпуске своей Школы Театрального Мастерства в 1925-м году дал Николая Симонова – могущественную фигуру русской сцены и экрана. Через год, во втором выпуске заблистали имена Ю. Толубеева, В. Меркурьева, М. Екатерининского. Потом

вышли Р. Агамирзян, О. Казико, Е. Корякина. Впрочем, все актеры, работавшие в театре у Вивьена, были в той или иной степени его учениками, при всем том, что могли получать образование у других мастеров. Вивьен не только и не столько отшлифовывал мастерство своих коллег, он накладывал неизгладимый отпечаток на их творческий и человеческий облик. Коллеги же у Вивьена были выдающиеся: помимо великих вивьеновских учеников, это – А. Борисов и В. Чесноков, Л. Штыкан и Н. Мамаева, О. Лебзак и К. Адашевский, Б. Фрейндиш и К. Скоробогатов, Н. Ургант и И. Дмитриев, Н. Черкасов и И. Горбачев. И, конечно, красавица Евгения Михайловна Вольф-Израэль – любимица ленинградцев, жена Леонида Сергеевича Вивьена, одна из ведущих актрис театра. Плюс – сам Вивьен. Такой мощной именитой единой труппы не было 50-х – начале 60-х в стране.

Один из «великих» Пушкинского театра Николай Черкасов, казалось бы, был оценен по заслугам. Одних Сталинских премий у него было пять штук. На «втором почетном» месте: по 6 премий было у Н. Боголюбова, К. Симонова, Н. Копалина (первого советского обладателя «Оскара»), С. Прокофьева, Ю. Райзмана, Н. Охлопкова, И. Пырьева. Плюс у Черкасова была и Ленинская премия. «Ленинская» – ещё на памяти. Это был Вивьеновский спектакль – «Все остается людям» (1964 год). Хороший спектакль. Мудрость Вивьена и гений Черкасова позволили преобразить эту назидательную мелодраму в лирическое признание в любви к своему делу, к театру, как цели и смыслу жизни. «Вера в цель – единственная дорога в бессмертие». Спектакль оказался символическим – последним и для режиссера, и для актера. Сталинские же премии сегодня либо ничего не говорят – что можно сказать о таких шедеврах, как фильм «Счастливого плавания» (премия III степени), «Александр Попов» (II степени) или «Мусоргский» (I степени). Либо говорят о незаурядности их создателей: это фильмы посвоему выдающиеся, снятые большими мастерами, оставшиеся в истории кино, но лживые по своей сути и по деталям, «заказные» и конъюнктурные: «Александр Невский» и «Иван Грозный» 1-я серия (за обе картины – премии Первой степени). В то же время его лучшая, или – одна из лучших, запрещенная, а потом замалчиваемая, гениальная и этапная для советского театра (и кинематографа) роль была не отмечена ни тогда, когда было «нельзя», ни позже, когда полегчало. Это – Хлудов (1957 год). Лучшее творение Черкасова и Вивьена.

Здесь – Черкасов, если не ученик в прямом смысле, то, бесспорно, единокровный отпрыск, возмужавший, самодостаточный и эксклюзивный – неповторимый, но единокровный, единоведец, плоть от плоти вивьеновской театральной эстетики и вивьеновской нравственной ауры.

Из Пушкинского театра, перейдя Невский, я направлялся, как правило, через Малую Садовую к Манежной площади. Ментально заканчивался светящийся парадный театральный Невский, открывался темный, гранитный, хмурый родной Ленинград. Около Дома Радио сворачивал направо, наискосок переходил площадь – к кинотеатру «Родина», а там по Толмачева – к цирку Чинизелли. Я любил это здание. Оно пахло детством. Первое абсолютно радостное впечатление – Борис Вяткин и его Манюня. Помню, осел в одной из его реприз изображал директора «Мясного склада», а собачка Манюня – ворующего сторожа. Начало 50-х. Я смеялся и радовался. Был уверен, что Вяткин не мучает своих партнеров – Манюню и ее друзей. Остался в памяти его добрый образ. Свернув от Цирка на Фонтанку, проходил мимо ворот в зверинец. Оттуда неся вкусный, неповторимый аромат конского пота, «яблок», сена, тепла живых тел. Любимый аромат. Часто поздней весной, летом в белые ночи, особенно, осенью сворачивал на Замковую улицу и шел к последнему дворцу несчастного Павла – к Михайловскому замку. К Главному – южному фасаду, к «Прадеду от правнука» можно было пройти и по Садовой, мимо Кордегардии – очень помогла эта Кордегардия Павлу?! – по двойной Кленовой улице, но лучше, хоть и дальше – мимо циркового зверинца.

Пожалуй, это был мой самый любимый уголок Ленинграда. Особенно во время листопада. Асфальт влажно блестел, прилипшие к нему яркие желтые листья отражали солнечные блики, солнце же грело ласково, ненавязчиво, слабей день ото дня. Мужчины в шляпах и светлых макинтошах, сидя на скамейках около расстрелиевского памятника со стороны барельефов «Полтавская баталия» и «Битва при Гангуте», играли в шахматы. Если бы мимо них прошагали убийцы Павла, ведомые уже пьяными офицерами и генералами во главе с Паленом и Беннигсеном – накачанными за длинным талызинским столом шампанским, – шахматисты бы и не заметили.

Пушкин заметил...

*Вином и злобой упоены
Идут убийцы потаены,
На лицах дерзость, в сердце страх.*

Молодые мамы прохаживались с колясками, будущие Репины и Мухины сидели с мольбертами, искоса постреливая глазами на работы коллег – конкурентов, младшеклассники неторопливо возвращались домой, размахивая портфелями и с завистью поглядывая на ещё беззаботных дошколят, весело и звонко прыгавших по начертанным мелом «классам». Бабушки судачили или вязали. Все старались подставить лицо последним теплым лучам солнца. Вот морячок прошел, видимо, получил увольнительную, а куда податься, не знает. Листья шуршали под ногами. Ближе к вечеру в их багрово – карминовом отсвете, виделось нечто тревожное, зловещее. Осень... В марте опавших листьев не бывает.

Никогда не видел здесь пьяных. И целоваться молодые люди здесь как-то стеснялись. Тревожное было место, порой, к вечеру, – зловещее. Но днем в этом уголке было покойно, сосредоточенно. Одиночество радовало, не менее, чем тишина.

У Вивьена была уникальная труппа, им созданная, выпестованная. Семья. И он был удивительно светлым человеком. Жена замечательного ленинградского актера, первого в стране народного артиста СССР – кинематографиста Владимира Ростиславовича Гардина, Татьяна Дмитриевна Булах, писала: «До чего мне нравился Вивьен! Какая веселость и мягкость обращения с людьми!» Гардины жили в знаменитом доме Боткина на углу Фурштатской и Потемкинской прямо напротив входа в Таврический сад. В этом доме, некогда – «особняке Матавкина», с середины 60-х до 1875 года жил Лесков. Сколько раз проходил мимо этого дома – родные места. В этот трехэтажный особняк часто заходили Вс. Мейерхольд с супругой, Гардины были им рады, даже тогда, когда уже все всё предчувствовали и Мейерхольдов не приглашали. Впрочем, и сам Мейерхольд знал, что его ждет ещё в 30-м. Оставшийся ранее на Западе Михаил Чехов уговаривал Мейерхольда не возвращаться в СССР, предрекая ему страшный конец. «Я знаю, вы правы – мой конец будет таким, как вы говорите. Но я вернусь» – «Зачем?!» – «Из честности».. Вивьен с супругой старались не упустить случая повидать Мейерхольдов в «доме искусств» на углу Фурштатской и Потемкинской...

Вивьен был светлым, но не простым человеком. Все понимал. «Кое-что надо заглушать, иначе – холмик». Его знаменитое «блам-блам-блам». Конечно, Вивьен – советский художник. Нет, вернее: русский художник советской эпохи. Орденоносец и сталинский лауреат. И в то же время – ленинградец

петербургской закваски. (хотя и петербуржцы бывали разные... увы). Против течения не плыл, но с общим потоком не сливался. Его называли «Талейраном». Маневрировал, но ни разу не преступил ту невидимую красную линию, которая разделяет людей чести и бесчестия. Никогда не терял собственное лицо и не предавал.

Приступив к руководству Акдрамы (Пушкинского театра) первым делом пригласил Всеволода Эмильевича для постановки (возобновления) «Маскарада». Это 1938-й год. Мейерхольд уже отовсюду изгнан. 8-го января его театр закрыт. Он обречен уже с конца 1934 года после письма его жены Зинаиды Райх Сталину, в котором она обвинила Вождя в некомпетентности и непонимании законов искусства (Сталину не понравилась «Дама с камелиями» в театре Мейерхольда). Однако именно в это время Вивьен не только приглашает на постановку Мейерхольда, но и принимает в труппу Василия Меркурьева, прекрасно зная, что тот женат на дочери Мейерхольда, а его брат – Петр Меркурьев – «красный директор» – арестован. Меркурьев, более того, вместе с Николаем Черкасовым – тогда популярнейшим актером страны Советов и, что важнее, Депутатом Верховного Совета СССР – написал в НКВД поручительство за Петра. Черкасов неприкасаем и незапятнан, Меркурьев – брат и зять врагов народа. Весь этот клубок делает Меркурьева изгоем, но Вивьен непоколебим. Меркурьев – в труппе Акдрамы, отношения между учителем и учеником, между их семьями делаются неразрывными до конца жизни.

Здесь, конечно, сыграла свою роль благодарная память: ещё в годы учебы у Давыдова Вивьен посещал студию Мейерхольда на «Бородинке» – Бородинской улице, дом 6. Первая самостоятельная роль Вивьена – Пьеро в «Маскараде» Мейерхольда. Плюс теплые отношения на протяжении всей совместной жизни в искусстве. Все это так, но не только.

В большой квартире Василия Васильевича Меркурьева и Ирины Всеволодовны Мейерхольд на улице Чайковского все годы висел портрет Мейерхольда. Дом был открытый, людный. Меркурьеву друзья советовали портрет снять. От греха подальше. Действительно, квартира была большая и какая-то голая. Я во всех комнатах не бывал, но те, что помню, отличались пустынностью и незагруженностью мебелью. Стены голые. Мы там под предводительством Пети Шапорина с упоением играли в баскетбол – потолки старинные высокие. Носились,

как стадо юных буйволов. Один раз Василий Васильевич не выдержал, вылетел – красный, негодующий, но сдержался: «Вы мешаете мне работать!». Петербуржец! – Я прибил бы... Так что портрет Мейерхольда выделялся на светлом фоне не заставленных стен. Бросался в глаза. Советчики были правы. Однако Вивьен считал иначе. И в квартире Меркурьевых и вне ее он заявлял неоднократно и во всеуслышание: «Не знаю, в чем он был виноват, но режиссер он был гениальный!». В 55-м, узнав о реабилитации Вс. Мейерхольда, Вивьен влетел на сцену Дома актера на Невском (особняк Зинаиды Юсуповой), прервал какое-то важное совещание: «Друзья, надеюсь вы простите меня, но у меня радостная для всех весть: реабилитирован Всеволод Эмильевич Мейерхольд!». Схватив в буфете бутылку коньяка, помчался на Чайковского. Там уже знали. Ирина Всеволодовна плакала от радости и горя: папы, оказывается, давно уже нет в живых. Вивьен хранил своих учеников и коллег – это известно. Но кто-то хранил и его. Или он сам? – Талейран!

В 1945 году Вивьен де Шатобрьен вступил в ВКП(б). Не панацея от беды в любом другом случае, скорее – усугубляющий момент – «маскировка». Но аристократ с историей рода в 15 (пятнадцать!) веков! Это дядя Джо оценил. В 1952-м году – самом страшном году Вивьен – лауреат Сталинской премии второй степени за поставленный спектакль по пьесе Вс. Вишневского «Незабываемый 1919-й год». Что побудило Вивьена взяться за эту самую фальшивую, рабски конъюнктурную пьесу далеко не самого пристойного драматурга? Нависавший советский «Холокост»? Натура – привычка брать под крыло коллег, друзей, учеников? Аванс на будущее – Ус был полон сил, злобы и подозрительности и то, что он вскорости даст дуба, никто не предполагал. Ведь понимал Леонид Сергеевич, что не отмоется от этого смердящего «1919»-го. Фигура петербуржца Всеволода Вишневского удивительна, уникальна, характерна, отвратительна, неоднозначна. Негодай, но до Шолохова далеко, «коллега», травивший Булгакова («Мстислав Лаврович» в «Мастере»), Эрдмана («Самоубийцы» /.../ – ни черта не дают. Безнаказанный памфлет против Сов. Власти. И будет полезно разгромить его, как и «Дни Турбиных» – из письма к Зинаиде Райх), первый кинувший острый и весомый камень в Зоценко: дней за десять до появления судьбоносного постановления ЦК ВКП(б) «О Журналах “Звезда” и “Ленинград”» опубликовавший погромную статейку в «Культуре и жизни»

под названием «Вредный рассказ Мих. Зощенко», – но посылавший ссыльному Мандельштаму деньги, георгиевский кавалер и потомственный дворянин, воспевавший «красный террор», кровавую большевистскую вакханалию (первое действие, которое он смастерил, называлось «Суд над кронштадтскими мятежниками» и шло 8 часов), поклонник Ахматовой, опубликовавший в своем «Знамени» ряд ее стихотворений, вызвавших гнев Пахана, а затем предавший ее, отрекшийся от нее, вдохновенный литературный доносчик (но, конечно, не Ермилов!) и, в то же время, покровитель Виктора Некрасова (выдвинул его роман «В окопах Сталинграда» на Сталинскую премию, которую будущий изгнанник получил). В любом случае, личность руконеподаваемая. И этот «Незабываемый...» – за гранью добра и зла по своей бездарности. Но... Игра, видимо, стоила свеч.

Помимо Сталинской премии и членства, Вивьен – Талейран имел ещё одно тыловое прикрытие. Это – его ученики и коллеги. Прежде всего, двое – Н. Симонов и Н. Черкасов. Любимцы Сталина. Гордость Вождя и его, как он понимал, единомышленники, «воплоотители его идей и кумиров» – Петра, Ивана. Ни к кому из москвичей (кроме, пожалуй, Качалова), хотя и там были великие имена, работы которых он и ценил, и любил, Сталин так не относился. При всей своей подозрительности и нелюбви к Ленинграду, этим двум ленинградцам он готов был простить все то, что не простил бы никому другому. Рассказывали, что во время гастролей Пушкинского театра в Москве на одном из спектаклей Симонов, хорошо, как всегда, принявший необходимую дозу, на сцене заснул. Даже всхрапнул. За кулисами заметались, партнеры «зацыкали», зал оцепенел. Из боковой ложи раздался хриловатый голос с характерным акцентом: «Ничего, пусть мой Петр отдохнет!». Мой Петр... Возможно, легенда. Но – достоверная.

... Благодарная память – это важно. Но кроме этого – и главное – Вивьен видел в Меркурьевых – Мейерхольд натуры, родственные своей. Именно с этой семьей у Вивьенов были самые близкие и доверительные отношения. У Меркурьевых было трое своих детей – Анна и Екатерина родились до войны, в 1943 году родился сын – Петя, названный в честь погибшего брата Василия Васильевича. После расстрела брата Петра они с Ириной Всеволодовной Мейерхольд усыновили трех его детей – своих племянников, один из которых – Евгений – стал прекрасным актером (Василий Васильевич был категоричес-

ки против театральной карьеры своего приемного сына: на сцене должен был быть один Меркурьев. Однако, увидев как-то Женю в «Театре на Литейном», всё понял, с обычной непосредственностью обрадовался – «ещё один Меркурьев!», – пришел за кулисы, обнял – благословил). В начале блокады приютили и воспитывали ещё двух ребятишек, которые при эвакуации потеряли своих родителей. Так что несколько лет в семье было 8 детей (после войны двоих спасенных малышей нашли их родители). Этот быт – естественный, непоказной – уникальной петербургской семьи в квартире на Чайковского, актерская и человеческая сущность ее обитателей притягивали Вивьенов. Частенько из дома № 54 на Большой Пушкарской, где жили Вивьены, не торопясь под ручку шествовала эта знаменитая и удивительная пара по Кировскому проспекту, через Кировский (Троицкий) мост, мимо Летнего сада, по Прачечному мосту, затем направо до Чайковского, мимо бань, затем, переходя Моховую и Литейный, – к Васичу...

Иногда сей променад совершался из театра – напрямик по Литейному.

В письме М. О. Меншикову из Ялты от 28 января 1900 года А. П. Чехов писал: «Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе /.../ будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения». То же можно сказать о Вивьене, хотя фигуры несоизмеримы, но несоизмеримы и эпохи, миры.

Личность Вивьена, как таковая, перекрывала все другие его свершения, она же эти свершения обуславливала. Именно эта личность, при всей суетности неизбежного быта, своей застывшей мощью, своей оцепенелостью и вневременной приверженностью к подлинным ценностям, своей многовековой самодостаточностью, своей трагической способностью сознавать свою вину, свою слабость и свою значимость – всем этим его личность противостояла окружающему перманентному хаосу, бессмысленной беготне статистов, пошлости окружающего мира. Так и Хлудов – Черкасов в интерпретации Вивьена – единственная фигура, противопоставленная лихорадочной фантасмагории трагической фарсы, сыгранной историей. Для Хлудова эта фарса играла свой пролог, для Вивьена стала обыденностью затянувшегося действия, однако жуть ее – фарсы – оставалась неизменной, мертвящей, уныло дья-

вольской, бессмысленно суетливой и бесплодной.

Всегда казалось, что вивьеновский «Бег» – не только первая попытка преодоления давнего – с 1928 года – запрета, желание и потребность поставить великолепную – лучшую, думаю, пьесу Булгакова. Кажется, что эта была попытка, – возможно, неосознанная, – самопознания, самоиндефикации, самообвинения и покаяния.

Не случаен придуманный последний сон, которого нет у Булгакова: по сходням из мрака на зрительный зал шли радостные и робкие Серафима и Голубков, а позади появлялась огромная фигура Хлудова, уже в штатском – поддевке, пиджаке, сапогах, со сложенными по арестански за спиной руками. Фигура становилась на колени. Это – не сходни, это – плаха. Занавес. «Впереди холмик». Этот последний сон был придуман по необходимости – надо было спасать спектакль – показать «возвращение блудных детей». Но оказалось, что эта вынужденная сцена органична для трагедии Хлудова и, возможно, режиссера: готовность к покаянию, к расплате, осознание не только неизбежности расплаты, но и ее необходимости – это цена за служение фальшивой идее, ложным ценностям, недостойному флагу. И эта готовность стать «под фонарики» определяла ту высочайшую степень честности, чести и героя пьесы, и автора спектакля.

Не случайно Вивьен проигнорировал булгаковскую ремарку, характеризующую пластику генерала: «морщится, дергается, любит менять интонацию». Вивьеновский Хлудов оцепенело спокоен, неподвижен, завораживающе угрюм, речь монотонна, без интонационного разнообразия и тембрового окраса. Такова, кстати, была и речь Командора, сыгранного через несколько лет самим Вивьеном – его последняя актерская работа в его последнем спектакле, – речь inferнального существа – каменного гостя, речь другого измерения: безжизненная скрипучая механическая. Это сходство не случайно. В обоих случаях – и «Бег», и «Маленькие трагедии» – явления, устремленные к вивьеновскому идеалу – к театру высокого стиля, к героям масштаба трагедий античного толка. Хлудов – тоже из другого измерения. Величественен и, при всех признаках душевного нездоровья, он – гигант, возвышающийся в не только в хаосе «бега» и мощью своей личности этот бег умиротворяющий, хоть и временно, (а именно это видели и Булгаков, и, особенно, Вивьен), но и гигант в хаосе того времени, которое придет на смену «бегу». Великие произведения поли-

валентны, и объективное содержание, в них заложенное, подчас значительно шире и непредсказуемее, нежели авторский замысел. Если автор – гений, конечно. Черкасов, сам того не желая, играл сильного, волевого и умного человека, сознававшего свою вину не только в служении бутафорскому Командующему – Врангелю, давно обанкротившемуся Царскому Селу, исчерпавшей себя идее, но и вину за поражение той силе, которой проигрывать судьбоносную схватку было никак нельзя. Это суть пьесы могла быть выявлена вопреки воле и автора, и режиссера только в результате осмысления исторического опыта, но она – эта суть – в «Беге» и в образе Хлудова была заложена изначально.

Не случайно поэтому Вивьен так активно отторгал сходство Хлудова с реальным прототипом – генералом Яковом Слащевым – Крымским. Вивьен ставил не историческую драму, даже не трагедию гражданской войны и белой эмиграции, трагедию невосполнимого отторжения одной частью России – наихудшей – другой – нормальной. Он поставил притчу об антагонистической непримиримости Личности и Страны, творщей такую историю, и совести, как важнейшего мерил «несравненной правоты» этой Личности.

Масштаб трагической вины укрупнялся вылепленным Черкасовым – Вивьеном характером Хлудова. Этот масштаб, эта разламывающая его противоречивость, это бешенство, вызываемое происходящим хаосом, и пониманием этого хаоса, ярость к слабости окружающих его людей, в этом хаосе мелькающих, мощь личности, свершающей самосуд и самоказнь – всё это удивительным образом проявлялась в постоянном диалоге с Крапилиным. Это было одно из великих прозрений Вивьена: найти абсолютно нетрафаретное решение и для этого решения остановить свой выбор именно на Черкасове. Повешенного Крапилина не видно. Но он постоянно незримо находился на сцене – рядом с Хлудовым, за его левым плечом. Черкасов ни разу не повернулся в эту сторону, но всей своей пластикой передавал ощущение присутствия рядом неотвязчивого, «прилипшего» оппонента, его – Хлудова – крест. Это была гениальная пантомима, доведенная до совершенства своей органикой, выразительностью и практически невидимая, подспудная, «нутряная».

Все привыкли ассоциировать Черкасова с Александром Невским, Паганелем, Полежаевым, режиссером Грозовым из «Весны». Но он был великим актером, обладавшим, к тому же,

филигранной техникой, в том числе, мимической. Ведь начинал он в Мариинском оперном театре в мимансе, потом в БДТ, ТЮЗе, затем в Ленинградском и Московском мюзик – холлах. Прославился в блистательном эстрадном номере «Пат, Паташон и Чарли Чаплин» с Борисом Чирковым и Петром Берёзовым. На длительное время это амплуа стало привычной маской актера, от которой он отделался не сразу и не просто. Это понятно – мимическим талантом Черкасов был наделен в высочайшей степени. Известно, что познакомился он с Шаляпиным благодаря этому дару. Где-то в самом конце 1919 года Шаляпин пел во «Вражьей силе» А. Серова. Не занятый в мимансе Черкасов забрался на балкон прямо рядом со сценой и начал своими гримасами смешить публику. Зал хохотал, что не совсем сочеталось с происходящим на сцене. На другой день Шаляпин вызвал к себе юмориста и попросил показать все то, чем он так развлекал намеренно публику. Черкасов показал. Говорят, что великий бас давно так не заливался смехом, еле удерживаясь в кресле. В конце концов, взяв себя в руки, сказал: «Спасибо, конечно... Но ...Давайте договоримся: вы не мешаете работать мне, я – не мешаю вам». Расстались доброжелательно.

В «Беге» этот дар вдруг получил совершенно неожиданное воплощение.

«Бег» стал доминантой театральной жизни города конца 50-х. Доминантой тихой, антиофициальной, творческой. «Бег» Вивьена – Черкасова явился поворотным пунктом интерпретации этой лучшей пьесы Булгакова. Все дальнейшие театральные и кинематографические версии «Бега» ориентировались исключительно на прочтение Вивьена, интерпретацию Черкасова.

... В памяти – завораживающий своей неподвижностью и значимостью, в сравнении с окружающим миром, Хлудов в центре светового круга, неподвижный, на высоком табурете, напоминающий огромную хищную птицу. Это – затасканное сравнение: Хлудов, как мощная птица, в центре светового пятна среди суевающегося мрака – символ и эмблема театрального Ленинграда на стыке 50-х – 60-х годов. Не единственная, но мне наиболее близкая.

Не единственная: без шедевров вивьеновского театра представить Ленинград моей жизни – моей памяти нельзя. Театр великих актеров.

Черкасов, помимо «Бега»: Осип. (Ревизор), пост. Вивьена,

1953год), Барон (Маленькие трагедии, пост. Вивьен, 62-й),

Симонов: Сатин (На дне), Протасов (Живой труп), Сальери (Маленькие. Трагедии), Маттиас Клаузен («Перед заходом солнц» Гауптмана).

Толубеев: «Вожак» (Оптимистическая трагедия), Сквозник-Дмухановский (Ревизор), Вилли Ломен («Смерть коммивояжера» Миллера), Бубнов (На дне), Полоний (Гамлет).

Меркурьев: Силла Ерофеевич Грознов («Правда хорошо, а счастье лучше»), Фамусов, Николай («Поздняя любовь» А. Островского).

Моя Родина. Не все помню, но все – во мне.

Другой – уравнивающая доминантой («предоплатой») стала «Оптимистическая трагедия», поставленная молодым Г. Товстоноговым в том же Александринском театре Вивьена.

Если выйти из парадного подъезда Пушкинского театра, пройтись сквозь Екатерининский садик – «Катькин сад», как называли мы его в молодости, по пешеходному переходу пересечь Невский, то непременно попадешь в Елисеевский магазин. Пойдешь направо – песнь заводишь: рыба различных сортов сырая и соленая, и копченая, и вяленая, и маринованная, шпроты рижские и таллинские, сардины в масле, бычки в томате, форель копченая и маринованная, миноги по осени, икра разных сортов, карпы живые, затем свернешь налево – там мясо, мясник с топором орудует не хуже Гарри Гудини. Тонкий филей, филей миньон, вырезка, фарш свежий, языки, потрошки, куры, утки, индейки, гуси. Налево – сказку говоришь: колбасы сырокопченые, полукопченые, сыроваренные, вареные, ливерные, грудинка, корейка, полендица, рулеты, сало украинское, бастурма армянская. По центральной стене зала – подсвечиваемые бутылки с живительной влагой, тут Напареули, и Ркацителя, и Рислинг, и Кагор, и Мускат, и Малага, и Мускатель, и Коньяк армянский, и Коньяк грузинский, и Коньяк дагестанский, и ликеры Бенедиктин, Кюрасао, Шартрез, Лимонный, тут и Запеканка, и Спотыкач, и Вишневая настойка, и Рябина-на-коньке, и, конечно, Столичная, Московская, Перцовая, Лимонная, Охотничья, Зубровка, Зверобой, Клюквенная... По левой стене – у окна на Малую Садовую – конфеты, пирожные (не такие вкусные, как в «Севере», бывшим ранее «Нордом», но вполне аппетитные), торты всех размеров и на любой вкус – и с кремом, и с фруктами, и с ягодами, и вафельные, и...всякие. А к выходу – тут фрукты, ягода и прочая зеленая прелесть. Кассы – в

середине зала, у касс – маленькие очереди людей с кошельками. Здесь лица сосредоточенные. Пойдешь направо, песнь заводишь, налево... Прямо пойдешь – несколько ступеней вверх и – Театр Комедии.

С Театром же Комедии случилась такая незадача. В 1949 году приспичило им ехать на гастроли в Москву. «В Москву, в Москву» – прямо, три сестры, а не театр. А мизансцена была такая. В 1948 случайно погиб под автобусом Соломон Михоэлс. По совпадению были награждены высшими орденами Страны Советов тов. Цанава, а также два тов. полковника, два тов. майора и один тов. старлей – все из славных органов. В Китае победил коммунистический режим и провозглашена КНР. Это – уже 1949-й. Началось и бурно развивалось «Ленинградское дело»: в августе прямо в кабинете товарища Маленкова арестовали товарищей Попкова, Родионова, Кузнецова, а вскоре – в октябре и Вознесенского, тоже товарища. В Венгрии расстреляли товарища Ласло Райка – министра внутренних дел при диктатуре товарища Ракоши, товарища, но еврея. Разгорелась славная битва за урожай – битва с сионизмом, иначе говоря, старинная народная игра «бей жида». В Эсесере подобная забава всегда была в почете. В Англии вышел роман Оруэлла «1984» – тираж 25.000. Приказом № 14 Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром сняли «с дальнейшего производства и запретили использовать в открытых концертах, трансляциях и радиопередачах все грампластинки с записями Л. Руслановой» (понятное дело: посадили за компанию с мужем – генералом Крюковым). В Москве закрыли Камерный театр А. Таирова, «который на деле являлся носителем буржуазно-космополитических и формалистических тенденций». Это – май. В ноябре опять арестовали Льва Гумилева. В декабре разгромили вышедший роман В. Каверина «Открытая книга». Короче говоря, страна и народ готовились к великому празднику – 70-летию тов. Сталина. «Высокие звезды горят над Кремлем. /Столица Отчизны не спит. /Великий наш Сталин и ночью, и днем /На ленинской вахте стоит» – это поэзия. Слова придумал тов. Жаров – поэт. «Споем же, товарищи, песню /О самом большом садовом, /О самом любимом и мудром, – /О Сталине песню споем!..». А это – песня. Слова тов. Исаковского, музыка тов. бр. Покра-сов. А тут, понимаешь, – в Москву. Мало того, что – ленинградцы, коим надо было дома тихой мышкой сидеть (к тому времени около 2.000 человек по городу уже «вычистили»). Так

нет – Театр Комедии, у которого, кстати, во время гастролей в той же Москве (невзлюбил этот город Акимов) совсем недавно – в 1944 году – запретили в первый раз спектакль «Дракон» по пьесе Евгения Шварца. (Второй раз запретят в 1962-м). Но, если Бог хочет наказать человека... Чтобы усугубить эффект, Он послал в то же время на гастроли в Москву Белорусский драматический театр. И оба гастролера работали в одном и том же здании – в помещении МХАТа. Шоб сошлось.

Вполне естественно, товарищ Сталин захотел посмотреть спектакль. Сделать себе подарок ко дню рождения. Или просто эстетически обогатиться. Решил пойти на белорусов. Они давали какое-то представление про революцию. Кто чего напутал, сказать трудно. Но приехали к началу спектакля ленинградцев. В тот вечер была их очередь. Любитель «Дней Турбиных» выказал великодушие: ленинградцы, так ленинградцы. Тоже люди. Не всех же сажать. Что это – акимовцы, которые обосрались с «Драконом», и, вообще, давно на подозрении – капали на формализм и низкопоклонство Акимова его коллеги, капали – про все это Коба, возможно, не знал, не доложили. Хотя «Гамлета» не мог не помнить и аллюзии, связанные с именем режиссера, выпустить из своей цепкой памяти также не мог. Но, возможно, расслабился, подзабыл... Итак, напоминаю диспозицию: 1949 год, сионисты, космополиты и низкопоклонство, ленинградцы, которые почти хуже евреев, и Юбиляр, приехавший посмотреть спектакль про революцию у белорусов. А тут – ленинградцы вместо белорусов, Театр Комедии, вместо Симонова с Черкасовым, а ещё – до кучи, чтобы мало не показалось! – Пиранделло. Луиджи! Революция в Белоруссии и этот Пиранделло у Акимова... Окоченеешь! Дядя Джо, в принципе, был немногословен. Говорил мало, и, как он считал, афористично. Голос почти никогда не повышал. Ковал нетленное и бесспорное. На корявой «Калине» Сибирь не бороздил, видом своих голых грудей народ не баловал, ахинею не нес. А тут искренне возопил: «И это про революцию?!». Был абсолютно прав. Луиджи Пиранделло – это не про революцию в Белоруссии. И даже не в Казахстане. Я бы тоже возопил. Самый большой садовод здание МХАТа в гневе покинул, поспешил встать на ленинскую вахту, которая ночью и днем. Николая же Акимова сняли. Господи, бывают же везения! Никакие Сталинские премии, вместе с Ленинскими, не перевешивают то, чем наградили Акимова. Его оставили пожить дальше. Театр же Комедии оказался на грани закры-

тия. Не впервой.

... Хозяева «дома Елисеевых» – братья Елисеевы, потомки того самого Петра Елисеева, который был крепостным у графа Шереметьева и который получил вольную, благодаря тому эффекту, который произвела выращенная им клубника, поданная к столу в разгар крещенских морозов, а по получении вольной торговавший вразнос апельсинами по копейке за штуку, положив тем самым начало этой огромной и мощной империи, – эти братья Елисеевы с момента открытия своего прославленного и вкусного дома, построенного в 1904 году, озаботились, чтобы изысканная продукция – деликатесы и разносолы, заморские фрукты и лучшие сорта Камамбера, свежая лососина и перепелиные яйца прямо из-под птицы, разновозрастные «Бордо» и заиндевшая родимая – сочетались со столь же приятными эмоциями возвышенных душевных сфер. Проще говоря, зашел на второй этаж в «Невскую фарсу» или в «Современный театр», или на представление антрепризы Валентины Лин, посмеялся от души, легкомысленно настроился, махнул на все рукой, спустился этажом ниже и отоварился, не думая о завтрашнем дне. Или наоборот – закупил свежие продукты по божеской цене и, довольный собой, поднялся этажом выше – супругу развлечь – порадовать, да и самому не грех расслабиться. Всё лучше, нежели водку все время пить. Театры в Елисеевском магазине сменялись, кто-то прогорал, кто-то был на «границах закрытия». А после известных событий это комедийное дело и вообще захирело. Смеяться, скажем, в незабываемом 1919-м году, да ещё проходя сквозь пустой Елисеевский магазин, было весьма даже затруднительно. Существовавшие труппы перешли «грань» и приказали долго жить. Однако к концу 20-х страна постепенно пришла в себя, Великого Перелома ещё не случилось, люди заулыбались, задышали.

В 1929 году помещение на втором этаже отдали ленинградскому Государственному Театру Сатиры Давида Гутмана. Это был отличный актер (вспомним детство – фильм «Дети капитана Гранта»: Мак-Набс) и режиссер, создатель жанра театра миниатюр. Когда-то он изобрел маску Пьеро для начинающего Вертинского. При нем театр начал приобретать свое лицо, он пригласил тео-джаз Леонида Утесова, с которым начал активно сотрудничать, поставил несколько спектаклей, выделявшихся из общей массы тогдашнего идейного искусства – «Стакан воды», «Чужой ребенок» и др. Параллельно Гут-

ман работал в Ленинградском мюзик-холле, этому жанру он был предан ещё с московских времен, когда создал с К. Галейзовским «атракционные представления-ревю». Позже Мюзик-холлы прикрыли, как «отрыжку буржуазного искусства», Гутман вернулся в Москву, но ещё ранее ленинградский театр Сатиры соединили с театром Комедии, прежде хорошо известным как Театр «Пассаж». Этот объединенный театр фактически стал работать на великолепную Елену Маврикиевну Грановскую, которая, по-существу, и возглавила театр.

Тот не ленинградец, кто не знает, не помнит, не любит это сочетание: Елена Маврикиевна Грановская, кто не замирал от предчувствия чего-то необыкновенного, когда голос диктора радио объявлял: «В исполнении народной артистки республики Елены Маврикиевны Грановской прозвучит рассказ Чехова “Душечка”» или «Тургенев, рассказ “МУМУ”, читает Елена Маврикиевна Грановская». А стихи Беранже, а сказки для детей, без которых немисливо детство родившихся во время войны и после нее! «У рояля – Ирина Головнева» – ещё одно знаковое имя ленинградской жизни той поры. Что там телевиденье, с его декорациями, освещением, с его костюмерами, реквизиторами, гримерами, режиссерами и ассистентами режиссеров, с его многочисленной армией вспомогательного состава! Из серой тарелки, висящей на стене, а затем – из репродуктора, воспроизводящего единственную программу проводного вещания, прорастал в скромную, если не бедную, комнату огромной зловонной коммуналки удивительный мир, наполненный яркими, самобытными героями и героинями, страстями и откровениями, ароматами ушедших эпох и иных миров. Звучал лишь человеческий голос и, порой, чудные звуки рояля. Однако этот голос, если это был голос Елены Грановской или Александра Перельмана, Марии Петровой или Тамары Давыдовой, давал неизмеримо больше впечатлений, откровений, увлечений, потрясений, нежели многолюдные действия. Звучал лишь этот единственный «инструмент», но его тембр, интонации, ритм повествования, паузы, акценты раскрывал врата нашей фантазии и вовлекал не только в мир произведения и его автора, но и в мир великого исполнителя. Не случайно Георгий Артоболевский называл этот вид искусства «театром воображения». Тогда была эпоха расцвета жанра художественного слова, у истоков которого стоял А. Закушняк, а лучшими представителями ленинградской школы в то время были мои коллеги: Т. Давыдова, А. Перельман, В. Лари-

онов, М. Ракова, О. Беюл, М. Забулис, К. Ампилова, А. Феофанов... Е. Грановская была одной из самых ярких и самобытных звезд на этом богатом небосклоне.

Ее голос был неотделим от послевоенного Ленинграда, от моего детства, как и голос «московского дяди Литвинова: “хочешь, я расскажу тебе сказку, дружок”». Ее артистический облик, актерский масштаб – от театрального мира Петербурга и Ленинграда.

Где-то на рубеже 50 - 60-х XX века Товстоногов поставил «Варвары» в БДТ. Там Грановская играла Богаевскую. В ансамбле с ней работали Павел Луспекаев и Татьяна Доронина, Владислав Стржельчик и Зинаида Шарко, Нина Ольхина и Виталий Полицеймако, Евгений Лебедев и Олег Басилашвили. Великаны второй половины столетия. Дебютировала Грановская в 1899 году в Панаевском театре в ансамбле с Александром Нильским, которого успела застать в живых, и Николаем Монаховым. В то же время и там же она познакомилась с Федором Шаляпиным, Надеждой Забеллой-Врубель и ее мужем – Михаилом Врубелем, итальянским тенором Анжело Мазини.

Построенный Валерианом Панаевым театр собственной труппы не имел и был задуман, как многофункциональный. Пятиэтажный доходный дом на Адмиралтейской набережной, дом № 4, в котором располагался театр, не сохранился, он сгорел в сентябре 1917 года. А жаль. Роскошное здание, фасад которого был выполнен в «псевдорусском стиле», удовлетворяло придирчивых петербуржцев и даже самого Главного архитектора Императорских театров Л. Н. Бенуа (хотя фасад плохо гармонировал с рядом расположенным Адмиралтейством). Театр занимал первый и второй этажи (остальные помещения сдавались в наем), со стороны набережной был обустроен Царский подъезд. Зал с четырьмя ярусами лож вмещал 1.175 человек. Это был интересный дом, а без этого театра трудно представить жизнь Питера начала века в полном объеме. В нем была экспонирована «Первая русская театральная выставка», положившая начало «Театральному музею». Там, к примеру, впервые в России были поставлены оперы Леонковалло «Паяцы» и Гумпердинка «Гензель и Гретель» (на репетициях которой и встретился Врубель со своей будущей женой и музой); в том же театре увидела свет пьеса Найденова «Дети Ванюшина». В Панаевском театре состоялся в 1895 году петербургский дебют Федора Шаляпина. Здесь пел Собинов,

играл Михаил Дарский – лучший Гамлет русской сцены той поры. В это время Грановская впервые увидела гениального Мамонта Дальского в Шиллеровских «Разбойниках» (Карл Моор), а затем в «Идиоте» (Рогожин). Грановская начала свой путь с гигантами XIX века.

Самым выдающимся – постоянным партнёром Грановской стал великий Владимир Давыдов. Будучи актером Александринки, Давыдов предпочитал работать в популярном тогда театре «Пассаж», которым руководил блистательный комедийный актер Степан Надеждин. У Надеждина Давыдов был свободен в выборе репертуара, партнеров. Более того, в «Пассаже» Давыдов демонстративно проявлял свое отношение к казенной (читай – советской) сцене. Свое 75-летие в 1922 году он отпраздновал в «Пассаже» в «компании» с «частным товариществом актеров» и в творческом дуэте с Е. Грановской. И репертуар он выбрал не без вызова: не Грибоедов, Островский, Гоголь или Чехов – «завсегдатаи» юбилейных торжеств на казенных сценах, – а русские водевили. Естественно, что его партнершей была Грановская, которую рецензент и режиссер Георгий Крыжицкий, человек известный своей язвительностью, как-то «классифицировал» таким образом (речь шла о «Даме с камелиями» – «безвозвратно устарелой мелодраме», в которой «молодым» партнером – Арманом – Грановской был прославленный артист и театра – БДТ, и, главное, немого кино – Владимир Максимов, а Дювала – отца – Давыдов): «Спектакль спасало только близкое к гениальности дарование Грановской». И близкое к гениальности дарование актрисы ослепляюще проявлялось в водевилях – Давыдов знал, кого взять в партнерши для юбилейного вечера. Она была блестящей комедийной актрисой – лучшей не только в Петрограде, но и в России, в совершенстве владевшей даром перевоплощения, поразительной мимикой, точным жестом, искусством диалога. Как вспоминала Вера Юренева, у Грановской все идеально – «абсолютный слух, чистейший голос, талантливое тело, руки, укравшие дар слова. Над всем – пристальная художественная совесть в брезгливых белых перчатках». При этом, редкий комедийный дар и тончайший юмор не подавлял других особенностей ее дарования, «близкого к гениальности». В той же «Даме с камелиями», писал критик, она играла «в таких простых, удивительно мягких, сплошь музыкальных тонах, что весь образ получил совершенно особое освещение, став на законное место среди образов Маргариты, созданных

другими знаменитейшими актрисами». В 1939 году Елена Маврикиевна перешла в БДТ к Борису Бабочкину, который тогда возглавлял театр. Там она – уже актриса совсем другого плана, другого амплуа, если «амплуа» походит для этой уникальной личности. В БДТ Грановская играла Раневскую в «Вишневом саде» у П. Гайдебурова, Атуеву в «Свадьбе Кречинского», Полину Бардину – «Враги» Горького, Софью Берсеневу в «Разломе» Лавренева (Сталинская премия III степени), многое другое. Одна из последних работ, наряду с «Варварами» – Марэ в пьесе «Шестой этаж» Жери в постановке Г. Товстоногова.

...Тот юбилейный вечер Давыдова остался в памяти у многих. Последнее событие ушедшей навсегда жизни. Когда в водевиле «Дочь русского актера» П. Григорьева Давыдов – Лисичкин произнес знаменитые строки: «Но не забудется вполне / Мой дар, талант мой исполинский. / И после смерти обо мне / Вздохнет театр Александринский», – весь зал встал – до одного – и долгими аплодисментами, криками «браво» выражал и свое преклонение перед этим мощным актерским дарованием, и свое «последнее прощание» эпохе нормальной жизни. Петроград дольше всех не мог отказаться от Петербурга, не мог заставить себя признать наступающий Ленинград. Как и Грановская.

В ней все было от прошлого века. Фамилия, отчество. Речевые интонации и манера произнесения слов. Та особая культура говора, которая отличала людей – актеров, прежде всего, – старой формации, не засоренная специфической лексикой, не искореженная рваными темпами и скороговоркой XX века. В самом начале 20-х критик Вадим Додонов, писавший о комедии Франсиса де Круассе «Когда заговорит сердце», поставленной в «Пассаже», и, прежде всего, о великолепной паре В. Давыдов – Е. Грановская, обмолвился: «В «Пассаже» немножко стариной веет. Здесь актер старый, ещё довоенный, воспитанный в добрых традициях» ... Это – в начале 20-х! Грановская жила в традициях этой старой школы, для которой актерство было служением, подвигом, единственным смыслом жизни. Эти традиции она пронесла до начала 60-х, лучшие составляющие которых впитывали ее молодые партнеры по БДТ.

... Объединенный театр Сатиры и Комедии, руководимой Еленой Грановской и ее постоянным партнером Александром Арди, просуществовал недолго, несмотря на то, что к поста-

новке водевилей, салонных комедий и популярных «эстрадных обзоров» привлекались лучшие ленинградские и московские силы – Смирнов-Сокольский, Черкасов, Утесов и другие. Видимо, время водевилей и салонных комедий прошло, наступали другие времена, и, хотя жить стало лучше и веселее, беззаботного смеха не получалось. Да и сама Елена Маврикиевна чувствовала, что этот блестящий, но легковесный жанр себя исчерпывает, ее стал привлекать другой стиль сценической жизни. Короче говоря, к 1935 году театр в «Доме Елисеевых», признанный начальниками ленинградской культуры «худшим театром города», опять оказался на грани закрытия. В порядке эксперимента решили дать ему ещё один год жизни: известный театральный художник и мало известный режиссер Николай Акимов взялся за год театр возродить. Попытка – не пытка. Терять было нечего.

До этого эксперимента Акимов самостоятельно поставил всего один спектакль. Но какой и как! Это был «Гамлет» – чего там мелочиться! И поставлен «Гамлет» был на сцене Вахтанговского театра – также не захолустье. Через много – много лет, на пороге своего девяностолетия в 1999 году Елена Владимировна Юнгер – не только звезда первой величины акимовской труппы, самая стильная, острая, загадочная и «терпкая», по словам одного критика, актриса своей эпохи, артистка – легенда, сродни легендарным Дузе или Комиссаржевской (хотя ближе – Саре Бернар), прожившая невероятную жизнь, деля победы и трагические поражения со своим мужем – Николаем Акимовым, танцевавшая танго с Чарли Чаплиным в Голливуде, приятельствовавшая с Сальватором Дали, и знавшая Блока, влюбленная в искусство В. Давыдова и позировавшая в Париже Зинаиде Серебряковой, – Елена Юнгер, повидавшая на своем веку – почти в прямом смысле этого слова – все лучшее на отечественной, да и многое на зарубежной сцене, вспоминала о том давнем, дебютном для своего мужа спектакле: «После «Гамлета» у него /Акимова/ были, конечно, замечательные спектакли, но ведь он потом больше не сделал ничего такой мощи и громадности, как «Гамлет»! В юности меня потряс Гамлет Михаила Чехова /кстати, сам Акимов решительно, агрессивно не принимал версию М. Чехова/, но не меньше потряс и «Гамлет» Акимова в Вахтанговской театре! Какие там были Щукин, Орочко, Рубен Симонов! Со сцены шло такое!!! Прошло столько времени, а я до сих пор потрясена и не могу забыть пурпурный шлейф Клавдия на белой лес-

тнице». (Клавдия играл Рубен Симонов, Гертруду – Анна Орочко, Полония – Борис Щукин).

Опять Акимову неслыханно повезло. Другого режиссера и всю труппу другого театра посадили бы немедленно и надолго. Со сцены шло такое!!! Акимовского же «Гамлета» лишь пожурили. И дело не только в высокопоставленных покровителях и любителях Вахтанговского театра, как уверяли многие. А покровители и любители были именитые: Авель Енукидзе, Климент Ворошилов, Яков Агранов, Иосиф Сталин, который до середины 20- годов часто приходил в театр и запросто садился в шестом ряду партера. Позже он сидел в правительственной ложе, за спиной телохранителя. Но приходил также часто. Дело было не в покровителях.

Спектакль стал сенсацией театральной жизни Москвы 32-го года, хотя в то время он был признан «примером чуждого формалистического» искусства. Режиссера обвиняли в непонимании Шекспира, в «соперничестве» с ним. На роль Принца Датского Акимов выбрал, к несмолкающему возмущению шекспироведов, Анатолия Горюнова – невысоко полноватого актера комического плана со шкиперской бородкой и трубкой во рту, лишенного сомнений, меланхолии, мистицизма (впрочем, все действие у Акимова отторгло мистическое содержание пьесы). Негодующие по поводу «толстячка» Гамлета критики забыли слова Шекспира, что Гамлет – «тучен и одышлив». Однако более всего раздражала «памфлетность» акимовского прочтения текста, превращение трагедии в жесткую, эксцентричную, мудрую комедию с глубоким подтекстом и точными ассоциациями. Режиссер сделал «антитрагедию»: весь его пафос был направлен на развенчание «коленопреклоненной почтительности» перед «Гамлетом», высоким штилем его прочтения. При всем этом Акимов сохранил авторский текст, лишь сократив некоторые монологи, превратив укороченные монологи в действенные сцены, да призвав блистательного Николая Эрдмана написать интермедии. Вообще-то за интермедии Эрдмана надо было сажать всех – вплоть до осветителя (особенно, за диалоги – споры Розенкранца и Гамлета по поводу «творческого метода в датской литературе, “его столбовой дороге”», это было издевательство, довольно злое, над всеми руководящими постановлениями и действиями Софьи Власьевны в области культуры). Осветителей и Акимова не посадили, но Николая Эрдмана в компании с Владимиром Массом замели. Поводом были басни, при-

чина – всё остальное, в том числе и интермедии к «Гамлету».

Моя интермедия: пара басен Эрдмана и Масса:

*Вороне где-то Бог послал кусочек сыра.
Читатель скажет: Бога нет!
Читатель, милый, ты придира,
Да, Бога нет. Но нет и сыра.*

(Эта басня, прочитанная подвыпившим Качаловым на приеме в честь японского посла и разозлила Ворошилова: «как же: сыры не засижены, цены снижены...», а затем Сталина. ГПУ приняло это к сведению).

Или:

*В одном термометре вдруг захотела ртуть
Достигнуть сорока во что бы то ни стало.
И, в сей возможности не усомнясь нимало,
Пустилась в путь.*

*– Энтузиазм большая сила!
Кричала ртуть и стала лезть.
Но ничего не выходило:
Все тридцать шесть и тридцать шесть.*

*– Ура! Вперед! На карте честь! –
Она кричит и лезет вон из шкуры.
Все тридцать шесть.*

*А что ж, друзья, и в жизни есть
Такого рода Реомюры:*

*Кричат: «Ура!»
Кричат: «Пора!»
А не выходит ни хера.*

Короче, не зря «однажды ГПУ пришло к Эзопу...»

... Значительно позже спектакль Акимова был назван ярчайшим театральным событием 30-х, «политическим детективом» – «борьба за престол» – суть акимовского прочтения трагедии. В любом случае, после «Гамлета» стало ясно, чего можно ожидать от «этого» Акимова. Шекспировская трагедия наполнилась буффонадой, доходящей до хулиганства. Так, пьяная Офелия – «великосветская потаскушка» – (В. Вагрина) – ох, как раздражала пьяная Офелия и «толстый рыхлый» Гамлет критиков и «слева», и «справа!» – пела на балу весьма фривольную шансонетку в стиле немецкого кабака начала

века под аккомпанемент джаза. В сцене с флейтой Гамлет прикладывал инструмент к нижней части туловища – той самой! – а в оркестре флейта – пикколо в паре с контрабасом и барабаном (!) фальшиво и скрипуче-пронзительно играла мотив популярной советской патриотической песни А. Давиденко – лидера «группы пролетарских музыкантов», – на слова Д. Бедного «Нас побить, побить хотели». Это был открытый антисоветский вызов. В 32-м это ещё могло сойти. Музыку – гениальную, – этот наиболее близкий Шекспиру «элемент» постановки – написал Д. Шостакович. Чуть позже кому-то что-то «вспомнили»: так, Валентину Вагину – самую красивую актрису труппы – Офелию в том самом «Гамлете» – арестовали вместе с мужем. Точнее, ее арестовали вслед за мужем – вскоре расстрелянным крупным руководителем Наркомата тяжелой промышленности СССР – Д. Колмановским (который был, кстати, дядей будущего композитора Э. Колмановского, уверявшего: «я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно...»). Следовательно предлагал ей отречься от мужа. В этом случае ее освобождали. Она отказалась. Тогда, возможно, вспомнили Офелию. Просидела до 1946 года.

Имя Акимова после «Гамлета» зазвучало. Сам Николай Павлович писал об этом эпизоде своей жизни в присущей ему манере: «Я был признан режиссером самыми широкими слоями критики и зрителей. Это было хорошо. Одновременно было решено, что я злейший формалист опаснейшего толка. Это было плохо. Природное упрямство заставляло меня, во что бы то ни стало утвердить себя в профессии режиссера. Но ни один театр не испытывал желания видеть меня у себя в этом качестве». Театру в «Елисеевском магазине» ничего не светило.

В 1935 году театр в Елисеевском магазине был на грани закрытия. В середине 1936 года в него было не попасть. Акимов за год совершил «необыкновенное чудо». Он создал новый театр. Не только и не столько потому, что пришел «со своей командой», как стали говорить значительно позже, когда не было уже ни театра, ни Акимова, ни меня, – хотя он, действительно, фактически расформировал старую труппу, прекратил сотрудничество с теа-джазом Леонида Утесова, убрал все сборные «эстрадные представления», салонные комедии, почти все водевили и призвал под знамена своих молодых студийцев из «Эксперимента»: Ирину Зарубину, Лидию Сухаревскую, Киру Гурецкую, Александра Беняминова, Иосифа Ханзеля, Бориса Тенина, Сергея Филиппова, Эраста Гарина.

Из Александринки в театр мужа перешла Елена Юнгер – великолепная актриса и уникальная личность. Этот первый призыв – особая гордость и трепетная любовь ленинградцев конца 30-х – середины 60-х годов, при всем при том, что «выбор» был огромный – от звезд Александринки до возникающей и приближающейся громады БДТ эпохи Товстоногова. Никогда более город не знал такого количества превосходных, уникальных, порой, великих актеров на один квадратный метр ленинградской площади. «Своя команда» – это и свои авторы: Евгений Шварц, специально для акимовцев написавший «Тень» и «Дракон» – украшение мировой драматургии XX века, Михаил Лозинский – один из создателей советской школы поэтического перевода, именно в его переводах появились Акимовские шедевры: «Валенсианская вдова» и «Собака на сене» Лопе де Веги, «Школа злословия» Шеридана, «Двенадцатая ночь». «Своя команда» – это и свой художник – сам Николай Павлович Акимов – художник самобытнейший, художник – интриган и провокатор, психолог – виртуоз – портретист, график мирового уровня, сочетавший осязаемое влияние немецких экспрессионистов с холодным гротеском неоклассики. Всемирно признанный художник: серебряная медаль на Всемирной выставке в Брюсселе (1958 год)

Это был новый театр не по причине новой труппы, новых – великих авторов, новых эстетических тенденций. Это был новый театр по своему духу, по культуре бытия, по человеческим и актерским отношениям – новый, необычный, непривычный – первый и долгое время единственный – европейский театр. Западный. Александринка – бесспорно, самый русский петербургский театр. БДТ – уже с начала 60-х – великий советский театр. Дело, конечно, не в репертуаре или идеологии театра. В БДТ были поставлены шедевры, которые даже представить было невозможно на сцене Александринки, Комедии, или другого театра СССР. Скажем, «Цена» в постановке Розы Сироты – одна их вершин не только театра Товстоногова, но и всей отечественной театральной культуры второй половины XX века – «Цена» запрещенного в СССР после событий августа 1968 года Артура Миллера. Или – значительно позже в середине 70-х – «Три мешка сорной пшеницы» по В. Тендрякову. Георгий Александрович был, бесспорно, великим дипломатом, искуснейшим воплощением известного тезиса «если нельзя, но очень хочется...». Хотя и ему не всегда это удавалось: «Римскую комедию» Л. Зорина отстоять не

получилось, пришлось многое уступить в «Трех мешках» или в «Горе от ума», но тенденция была очевидна – тенденция идти, сообразуясь не с официальными установками, а с собственными творческими устремлениями. Как-то прогуливаясь по Неве с Даниилом Граниным, Товстоногов сказал: «Я их боюсь!». Если боишься, то о любви или уважении «к ним» речь не идет. Нет, БДТ Товстоногова не был «советским» театром – идеологическим придатком – иллюстратором существующей политической системы, как, скажем, Александринка (Пушкинский театр) времен главрежества Игоря Горбачева, душой и телом преданного Обкому КПСС. БДТ, при определенной подспудной интуитивной фронде – явлении неизбежном для подлинного творческого организма, при всех крамольных аллюзиях, легко прочитываемых и с трудом и не всегда прощаемых властью, – был советским театром по своей структуре, психологии взаимоотношений, субординации, авторитаризму.

Не надо думать, что Акимов был режиссером – «демократом». Демократы на этом поприще не выживают. Зинаида Шарко, проработавшая в Театре Комедии 4 года в 50-х и сыгравшая, кажется, всего одну роль, спросила у Акимова, почему она практически не занята. Акимов ответил: «Видите ли, Зиновка, если я попрошу Короткевич встать на голову, она тут же встанет. А вы непременно сначала спросите: “Почему?”». Без диктата в театре не обойтись. Но в «Комедии» все было иное. Диктат по-акимовский в принципе отличался от диктата по-товстоноговски. Акимовский стиль режиссуры и жизни театра, труппы, включая и сценический аспект, и закулисный, не только не соответствовал установленным негласным канонам советского театра, но и выпадал из русла всей отечественной театральной традиции. Это был, пожалуй, самый концептуальный театр Ленинграда. Олег Каравайчук, гениальный музыкант, импровизатор, написавший огромное количество музыки для этого театра, а также для БДТ, театра Додина и др., страдавший физиологической неспособностью выдавливать обязательные и даже заслуженные комплименты, в конце жизни отмечал: «Акимов – великий режиссер и художник. /.../ Породистый!.. Товстоногов наяривал эмоцию. /.../ А Акимов давал такие решения озаренные.» Это был самый изящный, самый формальный, самый неоднозначный театр Ленинграда и страны. Как заметила мудрая Нина Аловерт, это был самый театральный театр страны. Такой тонкой, точной и оригинальной эксцентрики, такой кинжальной иронии, переходящей в убийственный сар-

казм или изысканную пастельную загадочную лиричность, такой парадоксальности и такой живописности, карнавальности советская сцена 30 – 60-х не знала. Акимов – великий живописец во всем – играл даже внешними контрастами, природными данными своих актеров. Если у актера (актрисы) красивые (некрасивые) ноги, он не мог не обыграть это. Однако никогда не ставил «Укрощение строптивой»: «Шекспир не мог написать пьесу об унижении женщины!». Рампа отделяла у него не только зрительный зал от сцены, но мир реальный от мира театра. Никакого общения актера и зрителя. Другой – прекрасный театральный мир. Поднимался занавес и зал взрывался овацией: декорации, «оглушительные костюмы» /Виктор Гвоздицкий/, парики, гримы, выход актеров – все это потрясало, шокировало, озадачивало – кого как. Акимов не мог не обыграть, скажем, дуэт крошечной Елизаветы Уваровой и огромного Сергея Филиппова, красивой, «сдобной, как булочка» Ирины Зарубиной /Виктор Гвоздицкий/ и аристократично недоступной красавицы Елены Юнгер. Ни слова ещё не произнесено, но публика была уже вовлечена в действие, загипнотизирована, покорена. Интеллектуалы считали и почитали (молча, молча!) акимовцев – самой несоветской труппой. То есть, скорее, западной, но не антисоветской (этого не было, да и не могло быть – до этого – антисоветизма – тогда ещё, кроме единиц, интеллектуалы не дошли). Хотя...

Сам Акимов как-то сказал: «Как вы думаете, почему начальство любит меня больше Товстоногова? Потому, что он сегодня ставит "Поднятую целину", а завтра вдруг ошарашивает их "Римской историей" /"Римской комедией" Л. Зорина, запрещенной ленинградским диктатором/. И они теряются, кто же он? Со мной проще: они знают, что я всегда против». Акимов был прав. Как говорили, Товстоногов умел – гениально – сидеть на двух стульях. Акимов – только на одном. И крепко. Порой казалось, что Николай Павлович просто не знал, что есть на Литейном проспекте такое строение, которое называется «Большой дом», что в Смольном существует некая дама – Зинаида Михайловна Круглова – слегка облегченный вариант Розалии Самойловны Землячки (Залкинд), о который Д. Бедный написал:

*«...Бродя потом по кабинету,
Молись, что ты пока узнал
Землячку только по портрету,
В сто раз грозней оригинал».*

Про Круглову стихи не слагали, она тысячами не расстреливала ни в Крыму, ни в другой части мира, она курировала.

Посему, о ней – только проза, в те времена подпольная...

Казалось, что Акимов спутал век, в котором жил. Иначе невозможно представить, что в публичном выступлении на собрании в присутствии бонз Обкома в середине XX века в стране Советов может прозвучать такое. «Наша драматургия после исторического постановления ЦК “О репертуаре драматических театров” будет находиться на новом историческом подъеме. Об этом мы узнаем из доклада бывшего генерального, а ныне первого секретаря Союза писателей. Для еще большего подъема драматургии на недостижимую высоту существовавший до сих пор слишком примитивный способ утверждения пьес (репертком, Главлит, обком, ЦК) будет оснащен добавочными инстанциями: Управлением пожарной охраны, Санитарной инспекции, Центральным бюро погоды”. Или: есть ли разница между положением с комедией в театре и кино? (Это вопрос). Ответ: «Разница, конечно, есть, и довольно существенная – такая, как между смертельно раненым и убитым наповал». Или: собрание ленинградской творческой интеллигенции, доклад крупного обкомовского чиновника на тему «Героика мирных будней». Объявляются прения. Зал молчит, пытаюсь понять, в чем же героизм мирных будней. Руку поднимает Акимов: «Разрешите мне. Хочу личным примером подтвердить основной тезис доклада, что и в мирное время есть место подвигу...» Говорили, что Акимов пришел в неописуемый восторг, когда на его вопрос: «Где проходит граница между социалистическим реализмом и критическим?», услышал ответ: «Там, где стоят советские пограничники!». Казалось, что он, действительно, ничего не боится (представить сегодня личность такого же масштаба и такого нравственного содержания уже немыслимо). Ибо дело было не только и не столько в том, что он говорил на собраниях, семинарах, лекциях, в быту, а в том, что и как он ставил – сообразуясь со своими высказанными и невысказанными мыслями – на сцене своего Театра – этом главном месте общения с влюбленными в него ленинградцами.

Почему-то Театр Комедии считали «очень французским» театром, хотя подлинный французский театр тогда знали мало. Один критик назвал Николая Акимова «французским мастеровым». Да, он был именно мастеровым – ремесленником в самом высоком смысле этого слова, мастером на все руки. Все делалось им, при его участии: досконально, до мелочей вникал он в оформление витражей в буфете, выбирал типо-

рафскую краску для афиш, сделанных по его эскизам с легендарной буквой «К», ставшей эмблемой театра, сам сочинял эскизы даже стульев в грим-уборных, вмешивался в работу парикмахеров, костюмеров, продумывал мельчайшие детали грима. Виктор Гвоздицкий, влюбленный в Театр Комедии, вспоминал, что, когда он играл уже после смерти Акимова в возобновленной редакции «Тени», ему делали грим по эскизу Николая Павловича: сине-серебряные щеки, ресницы, впавшие, извилистую линию рта – полтора часа!..

Е. М. Грановская после прихода Акимова ещё около трех лет существовала в театре, но почти ничего не играла, так как ее репертуар был решительно снят за исключением нескольких старых и уже анонсированных спектаклей, да и она сама понимала всю несовместимость своей «старинной, доброй довоенной» театральной эстетики и новаций пришедшего руководителя. Поэтому она с готовностью приняла приглашение Бориса Бабочкина (игравшего, кстати, 4 года в конце 20-х в «Елисеевском театре» – Театре Сатиры Давида Гутмана) и перешла в БДТ, расставшись и с Комедией, и со своим прежним артистическим обликом. Однако не художественную эстетику, но театральную этику, – «пристальную художественную совесть в брезгливых белых перчатках» – она незаметно исподволь, как потаенную эстафетную палочку, передала; так передают востребованное и ожидаемое: природа театрального – петербургского стиля бытия у них – у Грановской и у акимовского призыва – была однородна. Акимов лишь решительно, органично и естественно акцентировал заключение в дефиниции Саши Черного Петербурга: «русский намек на Европу». Его театр – театр европейской России. Европейской, но России, той России – старинной, довоенной (имеется в виду начало XX века), которая питала творчество и Грановской с ее великими учителя и партнерами, и акимовцев.

Стиль жизни, неповторимую атмосферу Театра Комедии определяла Елена Владимировна Юнгер. И определяла отнюдь не по праву жены главрежа, что случается нередко и ведет, как правило, к деградации театра или труппы, а по праву своего дарования, профессионализма и той харизмы актрисы – интеллектуала самой высокой пробы, которая вызывает почтение, опаску и трепет в бесшабашной актерской среде, по праву своего неотразимого очарования, изысканно аристократического стиля, и женской красоты. По праву того уровня культуры, которого не знала новая артистическая среда: в со-

вершенстве владела тремя европейскими языками, не просто владела, но переводила – дала жизнь на русском языке пьесам Питера Устинова («Неизвестный солдат и его жена»), Эдварда Олби («Три высокие женщины»), О’Нила и др.; автобиографии Эдит Пиаф «Моя жизнь», неоднократно переиздававшуюся. Помимо европейских языков великолепно знала... русский: «для того, чтобы заниматься переводами, нужно, прежде всего, как следует знать русский язык». Ее автобиографические книги написаны блистательным, разнообразным классическим русским языком.

Театр Акимова – Юнгер совмещал несовместимое и, в то же время, неразрывно, органично спаянное, уникальное: строгие правила, безупречный этикет поведения и некую «порочную красоту» этого почти «театра – салона» (я часто вспоминаю и цитирую очень краткие, но точные и емкие воспоминания превосходного, исключительно одаренного и виртуозно оснащенного актера Виктора Гвоздицкого, имевшего богатейший опыт общения с различными театрами от Рижского ТЮЗа до Ефремовского МХАТа, от БДТ до Театра «Эрмитаж», От Александринки до Центра Мейерхольтда, работавшего с Николаем Акимовым, Георгием Товстоноговым, Камой Гинкасом, Генриеттой Яновской, Львом Додиним, Олегом Ефремовым, Петром Фоменко, Романом Виктюком – уф! дух захватывает от такого роскошества режиссерских имен! – игравшего с большинством лучших российских актеров своего времени, НО неоднократно утверждавшего: пониманию театра «меня научили Театр комедии и Юнгер, без этого я не могу существовать. И, когда этого нет, мне становится очень скучно. /.../. Когда этого нет... Перекати-поле...», и ещё: «Два моих основных идола, кумира и учителя – это Юнгер и Ефремов. Юнгер – человек, который подарил ощущение театра, театральное воспитание»). Это был театр с новой культурой существования на сцене и проведения капустников, организации банкетов и прочтения классиков, репетиций и премьер. На банкетах, к примеру, техники никогда не садились за один стол с актерами: столы накрывались одинаково с одинаково накрахмаленными белоснежными скатертями и абсолютно идентичным репертуаром яств и напитков, но – отдельно. «В этом не было фанаберии, а просто такие были правила, /.../ в этом тоже проявлялся стиль театра». Потом все вместе танцевали, дурачились, общались, но столы – отдельно. Стиль театра – стиль Юнгер – Акимова – существовал во всем: культуре праздно-

вать, хоронить, стучать, враждовать, ОДНАКО «вражда никогда не переходила в свару, склоку». Как настоящий петербуржец, он целовал руку дамам, предупреждая: «Но в присутствии моего заплита руку целовать не буду, чтобы не целовать ей». Тогдашний заплит – Мария Александровна Шувалова была ярым «идейным» противником «европейца» Николая Павловича, и, когда его выкинули из театра, особенно свирепствовала. Вернувшись же, он оставил ее на месте заплита. Когда Нина Аловерт спросила его, почему он это сделал, он ответил: «А мне нравится, что теперь она должна всюду меня хвалить с придыханием в голосе, и вообще она тот дракон, у которого взяли напрокат ядовитый зуб и забыли вернуть». – Театр, Дракон, Шварц – его мир. Перед злосчастной поездкой в Москву (не любил этот город Акимов), в предчувствии приближающейся грозы и сразу же после незадачи с Пиранделло и Главным Ценителем театра, когда Акимов начали скидывать, обвинив в преступлениях против соцреализма, а также в космополитизме, который об руку с формализмом, коллеги стали сигнализировать, куда надо. Далеко не все, некоторые, но именитые. Те, которых Акимов привел в театр и вывел в народные любимцы, которые его любили, ценили и, порой, боготворили. Но стучать их приучила действительность Страны Советов, мораль нового общества, законы выживания в нем... Акимов все прекрасно знал, всегда помнил, благодаря кому он лишился театра. ...В квартире Акимова – Юнгер, в «горке» стояли бутылки с водками – настойками: на малине, на клюкве, на перепонках грецкого ореха. На каждой такой бутылке была наклеена «этикетка»: «Яд для N.» (подлинная фамилия известного актёра – «дятла») или «Кровь X.» (другая подлинная фамилия). Все помнил, но в доме – театре Акимова – Юнгер даже вражда или обида носили некий карнавальный оттенок. Это же Театр!

Считали, что Елена Юнгер и Любовь Орлова были в чем-то схожи. Действительно обе – в браке с известными режиссерами, обе – весьма благородного происхождения, дворянки. Любовь Петровна свою родословную – непридуманную – вела от известных царевниц Орловых, а по матери была в родстве с Л. Н. Толстым (все это она тщательно скрывала, сочинив даже версию, что надпись Льва Николаевича на «Кавказском пленнике», ей подаренном: «Любочке Орловой – Лев Толстой», – была получена в ответ на ее восторженное письмо – они, мол, никогда не виделись). Елена Владимировна – дочь поэта

и художника Владимира Юнгера, а по матери – Зои Дроздовой – внучка известного врача, генерал – лейтенанта В. Дроздова. Обе побывали в Америке: в 40-х Юнгер два года была в творческой командировке в Голливуде, общалась с Рахманиновым, Михаилом Чеховым, Чаплиным, с двумя последними была дружна: «Из всего виденного в Америке, многообразного и интересного, из десятков встреченных там замечательных людей самые главные, самые сильные, самые прекрасные – Чаплин Чарльз Спенсер и Чехов Михаил Александрович». Орлова побывала там же в середине 50-х. Обе служили образцом стиля в публичном поведении, манере одеваться. Женская часть зала театра Акимова и поклонницы Орловой неизменно с восторгом взирали на наряды этих актрис – всегда от «кутюр», всегда тщательно продуманные, изысканные и органичные. Обе любили выпить. Наконец, они внешне походили друг на друга, особенно будучи уже «в возрасте».

Однако по своей человеческой и актерской сущности они были антиподами. Во всем. В мелочах: скажем, обе примадонны, действительно чем-то походили друг на друга, но идеальная голливудская красота Орловой отличалась своей продуманностью, соответствию стандартам красоты той поры, сделанностью: бесчисленное количество пластических операций, первая из которых была произведена в 1946 году, привело в соответствие все черты и пропорции лица, убрав все ненужное, возрастное. Юнгер была, в сущности, не красива. Акимов неоднократно писал свою музу. В этих портретах, со свойственным ему юмором и манерой подчеркнуть и обострить наиболее типичные черты лица модели, не превращая в карикатуру (а его карикатуры – гениальны), он прекрасно обыгрывал нетипичность лица своей жены: слишком курносый нос, выдающиеся скулы, крупный рот. Великий Юрий Михайлович Юрьев, преподававший в Студии Акдрамы на улице зодчего Росси, как-то спросил, впервые увидев Юнгер: «Кто эта новая ученица с таким странным носом?». При всем этом она была обворожительна. Ленинградцы были в нее влюблены. Ленинградки – тоже.

Или, скажем, дом Акимова – Юнгер в Кирпичном переулке (или его «Пещера» на Петровской набережной) был открытым домом, актеры и коллеги могли заявиться без приглашения (но с уведомлением!), считали его своим; дом Александрова – Орловой был наглухо закрыт. Орлова, как писал внук Александрова (от первого брака режиссера) – тоже Григорий, – «не

любила людей, гостей и друзей. /.../ Приезжали люди по делам – сценарий обсудить, музыку к кинофильму, сидели, разговаривали. Вдруг через час Орлова, посмотрев на часы, говорила: «Через пять минут Григорию Васильевичу пора обедать». Все вставали и молча уходили. Она им даже чаю никогда не предлагала. Ее боялись все». Поэтому друзей у них не было. Новый год встречали вдвоем. Были антиподами в стиле бытового поведения: Любовь Петровна никогда не позволяла себе выйти к мужу (они жили в разных комнатах, – но не в разных квартирах, как Дудинская – Сергеев) без макияжа, идеальной прически или в халате. Представить подобную ситуацию в Кирпичном переулке, дом 1/4 невозможно. Акимовы, конечно, не нуждались даже в самые трудные годы: оставшись без режиссуры, когда «незадача» приключилась, Николай Павлович прилично (не более того) зарабатывал «заказными» портретами: Черкасова, Тенина, Охлопкова, Товстоногова, Шварца, Шостаковича – коллеги, тем самым, поддерживали опального друга. Однако даже в самые лучшие финансовые времена Елена Владимировна не могла, по определению, произнести фразу Любовь Петровны, которая стала знаменитой и передавалась из уст в уста: «Так хочется во Внуково (там у звездной пары была знаменитая дача с огромным каминным залом – немыслимо роскошная дача по тем временам), а опять придется лететь в Париж за перчатками». Дело даже не в том, что сталиноносное семейство (четыре Сталинские премии на двоих, семейство Акимовых таким наградам не подвергалось) было одним из самых обеспеченных и знаменитых в стране. Дело в разных культурах. Опять то же сопоставление – противопоставление: одна пара – плоть от плоти выходцы петербургской – ленинградской культуры, другая – представители столичной – московской, одни – дети великого русского театра, другие – молодого советского звукового кино.

Впрочем, и эти сопоставления: «театр – кино» – не существенны. Как не существенно и то, что Юнгер была выдающейся драматической актрисой, а Орлова – звездой киноэкрана. Экрана звукового, что важно. Тридцатые годы изменили эстетику кино. Главенствующим выразительным средством стал голос. Голос, прежде всего, поющий. Поэтому, вытеснив «немых» звезд, возшли звезды поющие и танцующие (под музыкальное, естественно, сопровождение) – Дина Дурбин, Марлен Дитрих, Джанет Макдональд. Долгое время музыкальные номера сделались основной мотивацией применения звука.

Актерское мастерство, артистическая культура отошли на самый задний план. Надо было хорошо петь, двигаться и быть ослепительно красивой или обаятельной. Естественно, что Любовь Орлова по всем этим показателям, по своим природным данным, и образованию вполне вписывалась в новые условия восхождения на кинематографический небосклон (плюс, конечно, железная воля, целеустремленность, мощная пробивная сила: говорили, что даже Сталин порой не выдерживал ее напора, – и удача – встреча с Г. Александровым / Мармоненко/). Она проучилась несколько лет в Московской Консерватории, как пианистка, затем три года – на хореографическом отделении Московского театрального техникума, работала преподавателем музыки и была тапером в московских кинотеатрах, наконец, стала хористкой и актрисой Музыкального театра, а потом – Музыкальной студии при МХАТе им. Немировича-Данченко. Так что бэкграунд у Орловой был солидный и профессионально фундированный. Несопоставимость этих двух актрис была в другом.

Елена Юнгер – ленинградская актриса. И это, пожалуй, главное. Во всяком случае, если Москву 30 – 60 годов я вполне представляю без Орловой, то Ленинград представить без Юнгер невозможно. «Мне скоро будет 90 лет, я всю жизнь прожила в Петербурге, а до сих пор его так обожаю и все не могу наглядеться». Город платил ей взаимностью.

Любовь Орлову ее муж и режиссер сделал, вылепил, сотворил, как Пигмалион Галатею. Во всем. Внешность Орловой, которой подражали поколения советских женщин, – дело рук Александрова: он заставил ее вставить великолепные фарфоровые зубы, сделал платиновой блондинкой, «прирастил» к высоким каблукам и привил ей ту особую осанку, с идеально прямой спиной, которой она славилась и отличалась от своих сверстниц – актрис до последних дней: в жизни Орлова была милой, но довольно невзрачной, худощавой, маленькой – 1 метр, 58 сантиметров. Александров работал над каждым ее жестом, над каждым взмахом ресниц, продумывал каждый ее сценический и повседневный наряд, ее легендарный белый свитер в обтяжку, подставные плечи, юбки, плотно облегающие бедра – все это придумал он. Актрису снимали при тщательно выбранном и поставленном под определенным углом свете, чтобы ни одна морщинка не проскочила. Перед Александровым был образец – Марлен Дитрих, в которую он, полагаю, был влюблен, и первый знаменитый фильм

которой – «Голубой ангел» – послужил отправной точкой его поисков: все, начиная от знаменитого черного цилиндра до сюжетной модели. Надо сказать, что и сама Любовь Петровна была великолепным бойцом, мужественно, до самоистязания выполняя все указания своего режиссера, преследуя с маниакальной настойчивостью главную цель своей жизни – быть ослепительно красивой и молодой на экране.

Елену Юнгер создала, вылепила она сама. Представить, что у Любовь Орловой и Григория Александрова принципиальные разногласия в оценке «Гамлета» у Михаила Чехова (!!) или по любому другому поводу, немислимо. (Думаю, что само имя эмигранта Чехова в доме Александра не произносилось). Будучи вышколенной – в том старинном смысле и духе этого слова – актрисой, прекрасно чувствующей дистанцию между актером и режиссером и свято блюдушей театральную субординацию, Юнгер как личность в искусстве сформировалась вне зависимости от Николая Акимов. «У нас /с Акимовым/ были удивительные отношения. Ни на кого не похожие. То, что я не хотела, я не играла» /Юнгер/. Да, Акимов корректировал многое в работе своей актрисы, сообразуясь с каждым конкретным случаем, каждой ролью, каждым периодом своего творчества, он не мог не оказать влияние на развитие ее артистического облика: слишком мощной он был фигурой, с одной стороны, и слишком восприимчивой и творчески открытой была сама Юнгер – и эта открытость, эта восприимчивость, эта потребность впитывать новации Акимова были заложены в ней ее «доакимовским» периодом, ее самовоспитанием и образованием, ее учителями.

С Акимовым Юнгер познакомилась в 1933 году, будучи профессиональной актрисой и имея небольшой, но хороший опыт работы в театрах России. Плюс – превосходную школу. Те два года – всего два, – которые Юнгер провела в Студии на Зодчего Росси – Школе русской драмы, сказались на всем ее творческом опыте, на виртуозном актерском мастерстве. Это была превосходная школа – «слишком хорошая, поэтому ее быстро закрыли», вспоминала Елена Владимировна. Там студийцев «месили, лепили, чтобы подготовить к будущему труду» (Юнгер). Дисциплина была железная, насыщенность занятий – предельная. Настоящая классическая русская школа – сродни балетной. Думается, не случайно, знаменитая Вагановка находится на той же улице. Властвовали классические традиции и театральные принципы Александринского театра –

этого мощнейшего базового монолита петербургской - ленинградской школы. Ведущим педагогом был Юрий Юрьев – в то время Художественный руководитель этого театра. Юрьев – фигура уникальная. Традиционалист, но сподвижник Мейерхольда, неподражаемый, несравненный Арбенин в его спектакле, один из основателей БДТ и корифей Александринки и Малого театра, артист, воспитанный в строгих классических традициях и романтик высокого стиля, стилист и новатор, великий мастер художественного слова и великий педагог (среди его учеников А. Борисов и М. Царев, В. Кибардина и И. Дмитриев, С. Полежаев и С. Григорьева). Занятия у Юрьева были изнурительны. «На его уроках была железная дисциплина, и мы барабанили гекзаметры». Молодежь над его «методой» посмеивалась, но со временем оценила «значение великолепно отработанного голосового аппарата». Елена Владимировна Елагина – ученица Вахтангова – умела удивительным образом размягчать, «рассвобождать» ученика, снимая все чуждое, подражательное, убирая наигрыш, форсаж. Наталья Эрнестовна Радлова преодолевала природную зажатость голоса, добиваясь, чтобы голос, даже шёпотом, звучал в любой точке театрального зала. Практически ежедневные уроки ритмики, танца, фехтования, пластики и другие являлись обязательными.

Не менее важным было общение с великими актерами и режиссерами, которые тогда ещё водились в Ленинграде во всем своем разнообразии. Мейерхольд был в расцвете своего гения, его новации обрели законченные и оптимальные очертания. Студийцы были влюблены в Иллариона Певцова. Трудно было не влюбиться в этого удивительного русского, петербургского актера старого закала. Влюблены были не только студийцы. Фаина Раневская: «прошли десятилетия, а Певцов стоит у меня перед глазами и живет в моем сердце. /.... И сейчас по прошествии более шестидесяти лет, я вижу лицо Певцова, слышу его срывающийся голос /.../. Певцов не играл, он не умел играть, он жил, терзаемый муками (своего героя)». Когда он играл, студийная ложа в Александринке забивалась до отказа. Была влюблена в него и Юнгер. Показательно, в Советские годы Певцов, прославившийся до революции ролями в пьесах Шекспира, Островского, Толстого, в основном играл отрицательные роли врагов Софьи Власьевны. Играл превосходно – он все делал превосходно (даже говорил – его сценическая дикция была образцовой, хотя он от

рождения заикался, в быту это осталось на всю жизнь, на сцене фанатичным упорством он этот дефект преодолел), – играл, разоблачая их враждебную сущность, преступные намерения, свершения и пр. Однако «старорежимные» враги у него отличались какой-то неведомой нам культурой, от них веяло обаянием старого дворянства... Лучшей ролью в кино у Певцова была роль «белого» полковника (Бороздина?) в «Чапаеве». Мы с папой несколько раз смотрели этот фильм. Мне нравились пашки наголо и психическая атака, а папа, как казалось, приходил ради того момента, когда герой Певцова играл «Лунную сонату». Папа напрягался, и меня озадачивали звуки, похожие на всхлипывание, в этот момент... Певцов был из того времени, что и папа.

Юнгер была воспитана на этих актерах. Восхищалась Давыдовым, хотя в «Горе от ума» предпочитала ему (Фамусову) Юрьева (Чацкого). Николая Симонова студийцы обожали. И – «все девушки были чуть-чуть влюблены в Леонида Сергеевича Вивьена...». Вслед за этим признанием Елена Владимировна добавляла: «Я это /время в Студии на зодчего Росси/ могу сравнить разве что с довоенным периодом в Театре комедии – лучшего театрального времени я не знала. Это был необыкновенно счастливый период в театре». Из шинели Вивьена, шинели старой Александринки, как ни странно звучит, вышел и Акимовский театр. Таким, во всяком случае, я его воспринимал.

Незадолго до смерти на каком-то банкете в Доме актера (или в Театре Эстрады – не помню) она сказала молодым и бойким коллегам: «Я вас всех перепью». И здесь же доказала справедливость своего утверждения. Однако алкоголизмом никогда не страдала, и никто ее из этой беды не вытаскивал... Это тоже – признак старой петербургской актерской культуры. Тот же стержень – Давыдова, Грановской, Юрьева, Вивьена.

Театр Комедии эпохи Акимова был театром европейского старого Петербурга не только по причине влияния Елены Владимировны, ее школы и воспитания, и Николая Павловича с его эстетическими устремлениями, характером и уникальным чувством фальши, притаенного уродства, зла. И не только потому, что один из авторов этого театра был Михаил Лозинский – человек старого мира, враждебного, по определению, миру новому – советскому. Лозинский не зря был арестован в 1932 году Коллегией ОГПУ и осужден (условно) за антисоветскую

агитацию и пропаганду: он был ближайшим другом Н. Гумилева, дружен с О. Мандельштамом, А. Ахматовой, организовал в 1912 году издательство «Гиперборей», входил в гумилевский «Цех поэтов», был редактором журнала «Аполлон» ... Коротче, – полный набор. Плюс – великий знаток мировой литературы, драматургии: при всех своих «грехах», старорежимных убеждениях и устремлениях, – лауреат Сталинской премии первой степени за перевод «Божественной комедии» (1946 год) – это событие мировой культуры умолчать было невозможно. Лозинский – ещё один источник и составная часть несоветского Театра Комедии. Но не последняя.

Не знаю более ни одного театра в Советском Союзе, в котором не только излюбленным драматургом – соратником, но и завлитом, то есть человеком, определяющим репертуарную политику театра, да и весь его облик, был Первопоходник. Царские офицеры, которые остались в живых, были. Скажем, Зоценко (штабс-капитан, представленный к званию капитана, кавалер орденов Св. Станислава 3-й степени с мечом и бантом и 2-й степени с мечами, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и 3-й степени с мечами и бантом, представлен к Св. Владимиру 4-й степени), которого в конце жизни затравили, но в лагерях не сгноили. Но Первопоходник, да ещё завлит... Это – уникум. Евгений Шварц – завлит Тетра Комедии был Первопоходником, то есть участником легендарного Первого Кубанского – Ледяного – похода Добровольческой армии под командованием А. Г. Корнилова. Как и все его соратники по этому беспримерному по мужеству и силе духа походу, Шварц был награжден почетным знаком в виде серебряного тернового венка, пересеченного мечом. При штурме Екатеринодара получил тяжелую контузию, которая сказывалась всю жизнь. Всю жизнь сказывалась и его невытравливаемая старая петербургская философия жизни, за которую он шел под пули под Екатеринодаром, «прямая спина», негибкая порядочность, независимость мышления и мужества поведения.

...15 июня 1954 года в Ленинграде состоялось печально знаменитое заседание общего собрания ленинградского отделения Союза Советских писателей СССР. То самое, на котором травимый не первый год Михаил Михайлович Зоценко повторил свое на шумевшее и вызвавшее гнев всей партийной и писательской верхушки выступление на встрече с английскими студентами – свой ответ на вопрос, как он относится к

докладу Жданова и всей последующей вакханалии. Анна Ахматова, как известно, сказала, что постановление ЦК правильное и критика справедлива. У нее в заложниках был сын – лагерник Лев Гумилев, да и совет Савельича припомнился: «Батюшка Петр Андреевич, не упрямясь, что тебе стоит, плюнь да поцелуй у злод...(тьфу!) поцелуй у него руку!». Зощенко же не смирился, не согнулся – прокричал свой ответ: «... Что вы хотите от меня?! Что я должен признаться в том, что я – пройдоха, мошенник и трус?!...Что глумился над советскими людьми! Что я мошенник, несоветский писатель? Сатирик должен быть морально чистым человеком, а я унижен, как последний сукин сын! Как я могу работать? У меня нет ничего в дальнейшем! Я не стану ни о чем просить! Не надо мне вашего снисхождения, ни вашего Друзина, ни вашей брани и криков! Я больше, чем устал! Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею!» Воцарилась изумленная испуганная тишина, судилище притихло. Вдруг раздались жидкие, но звонкие аплодисменты. Аплодировали Зощенко 3 или 4 человека – всего три – четыре в переполненном зале. Это И. Меттер, А. Володин, Е. Шварц, В. Глинка. Единственный, кто аплодировал стоя – Евгений Шварц. После этого вызова и оцепенения в зале и раздалась реплика, вошедшая в историю, как верх подлости и циничной безжалостности, реплика эlegantнейшего москвича К. Симонова, который, изящно грацируя, произнес: «Това’иш Зощенко бьет на жа’ость». Зал опомнился, встряхнулся. Избиение продолжалось.

...Встал, аплодируя мужеству и таланту Зощенко, один Шварц – Первопоходец, завит театр Акимова.

(В скобках отмечу, истины ради, что существует несколько версий этой жуткой истории, хотя выше приведенная подтверждается большим количеством свидетелей. Кто-то называл двоих – писателя Израиля Моисеевича Меттера и драматурга Александра Моисеевича Володина, аплодировавших Зощенко, кто-то писал о трех (+ Шварц). Упоминался также В. М. Глинка. Этими именами исчерпывался список имен порядочных людей в Союзе писателей Ленинграда. Одно несомненно, Евгений Шварц был с теми, кто руку на Зощенко не поднял, кто всю эту свору во главе с вальяжным Симоновым ненавидел).

Отлучённый от своего театра Акимов не только писал портреты своих коллег и друзей, продумывал сценографию будущих постановок. Мимоходом он вернул к жизни заброшенный,

находящийся на самой обочине театральной жизни города, «на грани закрытия» «Новый театр», который возглавил в 1951 году. Два акимовских шедевра: «Тени» Салтыкова-Щедрина и «Дело» Сухова-Кобылина стали сенсацией, театр ожил и получил новую жизнь под новым названием – Театр им. Ленсовета. Естественно, на акимовские спектакли было не попасть, они покоряли каким-то непривычным горьким сарказмом, отсутствием привычной для постановок этих пьес карикатурности – на сцене жили нормальные, вполне приличные люди, и жили они на фоне чудных изысканных петербургских интерьеров. Оттого безнадежнее и страшнее воспринималась русская действительность с ее мертвой механичностью бессмертного отечественного бюрократизма, бездушия традиционного законного беззакония. Актеры заиграли, зажили, критика засуетилась, власти заметили. Театр обрел второе (первое – ?!) дыхание.

В 56-м году Акимов, наконец, вернулся в свой театр, который к этому времени оказался, как никогда ранее, близко к «границе закрытия». Он просто – на просто был пуст. Заманить туда зрителя не удавалось. Одичало помещение. Ушла жизнь 56-й год был хорошим годом.

Потеплело, встрепенулось, показалась новая жизнь, свежие ростки, хотя не без сильного обрезания.

Возвращение было отпраздновано постановкой «Обыкновенного чуда» Е. Шварца. И опять Ленинград вздрогнул, ибо такой иронии, такого тонкого и точно ассоциативного иносказания, лишнего пафоса и плакатности, такого отточенного мастерства и неожиданности постановок, столь европейского, изысканного и умного театра давно не видели. Помнили, ждали – дождались. В театре опять – аншлаг, а одним из самых известных и влиятельных людей города становится главный администратор театра Зиновий Бахрах. (После смерти Акимова и в начале очередного – продолжительного провала в истории Театра Комедии, он был приглашен на ту же должность в Театр на Таганке, становившимся тогда самым недоступным, элитарным и популярным театром страны).

«Я от Бахрака» – этот пароль открывал любые двери (кроме Смольного и Большого дома, конечно). Рассказывали, как однажды Акимов заработался на репетиции и забыл о совещании в Смольном. Спohватившись, он набрал номер своего главного администратора и попросил срочно вызвать такси. Через три минуты – буквально – Зиновий Самойлович стоял в две-

рях: «Такси у подъезда. Только, если шофер спросит вашу фамилию, скажите, что вы – Бахрах». Акимов рассмеялся и обратился к присутствующим: «Теперь вы понимаете, кто главный в этом театре!».

... С Акимовым пришла целая плеяда молодых превосходных актеров – Инна Ульянова, Ольга Антонова, Вера Карпова, Валерий Никитенко, Лев Милиндер. Хотя Елена Юнгер и вспоминала, что «лучшего театрального времени, чем довоенный период в Театре Комедии», она не знала, однако именно актеров послевоенного и более позднего акимовского призыва вспоминала с наибольшим теплом и восторгом.

«Обожаю Воропаева. Он замечательный, по-настоящему одаренный артист. А человек, по-моему, просто святой. А какой он чудесный партнер!»

«Я очень любила играть с Виктором Гвоздицким — мы играли вместе в спектаклях "Крик лангусты", "Заноза", "Одна ночь"».

«Сергея Дрейдена я считаю самым гениальным актером! Как он играл в "Троянской войны не будет"»!

1968 год – уже грустный год. Резко похолодало. В этом году закончились надежды. Закончилась та жизнь, которую ныне проживаю, приближаясь к Городу. «Кто бережно относится к воспоминаниям, тот живет дважды». В том году 6 сентября умер Акимов. На гастролях. В Москве.

Через пять дней советские танки вывели из Праги.

.....

Говорят, что Всевышний прислушивается к своим любимцам. Актер мечтает умереть на сцене. И Господь услышал автора «Мнимого больного», даровал ему это право 17 февраля 1673 года во время 4-го представления последней – самой веселой его комедии. Джузеппе Синопули умер, дирижируя «Аидой». Николай Хмелев, тот самый – великий из второго поколения актеров МХАТа, чьи усики (в «Днях Турбиных» – Алексей) снились Сталину, – умер во время генеральной репетиции пьесы А. Н. Толстого «Трудные годы». Феликс Моттль перенес инфаркт, дирижируя «Тристаном и Изольдой», смертельный инфаркт. Андрей Миронов во время спектакля «Безумный день или Женитьба Фигаро»: вместо положенной реплики Фигаро – вдруг: «Шура, голова болит», и всё – А. Ширвиндт – Альмавива едва успел подхватить. Во время репетиции Третьей Симфонии Малера умер Димитрис Митропулос. Михаил Глузский в самом конце спектакля «Чайка» (акунинская версия) встал с кресла на поклон – аплодисменты были

неистовы – и умер. Во время концерта в Манчестере от сердечного приступа скончался Арвид Янсонс.

Акимов умер во время гастролей в нелюбимой и нелюбящей его Москве. На поле боя.

Георгий Александрович завидовал смерти Бориса Бабочкина – своего далекого предшественника в БДТ, выпускника студии Иллариона Певцова (все из той же шинели...). Борис Андреевич хотел «умереть стоя» – так и умер – за рулем автомобиля: почувствовал себя плохо, затормозил, потянулся за лекарством, упал на руль. «Смерть мужчины», сказал Товстоногов. Завидовал. 23 мая 1989 года после репетиции «Визита старой дамы» сел за руль своего «Мерседеса» (самый лучший автомобиль необычного цвета, лучшие импортные очки и сигареты – три его слабости). Набережная Фонтанки, мимо «Ленконцерта», пересекая Невский, у Летнего сада – налево, потом по Лебяжьей канавке направо, до Суворовской площади. Там притормозил, припарковался у тротуара рядом с Институтом Культуры. Умер. Успел ли заглушить мотор, не знаю.

«Горжусь, что был его современником», сказал Товстоногов, узнав о смерти Акимова. «Смерть Акимова – это потеря для всей культурной жизни Ленинграда». Как и смерть самого Товстоногова. Только без слова «для». Потеря всей культурной жизни. Пласт за пластом.

...

Антоніна ТИМЧЕНКО

«Я цілую кожен вірш...»

* * *

Я не в`їжджала в Ієрусалим,
не говорила слово до людей.
І поглядом сумирним або злим
не зустрічав уважний іудей.

А Він моливсь – наївно, як людина,
і як Господь усе напевно знав.
Ідуть століття, спрагли, як хвилини,
а чаша не мина і не мина.

То п`ятниця щодня, то середа,
то зраджую його, то розпинаю.
Лише любов, яку мені віддав,
у серці не минає й не минає.

* * *

Їх троє було дівчат –
Віра найстарша,
Надія середня,
найменша – Любов
(маленька така Любов!).
Тулились до мами,
дивилися на людей
з ікони у церкві
цілісінький день.

* * *

Бабусі Наді
Бабусю, побудь зі мною,
я вся у твоєму «внученька».
І серце, у вузлик скручене,
розправилось при тобі.
З тобою, із кількарічною,
дозволь побігти до річки,
а потім очі послинити,
неначе спали в обід.

У лютий мороз военний
іди, притулись до мене.
У кожній скрутній хвилині
звірятимемось удвох.
Горнись, як дитина, ближче,
ти знов, наче хлопчик, підстрижена.
Я хочу тебе захистити –
та нас захищає Бог.

* * *

Да не ползок цей шлях буде.
Сніг на листя зелене впав,
і земля посивіла всюди,
доки день у мені спав.

Доки осінь тепла шукала
хоч в однім несухім стеблі.
Доки їду, мовчу і каюсь,
що покинула не як слід.

Тане сніг, винувато наче,
з листя скрапує і з вікна.
Жовтень. Їду. Люблю і плачу.
Сніг. Війна.

* * *

Гілками вітер бігає,
ніде нема нікого.
Я рада снігу з кригою –
дитячо, підлітково.

Два голуби допитливі
коло вікна – дивлюся –
немов прийшли провідати
дідусь мій і бабуса.

Сиділи і не зважились
нічого запитати,
побачили, що я жива
і не бідую надто.

Вони сільські, вони з простих –
що зайве розбалакувать?
А сніг ішов, ішов на них.
Перебирали лапками.

* * *

Зашторила осінь,
помила посуд
і сіла читать молитви –
коли їх читаю, усі живі.

А осінь у темряві довго бродить,
шукає своїх осінчат:
усе їй здається,
вони, голодні, кричать.

А вранці отямиться від видіння
(згадається, що сама),
а тут під ногами біло, мов димно, –
зима.

* * *

Де правда й кривда ходять у снігах
дорогами нечищеними зимними,
до перехрестя страху і вагань
сьогодні ти, будь ласка, відвези мене.

За ним – драти обірвані, міста,
бабусі з посірілими обличчями.
До блокпостів, покинутих застав
побачити, послухати поклич мене.

Де нікому назвати на ім'я,
тому і прокидаються без імені.
Чи зможу це ім'я вгадати я? –
не знаю. Та, будь ласка, відвези мене.

Війна в серцях. Нечистий підступа
(не про таку війну готорив Симонов).
Війна в мені – я в гніві, я сліпа,
тому нехай прозрію – відвези мене.

* * *

Хліб з молоком доїв, узяв краватку,
вдягнув піджак і мовчки вийшов геть.
А їй стояти – боса, ноги ватяні,
і серце гепає.

Ну здрастуй, розставання,
що ж ти внадилося
у дім її – сподобалась, мабуть.
Впізнавана хода
і погляд жадібний –
здорове будь.

Усе жереш вогнем, стискаєш холодом
нове й старе.
А тільки душу, крихітну і кволу
не відбереш!

* * *

Але нема в житті напівлюбові...
А. Демиденко

Мов роз`їхались ми по відрядженнях,
ходимо кімнатою одною – чужі.
Та для мене душа твоя досі принадна,
хоч ховається, як в бліндажі.

А назавтра млинців напечу та із начинкою
(не було на сироватці, буде на молоці),
бо для мене душа твоя досі принадна,
хоч ховається – сир у млинці.

Я жартую – і все, як раніше, а надто
ти забув недовіри принизливий смак.
А любов моя ціла (хоча й некрилата),
бо співають: в житті півлюбові нема.

ХАРКІВ

Місто – покинута лялька
зі скляними очима.
Не тікайте налякано,
сіли б, спочили.
Поговорили б разом,
як бути з містом,
щоб загуділи траси
словом, змістом,
як постачати рими
в дальні квартали,

щоб на дротах і ринвах
крига розтала...

Й місто світає.
Слухаю: українською
вірші читає.
Вірші Свідзінського.

* * *

1

Я цілую кожен вірш,
перед тим, як відпускати
у журнали (на плакати?),
чи – валятись на горищі.
А чи свічку загортати,
як у бідного пійти...
Прочитають мама й тато,
чоловік і, може, діти –
от і досить, ось і добре,
Бог розсудить ізгори.
Моє слово, аки обри,
зникне, як не говори.

2

А може, не зникне.
Травою поникне,
серцем заниє,
білкою прошмигне,
бджолою впаде у мед.
Бог книгу земну розкриє –
а там стільки імен!

Юрий КОСТРОВ
ПРО ИГОЛКИ

Краткая история экипажа
304-ой машины

На что вам иголки?
Разве мы – волки вокруг?
Ю. Мориц

У меня есть любимейший бард – Юрий Кукин. Очень светлый и чистый человек. У него не много песен, а сейчас его и вовсе подзабывают... Но для меня очень важна философская составляющая его песен. У него есть такая песенка, с простым названием «Романс (Вы пришлите в красивом конверте...)». Впервые я услышал ее где-то в конце 60-ых годов. Тогда там были такие слова: «А король – чаще голый король». Когда стало возможно публиковать авторские песни, я с удивлением обнаружил, что знакомая строчка звучит, как: «А король... Он и голый – Король!»

И вот меня с тех пор мучает вопрос: а как правильно? И я пришел к выводу, что эту очень важную для себя ситуацию каждый для себя решает сам. Кому-то важно, что у каждого короля может случиться «новое платье». А другим важнее, что, тем не менее, – это Король!

Но самое главное, хотя короля и «играет» свита, какой он Король! Он – «голый король» или «Король»?

Но речь не о том...

Все, что дальше прочтет читатель, мной много раз правлено. Я менял слова, расставлял запятые и другие знаки препинания, исправлял описки и ошибки. А потом вдруг понял: что же я делаю? Ведь я уничтожил дух эпохи! Своеобразный язык простых советских людей, которым выпало жить в тяжелейшее время и вынести на своих плечах невероятные зигзаги судьбы. Попробовал восстановить. Да разве ж я сумею. Что получилось – судить вам.

* * *

«Лучшие в мире танки – наши, советские!» Узнав наши, во всем превосходящие, танки, немцы принялись строить свои неуклюжие и неповоротливые чудовища – «Тигры», «Пантеры» и «Фердинанды». Но эти машины, по-прежнему, уступали и уступают качеству советских машин. Это доказано из последних сражений, где путь отступления германских армий усеян обломками «Тигров» и другой немецкой техники. Не испугали советских воинов и последние немецкие танки типа «Т-VIB» «Королевский тигр». Наши танкисты и артиллеристы при первой же встрече с ними доказали абсолютное превосходство наших боевых машин против этого, так называемого, «секретного» оружия немцев. Наши доблестные танковые экипажи под командованием Героя Советского Союза ст. лейтенанта Соловейчик, мл. лейтенантов Оськина и Удалова, старшины Потеха в первом же бою уничтожили по несколько «Королевских тигров»... Опыт боев доказал, что преимущество советских танков над немецкими явное и неоспоримое...»

Из фронтовой газеты 1-го Белорусского фронта

* * *

Здравствуете, наш дорогой муж, сын и отец,
и брат Павел Михайлович!

11 мая 1945 года.

Пишет Вам родная Ваша жена Катерина Матвеевна. В первых строках письма передаю тебе привет от Ваших детей Алексея Павловича, Марии Павловны, Владимира Павловича и Анечки. Кланяться велели Вам матушка Ваша Ольга Павловна и любимая теща Ольга Петровна. А еще просили передать привет сестра Ваша Галина Михайловна и крёска Шура тоже.

Живем мы хорошо и даже нынче на трудодни дали и ржи, и гороха, и даже картохи. Зиму мы все пережили, слава Богу, и дров хватило. Алешенька-то совсем уже большой, так мне помогал с дровами управиться. Мы с ним и в лес ездили с твоей матерью, и рубили и пилили, и кололи. А зима была не очень морозная, так что, почитай Алешенька с Машей всю зиму в Кострово в школу бегали.

Так что нынче весна хорошая, а за зиму из детей умерли только Николаша Васильев, который Потемкин, с Олечкой да у Ивановых, которые Четряковы, близняшки. А сам Петр вернулся совсем целый, только без левой кисти, говорит, бомбой

оторвало. Валька-то его уж больно довольная. Хоть какой – а мужик в доме... Они тоже велели тебе кланяться. Петька-то говорит: «Скорей бы Панька возвертался, ужо погуляем!» А еще померла Евдокия Матвеевна, сестра моя, так ее в лесу деревом придавило. Хорошо померла – и не мучилась вовсе. Взглянула на меня, шепнула: «Дети...» – и отошла. Пришлось мне Васильевых к себе взять. Так что живем мы теперь с Вашей мамой и семеро детей. Но ничего не голодаем. Только обносились сильно. Все из старого перешиваем, да уж и перешивать-то нечего. А третьего дня Володечка опять штаны порвал – теперь дома сидит. И то хорошо, а то босиком на улице еще земля не прогрелась.

А на Пасху¹ как раз вернулся Сашка Костров, Михайлов, так из Галича пешком шел, но принес бутылку красного вина. И пошли мы с бабами и Петром, и Валькой на Зелененькую. Петька браги из гороху сделал. Хорошо так разговелись. И попели, и поплакали...

А на той неделе вернулся Сашка Васильев, который Четряков, помнишь, я писала, что он в еще в 42-ом году без вести пропал. Рассказывает – жуть. И в лагере у немцев сидел два раза, и в Белоруссии в партизанах воевал, и, говорит, даже в Польше побывал. А потом у нас проверяли. Проверяли-проверяли, да тут война и кончилась, его и отпустили. Худущий, заросший – ну, чисто побируха ради Христа... Тоже заходил, и тоже тебе кланялся. Что ж ты, родимый мой, все не едешь и не едешь, уж я все глаза проглядела, и мать Ваша сильно печалится...

А председателем нынче назначили Паньку Кострова из Василевых. Бодрый такой. Все на конике разъезжает да материт всех. А толку-то чуть. Я уж ему говорю: «Бесстыжие глаза твои – говорю, – вот уж, – говорю, – Панька мой вернется, так он тебе покажет!»

Возвращайся скорее, Панечка. Уж никакой мочи моей бабей нет, исстрадалась вся без Вас...

И не надо ничего, а то в Галиче, говорят, солдаты демобилизованные всяким барахлом торгуют, говорят, из Германии. Просто приезжай скорей, мы все здесь сами сладим. Вот только, если будешь где в городе каком, хотя бы и самом Галиче –

1. В 1945 году православная Пасха была 6 мая

купи, пожалуйста, иголок, хотя бы штуки три: две меленьких и одну большую. И еще одну для дратвы, а то ни обувку тебе починить, ни валенки не подшить, ни чо еще.

Приезжай скорее, любимый, ненаглядный мой! Слава Богу, главное – война проклятая закончилась. Приезжай скорей – и заживем, как до войны. Каждый день Бога молю, что бы ты быстрее приехал.

Остаюсь до встречи нашей Ваша верная жена Катерина Кострова.

Целую крепко-крепко! Жду!

* * *

Здравствуй, Раечка моя любимая!

Верочка, привет тебе от дяди Коли!

12 мая 1945 года

Как я рад, что вы, наконец, добрались до Ленинграда, и что комната наша в порядке, не разбомбило, не разграбили. Говоришь, тяжело работать, потерпи, родная. Видишь же, война уже кончилась, какая тяжеленная война. Нам-то тут несладко было, Но и вы-то в Башкирии горюшка хлебнули. Кстати, тут у нас в экипаже – командир башни мл. сержант Керим Нурисламов – он как раз из Башкирии, но говорит, что татарин. Так он как раз из Баймакского района, село Темясово, где вы с Верочкой и были в эвакуации. Только, пожалуйста, не начинай плакать. Мне уже за три года надоели твои письма со следами слез. Раечка, радоваться надо! Скоро и нас отпустят. Вокруг все части собираются и едут домой, в Россию! Скоро и мы.

Наш-то Наумыч, старлей, даром что еврей (не обижайся) и историк, говорит, что так все-гда бывает у победителей: первыми отпускают те части, что похуже. А те, кто героически воевал, как наш экипаж (помнишь, я тебе газету фронтовую посылал – получили ль?) – отпускают в последнюю очередь. Надо временно оставаться лучшим частям на оккупированной территории.

Стоим мы сейчас недалеко от Берлина, [REDACTED].² Ребята тут гуляют во всю. Но я-то, ты знаешь, малопьющий.

2. Здесь и далее – убрано военной цензурой.

Зато уж некоторые оттягиваются за всю войну. Даже говорить неприлично, что они вытворяют с фрицами и их фрау. Да и фройлен не пропускают. Да что об этом...

Главное, Раечка, что все позади. Вот вернусь – больше ты работать не будешь, как и до войны. Уж я-то человек мастеровой, сама знаешь. И помнишь, конечно, на каком счету я был и в цеху, и на заводе нашем [REDACTED]

А погоды стоят – загляденье. Середина мая, можно подумывать лето красное. Жара – до 25 градусов. Каждый день бегаем по очереди на речку купаться.

Да тут мы с ребятами одну хохму придумали, так что после войны заживем. Какую хохму – говорить не буду, это пока военная тайна (шучу).

Мы тут нашим экипажем спорили у кого жена краше. Даже Абрам Наумыч фотку показал, хотя он этого и не любит. У него в Минске, как и у тебя – все родственники погибли (пожалуйста, не плачь!). Он-то, конечно, надеется, уже сколько писем написал. Пока еще не ответили – да и то – рано еще.

Так вот, у Пашки Кострова – да уж жена красавица! Это я ему так сказал. Что бы не обижался. А так глянул – ну, дура деревенская. И деревня у них глухая в Костромской области, ни дороги нет, ни поезда. Пашка говорит, что первый раз паровоз увидел, когда в 42-ом на фронт забирали. А о культуре говорить не приходится. Я его спросил: «Красавица-то твоя хоть читать-то умеет?» Говорит: «Да», – да что-то не верится... Четверо детей у него. Мы с тобой обязательно тоже заведем мальчика. Мы ж еще не старые, а ты у меня – и вовсе молодца. Верочку я люблю, но нужен же мне наследник. Эх, заживем же, Раечка...

Ты главное верь – все будет хорошо! Ничего, что денег маловато, я ж понимаю – займы на восстановление. Сколько всего фашист поразрушил... Но у меня кое-что есть. Так что – не волнуйся – еще поживем! Будет и на нашей улице праздник!

Остаюсь с большим приветом твой верный и любящий муж
Николай Ярославцев.

* * *

Исэн бул-ырга туып-ускэнлар!

14 раббиял-анчир 1945

Кем татар кеше була? Менә үзим улым кара. Әдәм кайсы күп туганнар арасында чын татарлар? Яки теге кеше кайсы бик ярата туган ягны кем тел, тарих яхшы белә. Үзим дәрәс улым эзлә. Бер кешене күп сөйләшә. Икенчәне күбрәк эшлә берсе ялкау һәм куркак. Икенчесе кыю йөрәк йомгак белән ашыкма улым, мин дә җавап кайда белмим. Алла җиһан иҗат итте һәр кешегә язмыш бирде тик Ходаем төгәл белә Кемгә, кайчан, нигә түлә. Мөмкин тән русныкы булла. Ә күңелдә татар тора. Бер кешене аз сөйләшә, икенчәне азрак эшлә берсе эшчән, батыр йөрәк. Икенчесе ялкау, куркак синең хезмәт карар итәр кем син – урыс, алман, татар.

Бер көн миңа бүләк иттә шәп истәлек ясып кала, яшьлек миңа эзләп кайта егет көчле кайтып, куркма.

Шунда ук җавапны бирәм бер төн сиңа бүләк иттәм күрәсен, мин сине көтәм. Хәзер хәбәр сиңа язам бу хат үзе миңа килгән. Кагазь түгел, ул башиннан бөтен дөнья анда торган, бөтен галәм шул урнашкан.

Зуррак өлеш – синең урын Калдык синең күзләр тагын. Мөмкин мине юк гомумән. Яки яшәм кызда бүтән, бу кыз күрмим, аны белмим. Шулай ук син белмисең кем Теге егет кемне алдың ялт-йолт иткәч күзләреңнең. Мәхәббәтнән өч тарафлар нигез ташы һәрбер йортлар. Шунды күзләр теге күзләр ходай пешрә өчпочмаклар. Бүләк иттә бер көн миңа егет көчле кайтып куркма, иртән мин оныттым сине. Башка күзләр ялт-йолт мине. Һәм тагын кабатлау. Алла Бу түгәрәк, уйнап ала.³

Гафу ит-эргә Керим.

3. Нелитературный перевод: «Кого татаринком можно назвать? Сынок, ты сам пойми: среди многих людей, кто является татаринком – мало тех, кто знает свой родной язык хорошо, свою веру, свой родной край! Я тебе скажу правду: один много говорит, другой был в юности влюблен, один ленив, а другой труслив, а третий смел. Вывод сделай сам, не торопись сынок! Я и сам не знаю правильного ответа. Где правда? Аллах каждому дал свою судьбу. Твое тело русское, а душа татарина. А воевать надо, несмотря на нацию. Одну ночь мне подарила судьба: на па-мять письмо написать. Молодость меня найдет, не бойся, будь смелее!!! Тут же даю ответ на твое письмо, дарю тебе ночь. Видишь, я тебя жду. Сейчас новость напишу на твое письмо. Не на бумаге напишу, а в мыслях всю жизнь прошел. Была некая девушка, которая стряпала очпичмак (татарское блюдо с мясом в тесте, очень вкусное). Имя ее не важно. Так что прости, за что и сам не знаю.»

* * *

(из дневника старшего лейтенанта А.Н. Соловейчика)

15 мая 1945 г., вторник. Наконец-то хоть немного очухался. Вся неделя – как в тумане. Да и как не затуманится, когда такие дни, такое время! Какая Победа! Наконец-то все позади! Наступает, наступает светлое, тихое, мирное время! Конечно, никого из погибших не вернешь. Ни Фирочку, ни Леву, ни папу с мамой, ни гротсмутерхен Соню, никого...

Не хочу, не надо, не буду об этом думать... Невозможно себе представить. Ничего, ничего... Главное – война кончилась. И не просто кончилась – а мы ПОБЕДИЛИ! Неужели же У. ничего не переменит? Да не может быть! Столько люди пострадали. Ладно, мы на фронте, но в тылу! А под немцами – об этом уж и не говорю...

Господи, как болит...

Ничего, вот вернусь в Минск – ведь наверняка какие-то документы сохранились. Ну не может же все исчезнуть бесследно! Столько людей! Ведь говорят, в Белоруссии было очень сильное партизанское движение, может, кто-то успел уйти в лес...

Эх, скорей бы домой. Как все здесь обрыдло.

Три дня назад собрал нас комбат. Мне говорит: «Ты, – говорит, – Абраша, ты хоть и еврей, а мужик боевой, так что тоже приходи, надо отметить нашу победу, да и поговорить...» Задолбали! Конечно, я пошел. Служба-то еще не кончилась. Дотяну как-нибудь. Хорошо, хоть экипаж подобрался боевой, дружный. Напились – вусмерть. Помню – плохо. Но поехали в Берлин. Говорили, там, на ихнем рейхстаге все расписываются в честь Победы. Решил тоже съездить, расписаться за себя, за всех ребят, за всех своих. Добили мы их таки! Помню, пили с американцами на Шайдеменштрассе. Откуда они взялись? А наверно, с Эйзенхауэром приехали. Не помню...

Потом батя мне говорил, мол, приехали. Куда-то шел. Потом, помню, Пашка-водила держал за плечи, а Керим, заряжающий, держал тазик. Я – блевал. Стыдно-то как. Боевой командир называется.

Утром еле глаза продрал. Пашка нашел где-то шнапсу. Сами, наверно, тоже закладывали. Чуть не силком влил. Я опять отключился. Проснулся к вечеру. Смотрю: рядом Николай сидит. Он вообще-то ленинградец, мужик серьезный, интеллигентный, начитанный. «Товарищ старший лейтенант,

– говорит, – дело, мол, есть...» – «Какое дело?» – спрашиваю.

Ну, дела... И откуда он взялся? Наверно, американец подарил. Ну не украл же я его. Короче, радист говорит, что у нас в танке лежит целое богатство – мешок иголок! Конечно не мешок, это Николай так сказал. А хороший такой весьма элегантный чемодан, но в грязном каком-то мешке. Что б не так в глаза бросалось. А в чемодане – чудо. Коробки, коробочки, пачки, пачечки – и все – иголки, иголки, иголки. Килограммов, наверно 50. И малюсенькие крохотулечки. И для швейной машинки, и толстые, для дратвы. Состояние, я думаю, по нынешним временам. Пашка Костров говорит, у них в деревне, в Костромской области, Солигалический район, и до войны-то было иголок не достать, а нынче, наверно, днем с огнем не найдешь.

Короче, выставил я Нурисламова в караул, а Николаю с Пашкой поручил все поделить поровну. Если же не делится – то мне поменьше! Мне-то куда девать? Если опять не делиться – то Ярославцеву поменьше – он-то в Ленинграде найдет. А Пашке с Керимом по дембелю в своих захолустьях – где достать? Они говорят: «А вы?» «Да что, – говорю, – вы лучше меня поделите».

Говорят, поделили по-честному. Все подписали, сложили обратно в чемодан, чемодан – в мешок, мешок – в танк. Благо боекомплект не полный.

Скорей бы домой!

Тот же день. Вечер. Снова собрал комбат. Говорит, есть приказ готовиться к дальней переброске. Все почистить, покрасить, подмазать, подвинтить. Куда ж нас? Война-то кончилась...

16 мая 1945 г., среда. Оказывается, не вся война кончилась. Это мы здесь обрадовались... А ведь есть еще японцы. Конечно же, надо ликвидировать эту опасность нашей стране. Ну, ничего уж мы-то им вломим, желтопузым!

Все оружие приказали сдать, оставили только мне – личное. Весь день в бегах, язык на плече. Завтра двигаем на станцию – грузиться и... Хоть проедем через Россию. Мужикам ничего не сказал. Опять военная тайна. Да, они и сами догадаются. На дембель – не с танком же ехать... Мешок поглубже заховали.

* * *

Начальнику Рузаевского районного
Управления МГБ Мордовской АССР
тов. Майору ГБ
Сидельникову Н.П.

РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения, что мною, лейтенантом ГБ Шариковым П.П., 22 июля 1945 года произведены задержание и последующий арест экипажа танка Т-34, бортовой № 304 в составе:

1. Бывший командир танка бывший Герой Советского Союза бывший старший лейтенант Соловейчик Абрам Наумович, 1920 г/р., г. Минск, еврей, член ВЛКСМ, кандидат в члены ВКП (б), образование незакончен. высшее;
2. Бывший механик-водитель, бывший старший сержант Костров Павел Михайлович, 1911 г/р, дер. Четряково Кузнецкого с/с Солигаличского района Костромской области, русский, беспартийный, образование начальное;
3. Бывший командир башни, бывший младший сержант Нурисламов Керим Рустемович, 1925 г/р, с. Темясово Баймакского района Башкирской АССР, татарин, член ВЛКСМ, образование начальное;
4. Бывший радиотелеграфист-пулеметчик, бывший ефрейтор Ярославцев Николай Трофимович, 1907 г/р, г. Урицк Ленинград-Пригородного района Ленинградской области, русский, беспартийный, образование незакончен. среднее.

Задержание произведено вследствие донесения рядового комендантской роты Котлякова А.Р., доложившего, что указанный экипаж танка, транспортируемого в составе 78-ой краснознаменной дивизии литерным составом А-87/14л в восточном направлении, ведет антисоветские разговоры, при этом явно замолкает при приближении бойцов, не являющихся членами этого экипажа, что, по мнению ряд. Котлякова, означает нежелание экипажа участвовать в дальнейших боевых действиях, нарушает боевую дисциплину и является проступком, несоответствующим боевому уставу, вследствие чего мною было проведено предварительное расследование с вызовом для беседы вышеозначенных Кострова П.М. и Соловейчик А.Н.

В ходе беседы, состоявшейся 22 июля 1945 года, ст. л-нт Соловейчик и ст. с-нт Костров от дачи показаний по существу отказались. Объяснили свою замкнутость незнакомством с бойцами комендантской роты и тем, что они не любят тыловых крыс. Ст. с-нт Костров при этом грубо хамил, на мои замечания отвечал дерзко с использованием мата.

В тот же день с помощью трех бойцов комендантской роты под началом зам. командира взвода мл. с-нта Кудели М.А. мною произведен досмотр личных вещей экипажа и обыск помещения танка. В ходе расследования мною обнаружен чемодан неизвестного, но явно несоветского производства. Чемодан был тщательно скрыт в холщовый мешок серого цвета и хранился на месте отсутствующих боевых снарядов. При вытаскивании чемодана из мешка, на нем была обнаружена около ручки бирка с надписью нерусскими буквами «Made in Chicago». По моим сведениям надпись произведена на американском языке, поскольку в САСШ находится такой город – Чикаго, что свидетельствует о наличии контактов экипажа с иностранными гражданами, что подтвердило мое мнение о ст. 58-3. Это послужило предварительному задержанию экипажа и его препровождению в Управление МГБ.

В ходе следствия, проведенного с 24 июля по 1 августа 1945 года, была выявлена организованная антисоветская группа, получившее задание от своих заморских хозяев. В чемодане оказались швейные и другие иголки в количестве, неподдающемся учету, общим весом 48,6 кг. Как выяснило следствие с применением особых методов дознания данная антисоветская организованная группа, состоящая из вышепоименованных бывших членов экипажа советского боевого танка, намеривалась:

1. Распространять изделия иностранной промышленности (иголки) среди мирного населения с целью проведения антисоветской пропаганды (ст. 58-10, 58-11).

2. Нанесение вредительства путем подмешивания иглолок в пищу и в последующем, по прибытию на место постоянной дислокации – двигатели и баки боевых машин (ст. 58-7)

3. Все члены бывшего экипажа подтвердили так же свою вину по ст. 58-1, 58-3⁴.

4. Соловейчик А.Н. признал себя так же виновным в шпионаже в пользу САСШ и Великобританской разведки, принятой им с целью дальнейшего выезда в Палестину для организации там антисоветского государства (с. 58-6), а так-

же в ведение записей, порочащих Советский строй (изъят дневник Соловейчик, что категорически запрещено боевым уставом), содержащих секретные сведения и предназначенных в дальнейшем для передачи своим хозяевам (ст. 58-6).

5. Костров П.М., Нурисламов К.Р., Ярославцев Н.Т. сознались так же в преступлении, предусмотренном ст. 58-12.

Таким образом, все арестованные полностью изобличены в различных преступлениях, совершенных в составе организованной преступной антисоветской группы и переданы для вынесения приговора под подсудность Рузаевского районного народного суда, где, надеюсь, им будут вынесены справедливые приговоры по законам военного времени.

03.08.45 (Подпись) младший лейтенант ГБ Шариков П.П.

4. СТАТЬЯ 58 УК РСФСР 1938 ГОДА **УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР** **ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ**

58-1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

58-3. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно содействие каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой – меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего кодекса.

58-6. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собой – лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР, – высшую меру

социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзных республик и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества.

58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собой – меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего кодекса.

58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58-2 – 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой – меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

58-12. Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев

* * *

Министерство юстиции
Республики Мордовия
ВЕРХОВНЫЙ СУД
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

КОСТРОВУ Юрию
Владимировичу

17.03.1993 № 44-у-16 Красноярский край,
г. Талнах,
На № _____ от 30.05.1992 ул. Новая, д. 17, кв. 2

СПРАВКА

Постановлением президиума Верховного суда Республики Мордовия от 17 февраля 1993 года отменено постановление Рузаевского районного народного суда Мордовской АССР от 05 августа 1945 года в отношении СОЛОВЕЙЧИКА Абрама Наумовича, 1920 года рождения, еврея, выходца из мещан г. Минска, члена ВЛКСМ, кандидата в члены ВКП (б), образование незакончен. высшее, старшего лейтенанта Красной Армии, ранее не судимого, до ареста служившего в РККА, арестованного 22 июля 1945 года по ст. ст. 58-1, 58-3, 58-6, 58-10, 58-11 УК РСФСР в редакции 1938 года и подвергнутого расстрелу.

Дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

СОЛОВЕЙЧИК Абрам Наумович – реабилитирован по-смертно.

Председатель Верховного суда
Республики Мордовия

(Подпись)

Инспектор спецчасти

(Подпись)

* * *

Министерство юстиции
Мордовской АССР

ВЕРХОВНЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ СУД
МОРДОВСКОЙ АССР

РУМЯНЦЕВОЙ
Марии Павловне

12 мая 1990 г.

Костромская область,
г. Солигалич,
ул. К. Либкнехта, д. 19

№ 25-у-7

На № _18/17-90_____ т 03.02.1990

СПРАВКА

Постановлением президиума Верховного республиканского суда Мордовской Советской социалистической республики от 27 января 1990 года в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 – 40-х и начала 50-х годов», отменено постановление Рузаевского районного народного суда Мордовской АССР от 05 августа 1945 года в отношении Кострова Павла Михайловича, 1911 года рождения, русского, выходца из крестьян дер. Четряково Куземинского с/с Солигаличского района Костромской области, образование начальное, старшего сержанта Красной Армии, ранее не судимого, до ареста служившего в РККА, арестованного 22 июля 1945 года по ст. ст. 58-1, 58-3, 58-10, 58-11, 58-12 УК РСФСР в редакции 1938 года и заключенного в ИТЛ сроком на 10 лет.

Костров П.М. отбывал заключение в пос. Новокиевский Увал БАМлага. При производстве лесоповала был придавлен деревом 4 июля 1951 года. Похоронен там же.

Дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

КОСТРОВ Павел Михайлович – реабилитирован посмертно.

Председатель Верховного республиканского суда
Мордовской АССР (Подпись)
Инспектор спецчасти (Подпись)

* * *

Министерство юстиции
Республики Мордовия

ВЕРХОВНЫЙ СУД
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

ЯРОСЛАВЦЕВОЙ
Альфие
Керимовне

14 сентября 2002 года № 258-у-36 Республика Татарстан,
г. Казань,
На № _18/17-02__ от 30.05.1992 ул. Габдуллы Тукая,
д. 84а, кв. 32

СПРАВКА

Постановлением президиума Верховного суда Республики Мордовия от 17 февраля 1993 года отменено постановление Рузаевского районного народного суда Мордовской АССР от 05 августа 1945 года в отношении НУРИСЛАМОВА Керима Рустемовича, 1925 года рождения, татарина, выходца из крестьян с. Темясово Баймакского района Башкирской АССР, члена ВЛКСМ, образование начальное, младшего сержанта Красной Армии, ранее не судимого, до ареста служившего в РККА, арестованного 22 июля 1945 года по ст. ст. 58-1, 58-3, 58-10, 58-11, 58-12 УК РСФСР в редакции 1938 года, подвергнутого заключению в ИТЛ сроком на 10 лет.

Нурисламов К.Р. отбывал заключение в пос. Металлострой Колпинского района г. Ленинграда. Умер в больнице от крупозного воспаления легких 23 февраля 1946 года. Похоронен там же.

Дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

НУРИСЛАМОВ Керим Рустемович – реабилитирован посмертно.

Председатель Верховного суда
Республики Мордовия
Инспектор спецчасти

(Подпись)
(Подпись)

* * *

Министерство юстиции
Мордовской АССР

ВЕРХОВНЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ СУД
МОРДОВСКОЙ АССР

СОЛОВЕЙЧИК
Хае Мордуховне

16 февраля 1961 г. № 12-у-3

г. Ленинград,
пос. Петро-Славянка,

На № _198/75-60_ от 23.11.1960

ул. Комсомольская, д. 26

СПРАВКА

Президиумом Верховного республиканского суда Мордовской Советской социалистической республики 19 января 1960 года дело по обвинению Ярославцева Николая Трофимовича, 1907 года рождения, г. Урицк Ленинград-Пригородного района Ленинградской области, русского, беспартийного, образование незаконченное среднее, пересмотрено. Постановление Рузаевского районного народного суда Мордовской АССР от 05 августа 1945 года в отношении Ярославцева Н.Т., старшего сержанта Красной Армии, ранее не судимого, до ареста служившего в РККА, арестованного 22 июля 1945 года по ст. ст. 58-1, 58-3, 58-10, 58-11, 58-12 УК РСФСР в редакции 1938 года отменено, и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Был заключен в ИТЛ сроком на 10 лет.

Находясь в заключении, ЯРОСЛАВЦЕВ Н.Т. умер от сердечного приступа 6 марта 1953 года. Похоронен в пос. Зимовочная Таймырского национального округа Красноярского края.

ЯРОСЛАВЦЕВ Н.Т. реабилитирован.

Председатель Верховного республиканского суда
Мордовской АССР (Подпись)

Инспектор спецчасти (Подпись)

* * *

В Библии есть интересная фраза: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное». (Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 24).

Думаю, Иисус был чересчур обходителен с нами. Пожалуй, любому из нас сложно попасть в Царствие небесное. Подразумевается, что это очень трудно. Мы все так считаем и не понимаем, почему Иисусу в голову взбрела именно такая метафора. Оказывается все очень просто. В евангельские времена Иерусалим, как и положено стольному городу (пусть и бывшему), имел городскую стену. И в ней было несколько ворот. Одни из этих ворот носили наименование «Игольное Ушко» за свою узость и маленькую высоту (низость, если можно так выразиться). Человек верхом на верблюде не мог проехать через эти ворота. Нормальному верблюду с поклажей приходилось подгибать ноги, чтобы пройти через Игольное Ушко. Матфея стоило бы отредактировать...

Некоторые все-таки прошли сквозь игольное ушко...

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО

СВЕТ ИЗ ПРОШЛОГО

Вместо предисловия

К фронтовикам у автора этих строк всегда было особенное отношение — они дали нам и последующим поколениям самую большую ценность на земле — жизнь.

К фронтовикам такое отношение еще и потому, что народ они, не будем скупиться на слова, необыкновенный... Я как-то попытался понять, что же в них такого необыкновенного, притягательного, чем они так привлекают к себе, так располагают к общению...

Помню одну из первых встреч с фронтовиком... Детство... Война... Мы жили тогда Красноярске, в военном городке. Там была авиационная база, через которую наши летчики (их называли еще перелётчиками), перегоняли с Аляски на фронт американские самолеты «Кобры», «Бостоны», «Боинги»... Как-то несколько перелётчиков заглянули и к нам в гости, точнее, к отцу, который в то время служил на авиационной базе. Отец поставил на стол галлон спирта, а гости, все молодые, веселые, звеня боевыми наградами, выложили на стол свои бортпайки — галеты, консервы, открывавшиеся без ножа, конфеты, похожие на большие таблетки, белые и коричневые... Но самое главное — набор рыболовных снастей, на случай, если самолет сойдет над морем... У меня, как и у любого мальчишки, загорелись глаза — вот это богатство!..

— Рыбу любишь ловить? — спросил летчик и, не дожидаясь ответа, протянул мне: — Держи, это тебе!

...Сегодня, когда говорят или пишут о фронтовиках, естественно с горечью вспомнят о том, что победителей в Великой Отечественной войне остается все меньше и меньше. Печально, конечно, но таков итог жизни. Следовало бы добавить, что все меньше остается и людей, которым посчастливилось лично знать участников тех грозных лет. В этом отношении мне повезло — фронтовики были не только моими стар-

шими братьями по перу, но и друзьями.

Когда мой старший брат — писатель Николай Омельченко — переезжал в Киев, на вокзале напутствовал: «Держись в Союзе (Союзе писателей – автор) Добровольского, Галкина, Муратова, Самойлова...»

Понятно почему... Все они прошли великую и жестокую школу жизни. О них мне и хочется поведать читателю. Тем более, как известно, человек живет до тех пор, пока о нем помнят.

ГЛОТОК ЖИЗНИ

Начну с самого молодого писателя-фронтовика, Василия Самойлова. И потому что он был моим другом. И потому что считаю его лучшим харьковским прозаиком, хотя он не был ни лауреатом, ни баловнем критиков. Но печатался в Москве, был постоянным автором журнала «Юность»... Написал немного. Он разрывался между наукой и писательством. Работал в Украинском физико-техническом институте, что в Пятихатках. Был кандидатом химических наук, работал над докторской диссертацией. Да еще рисовал, то есть писал картины... Да еще был заядлым рыбаком... Он был многогранно талантлив. Но самый большой его талант — доброе отношение к людям.

Мы познакомились с ним в квартире харьковского писателя Бориса Силаева. Он, можно сказать, столкнул нас лбами: инженера УФТИ Василия Самойлова и техника-гидролога, только что вернувшегося из Сибири — автора этих строк. Хозяин квартиры, любитель неординарных жизненных моментов, предложил нам прочесть друг друга рассказы. И сказать правду — понравились они или нет. Мой рассказ Василию Самойлову понравился, а мне его не очень... Мне ничего не стоило слукавить, но ведь пообещали говорить правду. И хотя правда иногда препятствует дальнейшим хорошим отношениям, нам она помогла навсегда сделаться друзьями.

Мы жили через лес, то есть, мой друг в Пятихатках, автор этих слов — на Павловом поле, у самого леса. Созвонившись, мы встречались на одной из просек и шли в Лозовеньки ловить рыбу. Конечно же, главное была не рыба, а разговоры. В то время молодой писатель В.Самойлов носил в кармане блокнот и при каждом удобном случае задавал знакомым единственный вопрос: «В чем смысл жизни?» И заносил ответы в блокнот. Борис Чичибабин, помню, честно признался, что он

не знает, в чем смысл жизни. Борис Силаев ответил: «Смысл жизни в самой жизни». Возможно...

Поинтересовался я и у самого искателя смысла жизни его мнением на этот счёт. Мой друг на миг стал очень серьезным, потом медленно расплылся в улыбке, какая бывает у детей, которые смотрят или слушают очень интересную и добрую сказку.

— Не знаю...

Через время добавил:

— Просто можно жить лучше, а оно не всегда получается...

И опять расплылся в улыбке, только совсем другой, какой-то залихватской и отчаянной.

— Знаешь, как меня называли на фронте? Женатиком! А я... Да был влюблен... Решили пожениться... Утром расписались, а в обед меня в военкомат... И всё... И больше я её никогда не видел... Во как... Зато ребятам было над чем порыготать... А на войне смех — глоток жизни...

А у меня память о Василии Самойлове — глоток жизни.

Книги В. Самойлова — «Запах хлеба», «Место у костра», «Шальная осень», «Штрафная рота», «Любовь прифронтовая» и др.

Ученый и писатель в войну был артиллеристом. Стрелял по врагам Отчизны из такой пушки, две из которых сегодня на Павловом Поле охраняют памятник Солдату Победителю. Одни харьковчане любовно называют его Иваном, другие Павлушей, а я в душе — Василием... Когда прохожу мимо, мысленно говорю: «Привет, тезка...»

МУРАТОВСКИЙ ПИДЖАК

Чего скрывать, в то уже далекое советское время не все писатели жили в достатке. Даже очень талантливые и известные.

Рассказывают, что Михаил Светлов, испытывая материальные затруднения, зашел как-то в Литфонд и поинтересовался, какую сумму ему положено на его будущие похороны: если триста рублей, то двести пусть дадут сейчас, а на остальные похоронят скромненько...

Надо ли скрывать, что в советское время многое было дефицитом: машины, телевизоры, холодильники, ковры, импортные носильные вещи... За всем этим годами стояли в очереди, доставали по блату или же в закрытых магазинах. Так,

например, помню, как перед поездкой в Киев на съезд писателей, делегатам сообщили, что бы в такой-то день в такое-то время мы можем прийти в клуб писателей и приобрести импортные вещи: костюмы, рубашки, туфли — чтобы выглядели «инженеры человеческих душ» респектабельней.

А мне однажды повезло с импортным пиджаком. Зашел в клуб нашего союза писателей, вешаю в раздевалке пальто, а Ида Осиповна (царство ей небесное!), наша вахтер и гардеробщица, протягивает мне какой-то пиджак.

— Примерьте, может, вам подойдет...

Пиджак новый, спортивного кроя, с накладными карманами, цвет приятный и, главное, импортный — польский!..

Развожу руками: а зачем примерять?

— Понимаете, Муратову привезли друзья из Польши, а ему не подходит — большой. Так Игорь Леонтьевич принес сюда и сказал, что пусть возьмет его тот, кому пиджак по размеру.

Мне он оказался в самый раз, но я вернул пиджак — денег в кармане было не густо. Ида Осиповна поняла мое замешательство и тут же торопливо пояснила, что насчет денег Муратов просил не беспокоиться, сказал: если не будет, то пусть отдадут тогда, когда желание совпадет с возможностями.

Из клуба я вышел немного счастливей, чем был.

Как только накопил денег, тут же позвонил Игорю Леонтьевичу, еще раз поблагодарил за пиджак и сказал, что у меня желание совпало с возможностью...

— Не надо ничего, — сказал он, — у меня в «Днипре» готовится четырехтомник... так что я не бедствую. Носи пиджак на здоровье!

К великому сожалению, своего четырехтомника Игорь Леонтьевич так и не дождался. Военное лихолетье сказалось на его здоровье — тяжелая болезнь скосила писателя-фронтовика когда ему не было еще и шестидесяти.

А муратовский пиджак (так мы называли его в семье) жив и до сих пор, греет мне плечи на даче. И душу.

ИСТРЕБИТЕЛИ ТАНКОВ

Поэт Лев Галкин... При воспоминании о нем на душе сразу становится теплее и невольно хочется улыбнуться. Седоволосый, слегка вальяжный, с неизменной улыбкой на устах... Казалось, жизнь этому человеку всегда улыбалась. Казалась,

что за его плечами не было ни рейдов по фашистским тылам партизанского отряда, командиром которого он был, ни батальона по уничтожению танков, в котором он воевал. Не было и тяжелого ранения в одном из жарких боев. Тот бой мог оказаться для будущего поэта последним, если бы медсестра — щупленькая девчушка Галя, не вынесла его на себе с поля боя.

После Победы Лев Абрамович вернулся на Украину, медсестра Галя — в родную Удмуртию.

Автору этих строк однажды посчастливилось побывать в гостях у спасительницы бронбойщика-поэта.

В те уже далекие советские времена, когда мы дружили со многими в мире, наша писательская делегация отправилась в Удмуртию. На встречи с читателями и собратями по перу. Еще в поезде Л.Галкин обмолвился, что в Ижевске живет медсестра, которая спасла ему жизнь. Есть адрес. Они переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, днями рождения, но никогда после войны не виделись. И вот...

В Ижевске рано утром будет меня Лев Абрамович:

— Не в службу, а в дружбу... поехали со мной... к моей спасительнице...

Я сказал, что, может, он сам... Он, замаявшись, ответил:

— Я вчера вечером уже позвонил... Потом, понимаешь, ехать одному к женщине... Я доверяю друзьям, но могут истолковать и по-другому, а дома — жена, которую я люблю... А ты — алиби.

Бывали у поэтов и такие моменты.

Времени в обрез — в десять встреча на оружейном заводе.

В восемь утра они встретились — поэт-бронбойщик и бывшая медсестра. Надо ли говорить, какой трогательной была эта встреча... Я никогда прежде не видел у всегда сияющего поэта слез на глазах. В тот раз они были. И он не скрывал их.

Лев Абрамович работал до последних дней. Помню, он уже не выходил из дому, но писал новую книгу. Называлась она «Московский проспект». И в ней вовсе не о «москалях» шла речь. Московский проспект — это проспект харьковских заводов, на которых работали и горожане, и селяне. «Велозавод», «ХЭМЗ», «Турбоатом», «Кондиционер», «ХТЗ», «Станкостроительный», «Южкабель», «Подшипниковый», «Электротяжмаш»...

Жил на Московском проспекте и Моторостроительный завод «Серп и Молот», на котором в свое время работала моя мама. Увы, теперь от завода остались одни руины, которые

потом засадили деревьями.

Помню, Лев Абрамович мне позвонил. Как всегда бодрым голосом спросил:

— Ты, кажется, писал о подшипниковом заводе... Это правда, что его знали даже в Японии?

— Правда.

Тогда у меня вышла книга «Накануне праздника» — о рабочих подшипникового завода. В то время слова «рабочий», «инженер» звучали весомо. Точно также звучало и слово «поэт-фронтовик» — времена были другие. И люди другие...

КАВЕРЗНЫЙ СЛУЧАЙ

Дабы не упрекнули автора этих строк в подобострастном отношении к писателям-фронтовикам, скажу, что они, конечно же, как все люди — не ангелы. Случались иногда и нелюбимые моменты в жизни, даже драматические. Но они находили мужество выйти из них достойно.

Никто из нас не застрахован от ошибок. Бывает, вопреки здравому смыслу и своим принципам мы делаем что-то не так, опрометчиво, необдуманно, или же под жестким натиском каких-то непреодолимых обстоятельств... И нас потом неотступно мучит совесть: зачем я так сделал... Теперь стыдно смотреть людям в глаза... Или переморгаем?... Конь, мол, на четырех ногах и тот спотыкается... Оправдание своим «спотыканиям» всегда можно найти.

У одного из лучших харьковских писателей, лауреата Государственной премии Владимира Анатольевича Добровольского, был в жизни труднейший момент...

Другой, будущий лауреат Государственной премии, его брат по перу, прекрасный русский поэт Борис Чичибабин попал «направляющей и руководящей» власти в опалу. На вокзале, провожая друзей в эмиграцию, прочел стихи, которые пришлись не по душе тем, кто был у власти.

В верхах поэта решено было исключить из Союза писателей. Но это должен был сделать «стрелочник». Кандидатура пала на В.Добровольского. Фронтовик, орденосец, депутат облсовета, лауреат Сталинской премии, член правления харьковского отделения союза писателей СССР, коммунист, авторитетный, всеми уважаемый человек...

К сожалению, а может, и к счастью, автор этих строк не

был на том постыдном собрании «инженеров человеческих душ». То ли находился в отъезде, то ли просто не был извещен о драматичном для Бориса Чичибабина собрании. В те годы собрания проводились общие и закрытые, на которых, читались закрытые письма, обговаривались какие-то секретные дела, решались порой людские судьбы. На закрытые собрания, естественно, не допускались писатели беспартийные, коим являлся и автор этих строк. Потому и не довелось слышать, какими словами писатель В.Добровольский предлагал исключить Б.Чичибабина из членов творческого союза. Но при восстановлении поэта в Союзе писателей мне довелось присутствовать – было уже другое время, время гласности.

...В небольшом зале клуба писателей висела настороженная тишина. Все поглядывали то на ушедшего в глубину своих мыслей опального поэта, Бориса Чичибабина, то на человека, которому два десятка лет назад выпала нелегкая и гнусная доля очернителя поэта...

Что такое «очернить», сейчас мало кто знает. Это значит: нигде не печатать ни строчки... нигде не писать об авторе ни строчки. Как говорили ТАМ: мы и умереть не дадим, но и жить не дадим!..

Двадцатилетнее молчание...

И в зале тягостное молчание...

Наверное, В.Добровольский мог бы не прийти на это покаянное собрание. Но вот он берет слово.

— Борис Алексеевич, я хочу сказать... что... что тогда я был... страшно не прав... Прошу меня извинить... простить мое малодушие...

Поэт Борис Чичибабин привстал, вымученно и как-то виновато улыбнулся — казалось, не В. Добровольский извинялся, а он сам, отлученный от читателя. В лице опального поэта не было ни обиды, ни оскорбления, ни затаенной мести. А было великое страдание. За собрата по перу. За то время, в котором они жили. И за что-то такое, что знал, во что верил и чему служил сам поэт.

Сейчас думается: было бы хуже, если бы В.Добровольский не пришел на то собрание, но писатель-фронтовик нашел мужество признать свою оплошность, вину, покаяться и публично попросить прощения. Это сегодня дорогого стоит. За годы «пост...» ни в одной бывшей республике ни один политик, ни один архитектор нынешних губительных перемен в стране, ни один из них не признал свою вину и не покался.

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Известно, что писатели не только те, кто носит в кармане билет Союза писателей, но и те, кто его не имеет, но чьи книги читают и перечитывают. К ним относится и наш земляк Кузьма Филимонович Белокоп, бывший летчик-штурмовик, Герой Советского Союза...

Наверное, не случайно мне, как журналисту, часто доводилось писать о фронтовиках: сам не воевал — годами не вышел, но войну знаю не понаслышке и каждый фронтовик для меня — родной отец или старший брат.

И потому, когда однажды предстояло встретиться с Героем Советского Союза, бывшим летчиком-штурмовиком Кузьмой Филимоновичем Белокопом, я испытывал понятное волнение. Тем более, что детство мое прошло в военных авиационных городках и мой отец тоже был летчиком.

Как мне сообщили в харьковском издательстве «Прапор», Кузьма Филимонович написал книгу о своих летных делах, но к публикации она пока не годилась, надо было ее хорошенько подправить. Что и предстояло сделать автору этих строк. Довод в издательстве был прост: я, мол, души не чаю в фронтовиках, тем более — в лётчиках.

Договорились встретиться в редакции газеты, где в то время работал и ваш покорный слуга. Помню, первое впечатление от встречи: в комнату заходит рослый, широкоплечий мужчина в кожаной летной куртке. Почти во всю щеку шрам. Как позже я узнал, шрам — не от ранения. Кузьма Филимонович прошел-пролетал всю войну от Борисполя до Берлина и ни разу не был ранен. Быть может, везение, а может и что-то другое. Летал он здорово. Он и его боевой ИЛ-2 были как единый организм. Самолет понимал его с полумысли. Однажды поспорил с друзьями: посажу машину там, где бросите пилотку. И выиграл спор. А шрам боевой летчик обрел уже в мирное время, в автомобильной катастрофе...

Словом, знакомство состоялось. Мы быстро нашли общий язык, работа закипела и, как результат, появилась книга «Суровое небо». Она нашла своего читателя, была несколько раз переиздана. Жаль, что нынешнему читателю она вряд ли попадет в руки — сейчас современников пичкают иной литературой, где герои не Герои с большой буквы, а персонажи настолько сомнительного типа, что и говорить о них не стоит.

С удовольствием приведу хотя бы один эпизод из книги

К.Белоконя. Чтобы знала молодежь, как ковалась Победа.

Во время боев за Севастополь пришел к ним в полк лётчик Трошенков. Казалось бы, умения ему не занимать — в лётном училище был инструктором. Но вот в бою его нервы не выдерживали.

— На выходе из пикирования, — рассказывал Белоконь, — два «мессершмитта» пытаются нас атаковать, но наши истребители заставляют их ретироваться. На третьем заходе с небольшим углом планирования подхожу к земле как можно ближе, ловлю на перекрестке прицела длинную траншею с фашистами. Один за другим выпускаю реактивные снаряды. За мной следуют остальные летчики. А самолет Трошенкова вдруг уходит в сторону от боевого порядка. Сорвался, не выдержал боевого напряжения, заметался беспорядочно, бросая самолет то влево, то вправо, то вверх, то вниз, выскочил из строя и оказался один... Этим воспользовались два немецких истребителя. В мгновение он был атакован и подбит. Трошенков дотянул-таки до своих и выжил. В другой раз из-за его трусости погиб товарищ по эскадрилье.

Сколько комэск Белоконь ни беседовал потом с Трошенковым, тот вел себя в бою по-прежнему. И вот перед вылетом на очередное задание командир эскадрильи принимает крайнее решение. Построив перед вылетом летчиков, объявляет:

— Получен приказ готовиться к повторному вылету на Сапун-гору. Я не раз говорил с Трошенковым. Может, слишком мягко, но я думал, что он поймет... А сейчас приходится принимать самые крайние и жесткие меры. Если младший лейтенант Трошенков бросит свое место в боевом порядке и выскочит вперед — приказываю... приказываю летчикам стрелять по его самолету, отстанет от группы — по Трошенкову открывать огонь!

А лично Трошенкову сказал перед боем:

— Справа пойдешь, рядом со мной. Ставлю единственную задачу: над полем боя делать все то, что буду делать я. И больше ничего. Делай, как я!

На этот раз Трошенков работал замечательно. Он шел рядом с комэском. Уже на обратном пути Белоконь открыл правую форточку и показал ведомому большой палец. В ответ увидел трудно рождавшуюся на лице Трошенкова улыбку...

Так, дорогие мои современники, закалялась сталь, которой и был повержен нацистский фашизм.

Так ковалась Победа...

P.S.

Эти воспоминания — желание напомнить харьковчанам о тех наших писателях-земляках, которые своими ратными и творческими делами внесли посильный вклад в Великую Победу. Сегодня они для нас как свет из прошлого...

Вот имена харьковских писателей-фронтовиков и некоторые их книги о той далекой войне: Иван Багмут «Записки солдата», Василь Бондарь «Маки на дроту», Давид Вишневский «Три ночи», Владимир Добровольский «Трое в серых шинелях», Игорь Муратов «В рубашке рожденный», Василий Самойлов «Штрафная рота», Виталий Холодков «В море людском не тонут», Федор Костромитин «А фронт был рядом»... Поэтические книги командира противотанкового батальона Льва Галкина, артиллериста сатирика Виктора Лагозы, морского пехотинца Бориса Котлярова, по инициативе которого, кстати, названа и одна из площадей нашего города — Площадь поэзии.

Книги живут до тех пор, пока их читают.

Люди — пока о них помнят...

ЖЕСТОКАЯ СТОРОНА ЛИТЕРАТУРЫ

И еще об одном писателе-фронтовике хочется поведать читателю — о Константине Симонове, с которым мне немного посчастливилось пообщаться.

О Великой Отечественной войне много написано книг, снято фильмов, но любой фронтовик согласится, что до сих пор о той войне сказано еще не все, а многое и не совсем так, как было. Настоящую правду не принято было писать.

В советское время вообще многое было под запретом. Например, Боже упаси, было показать плохого учителя, милиционера и тем более — партийного работника. Если ты пишешь документальную прозу, твой опус в обязательном порядке должен просмотреть кто-то в райкоме или обкоме партии, а то и в ЦК КПСС и дать или добро к публикации или наложить запрет — «низ-зя!». Нельзя было писать о голодоморе тридцатых годов, о венгерских и чехословацких событиях шестидесятых годов и о многом-многом другом, что в той или иной мере опускало с пьедестала «руководящую и направляющую» — комму-

нистическую партию Советского Союза.

Помню, в одной из своих документальных книг я поведал, как мать в голодный сорок пятый год бросила на вокзале своих малолетних детей, дочь и сына. А потом через много-много лет они нашли свою непутевую мать и встреча эта была не самой радостной. Редактор, который славился тем, что после него ничего уже не будут вычеркивать, красным карандашом перечеркнул все эти драматические страницы: «низ-зя!..»

Многое было «низ-зя». Однажды я писал очерк «Без боя», а потом повесть о Степане Прасолове, человеке, вернувшемся с войны с обезображенным лицом. До этого я, как и многие читатели, был уже знаком с судьбами людей, которых постигла такая незавидная участь — лишиться своего лица: «Русский характер» Алексея Толстого, «Семья» Константина Тренева, «Просто любовь» Ванды Василевской. Во всех этих произведениях солдатская доля решена одинаково: израненного солдата не сразу, но узнали и приняли всей душой. В жизни же мне довелось видеть иное. Одна девушка, которая любила и ждала солдата, отвернулась от него, когда увидела, что сделала с ним война и вышла замуж за фронтовика с нормальным лицом. Другая девушка, дождавшись своего любимого, сперва вышла за него замуж, а потом ушла к другому, цинично объяснив свой поступок так: «Хлопцев-то не было — вот, дура, и вышла за него замуж...»

Написав повесть «Степан Прасолов», я послал ее Константину Симонову. Такие, мол, произведения, как «Русский характер», «Семья» и «Просто любовь», может быть, и были нужны во время войны и сразу после ее окончания, но что судьба людей, подобных герою моей повести, от этого не становилась легче.

Константин Симонов ответил (потом это письмо было опубликовано в «Известиях» и сочинениях писателя).

Но сначала маленький экскурс в прошлое...

С Константином Михайловичем Симоновым общаться лично мне не довелось. Но на одном из его творческих вечеров быть посчастливилось.

1956 год. Дворец студентов Харьковского политехнического института. Зал, конечно же, переполнен. И вот на трибуне писатель-легенда. Поэт, прозаик, драматург. Фронтовик...

В самом начале встречи Константин Симонов как-то виновато улыбнулся и негромко, мягко грассируя с мягкой, приятной картавинкой в голосе сообщил нам, что зовут его не Кон-

стантин, а Кирилл. И что взял он другое имя, Константин, потому что из тридцати двух букв алфавита одна ему ну никак неподвластна с детства...

Три часа встречи — как одна минута. Вопросы — ответы. Лаконичные, четкие. Меня подмывало желание написать записку, что и я в зале, тот самый молодой автор, повесть которого Вы читали, и я еще раз хочу сказать Вам огромное спасибо, что Вы нашли время прочесть и даже ответить... Но что такое в том переполненном зале какой-то начинающий прозаик... Я не подал о себе знака... И из скромности и из экономии времени встречи с большим художником-фронтовиком, классиком советской литературы.

За три года до встречи во Дворце студентов не стало вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина. Кто-то из зала задал вопрос, который волновал тогда всех, да и сегодня тоже.

— Константин Михайлович, что Вы можете сказать о Сталине?

В зале мигом стало очень тихо. Константин Симонов, человек, который лично встречался с «отцом всех народов» и был, кажется, раз пять лауреатом Сталинских премий, раздумчиво кивнул и также негромко, но четко и внятно произнес, чекая каждое слово:

— Сталин был великий и страшный человек...

По-моему, очень точная была дана оценка. Эти слова крепко запали мне в душу.

Также крепко, как и слова Константина Симонова о литературе, сказанные в письме. В то время на письма отвечали даже очень занятые люди... Вот это письмо.

«Уважаемый Василий Михайлович!

Получил и прочитал Ваши письмо и повесть «Степан Прасолов».

Прочел повесть с интересом. Понравилось мне в ней то, что вся история Наташи и Степана воспринимается как правдивая, и то, что оба они хорошие люди и каждый по-своему прав, и горе каждого из них вызывает сочувствие; хорошо и то, что о многом трудном пишете Вы тактично, сдержанно. Психологически верно дано и поведение Наташи, ее мысли, двойственность ее чувства к Степану, осознание непосильности взятой на себя жертвы — быть женой Степана. Верно дан и весь сложный путь, который прошел Степан, прежде чем решился уйти от Наташи...

Но встает один нравственный вопрос.

Вы сами пишете о «Русском характере», «Просто любви» и других произведениях примерно на эту тему, считая, что такие книги, может быть, и были нужны во время войны и непосредственно после ее окончания, но что судьба людей, подобных Прасолову, от этого не становилась легче.

Мне думается, что вряд ли правильно утверждать, что судьба людей от таких произведений не становилась легче. Нравственное влияние таких произведений было, несомненно, велико и могло в ряде случаев подтолкнуть колеблющееся человеческое сознание к определенным поступкам, которые облегчали судьбы Прасоловых...

Со времени окончания войны прошло двадцать лет. Видимо, в масштабах нашей страны есть сотни тысяч людей, инвалидов войны, жены которых продолжают с ними жить, свыклись с непоправимым несчастьем. Давайте говорить правду. У этой проблемы тоже две стороны. Почему многие и многие жены остались со своими мужьями, искалеченными войной? По глубокой любви? Да, бывало и так. Бывало и по-другому — оставались, исходя из своих нравственных правил, чувства долга, большой человеческой жалости, сострадания.

Но бывало и другое. Не надо забывать и такой вещи, что на войне погибло двадцать миллионов, и это поставило женщин в необычайно трагическое положение, когда перед огромным, подавляющим числом их не было и речи о свободе выбора, если женщина не хотела остаться одна, отказаться от замужества. Об этой стороне дела тоже нельзя забывать.

Вам, мне кажется, следовало бы задуматься о том, как прозвучит та правда, о которой Вы пишете, для этих людей. Ведь самую горькую правду можно и нужно сказать людям, если она может им помочь, если благодаря этой правде они поймут, что и как им надо сделать, что и как изменить в своем поведении в своих взаимоотношениях с людьми, чтобы добиться счастья, любви, найти свое место в жизни.

Я лично не убежден, что сказанная в Вашей повести правда способна оказать такое действие на человеческие отношения. Ваша повесть навела меня на эти мысли.

Подумайте над тем, какое впечатление может произвести чтение повести на людей, подобных Вашим героям. Подумайте, может быть, над тем, чтобы, учитывая эту опасность и предусмотрев ее, Вам как автору что-то сделать в повести.

Конечно, повести пишутся не специально для какой-то оп-

ределенной группы людей, а для широкого читателя, но среди них, естественно, будут и такие люди. Больше того: людям свойственно интересоваться в литературе судьбами, схожим с собственными их судьбами, так что, будь Ваша повесть напечатана, ее особенно пристально будут читать именно люди, подобные герою Вашей повести.

Повторяю, мне кажется, что все это должно заставить Вас, человека видимо, хорошего и душевного, задуматься над этой жестокой стороной литературы. Подумайте над правдой повести в этом аспекте.

2.IV.65 г. К.Симонов

Автор этих строк подумал, конечно.

Но сегодня думается и о другом. Кем был для классика советской литературы какой-то начинающий прозаик из провинции?

Порядочность и благожелательность, чего сегодня так нам... так многим сегодня не хватает.

Люди, которым пришлось с избытком хлебнуть военного лиха, сумели сохранить, пожалуй, очень важное в жизни — человеческое отношение к другим, пусть даже совершенно незнакомым.

Огромное спасибо им и вечная память!

Вадим МОЛОДЫЙ

«Помню, были пятаки и трёшки...»

* * *

Нет ничего тяжелее печали.
Не сомневаюсь – и вы замечали

рукопожатья забывшую руку,
закономерность свиданья – разлуку,

и одиночество улья. И даже
собственной жизни смятение в краже

тела, забытого кем-то в могиле,
воя Акелы по павшим... Не вы ли

шашкой порублены, пулей пробиты,
там – киевляне, а тут – московиты,

здесь – убиенные голодом и холодом,
там..., впрочем, все мы здесь вместе и рядом...

* * *

*Сереее Александровскому
ко дню рождения*

Летят перелетные птицы,
споткнулся жених о порог,

речам бессловесной ослицы
внимает безумный пророк...

Да. Птицы. И в дальние страны.
А нам-то зачем и куда?

Мы сами рабы и тираны,
такой вот расклад, господа...

* * *

Решительное лязганье замка
и скрип ключа. Стоящий за воротами

старик... Он не меняется. Века
проносятся. В какой-то пошлой драме

любовь и кровь, и розы, и мороз,
и тайна карт, открытая старухе,

и Святость, воплотившаяся в Духе –
Отечеству незаданный вопрос...

* * *

Иллюзия жизни, иллюзия смерти.
Так вы мне не верите? Что же, не верьте.

Не ждите награды, не требуйте кары,
ныряйте в парашу, ложитесь на нары,

спускайтесь в подвалы, вставайте у стенки,
снимайте с несвежего варева пенки,

живите без веры, любви и надежды,
плотнее сомкнув неподъемные вежды...

* * *

«Давый пищу мне плоть
Твоею волею, огонь сый
и опаляяй недостойныя».

св. Симеон Метафраст

Терпи, огонь сый, да сим огнем возможно
ты тамошнего сможешь избежать...

Не то чтоб безнадежно, но тревожно,
когда остудит душу благодать,

пытаться усмирить свою гордыню,
закапав по?том узкую тропу

оставить город и бежать в пустыню,
пронзая телом сонную толпу...

* * *

Что в Касталии – игра, в истории – зверь.
О. Комков

Before the game is afoot, thou still let'st slip.
Shakespeare.

King Henry IV

The game is afoot. Поднимается зверь.
Веков и минут отворяется дверь.

Четвертому Генриху Пятый не рад.
Не хочет садовник возделывать сад.

Не хочет бродяга на месте осесть.
А что Азенкур? Бесполезная месть.

Где Генрих? Где Жанна? Дофин-негодяй...
История. Странно. Гадай не гадай...

* * *

Так что же лучше: знать или не знать?
Высовываться или затаиться?

А у престола дергается знать,
пытаясь переделать хари в лица...

.....

Слепой старик считает корабли,
трава забвенья уступает тёрну,

и выкидыш уродливый земли
ползет по загнивающему дерну...

ТЕБЕ

...А твоя голова у меня на плече,
паучок на стене – болтовня о ткаче,

что сплетает узор, неподкупен и строг,
не пуская незваную смерть на порог.

Материнской утробой извергнут вовне,
я пытаюсь забыть о грехе и вине.

Я извергнут вовне. Ну и что же с того?
Аз пребуду с тобою до сна твоего...

* * *

Помню, было: пустота сомненья,
жалкая бесплодность ворожбы

и одно застывшее мгновенье
в сломанной симметрии судьбы...

Помню, были пятаки и трешки,
Я... Себя... За прошлое вина...

Девочки мои, мои матрешки
исподлобья смотрят на меня...

* * *

Е.Г. Водолазкину

Вступить на путь, но не постигнуть цель,
отвергнуть жизнь, бредя навстречу тлению...

Подобие неровня повторенью.
Великой стужи спутница – метель,

смеясь над неопрятностью души,
её покроет снегом, нет – лавиной.

Земную жизнь пройдя, за половиной
я понял – не проси и не греши...

.....

...и не жалей о том, что не сбылось,
и не моли о том, что невозможно...
Я понимаю – это очень сложно,
но положишься на русское «авось»...

Когда причина смерти только жизнь,
не стоит призывать на помощь волю
и я ничтоже вопреки глаголю:
«Вонзи в мя жало и отравой брызнь».

Так, запертый во времени, вины
не отрицая, я молю в затертых
словах Тебя... Вполне возможно, сны...

Моя Душа... Мой Ангел... Нет цены...
Чужую боль постичь до глубины
и не губить живых во имя мертвых...

* * *

Так это Ты? Ни правда, ни обман,
ни водной глади сумрачный туман,

ни миг, ни час, ни день, ни даже год,
ни смерть, ни жизнь не потревожат вод,

в которых отражается мой путь
как в зеркале. Смотрю. Вдыхаю ртуть.

И робко подношу тебе цветы.
Моя вдова. Моя невеста. Ты...

* * *

Вечно ль будет, в миг свой обычный,
День светать? Земного власть вечна ль?
И должна ль под суетой случайной
Никнуть Ночи вещая печаль?

Вяч. Иванов

Но мир, разрушенный в предметы,
вызывал внезапную муку...

Андрей Назаров

Мир, разрушенный в предметы,
уходящая тоска

и незванные ответы
на вопросы. Как хрупка

эта робкая надежда
на всеведение богов...

Нет доспехов – есть одежда,
жалкий стол, убогий кров,

отвратительность познания
и невежества тщета,

и загадка мироздания:
я не тот, и ты не та...

Ты вечна, а я не вечен –
переменчивость теней.

Ты серьезна. Я – беспечен...
Пастушок в толпе свиней...

* * *

О, Боже, погаси мои глаза,
задуй костер души моей и тела...

А ты посмела, как всегда посмела,
желанью воспротивиться. Да, за

границей никому не нужных слов,
границей текста и границей смысла,

границей чаш весов и коромысла
Фемиды, боль на части расколов...

* * *

...так друзей и врагов собирается стая,
забываются распри, сбывается сон,

и вздыхая, меня провожает святая
на костер погребальный. Но может быть он

угасает под тяжестью мертвого тела,
а под телом живым возгорается, а?

А с ветвей омертвевших листва облетела,
и хохочет на плахе моя голова...

* * *

Мне снится сон. А сон ли, право слово?
В толпе лишенных памяти богов,

я не спеша бреду во тьме бывшего
тропой не мной оплаченных долгов,

тропой не мной отброшенных сомнений,
тропой не мной искупленной вины...

.....

тропой тепла Твоих прикосновений
тропой Твоей печальной тишины...

* * *

Вполне возможно, ты не поняла,
что не бывает ни добра, ни зла,

что свет и тень, что суша и вода
не смогут разделиться никогда.

Храбрец и трус, предатель и герой
неразделимы Небом и судьбой.

Неразделимы. Ну, так что с того?
Мы изменить не можем ничего...

* * *

Мне что-то тяжелое снится,
гремят в голове Голоса,
и перья испуганной Птицы
в зубах разъяренного Пса.

Клыками, покрытыми пеной,
порвав непристойный уют...

.....

За то, что блудил с Мельпоменой,
Спасение мне подают...

* * *

Жнец новостей и сеятель судьбы,
изгнанием из памяти гордясь,

считает не надгробья, а гробы,
сплетая слов бессмысленную вязь...

Так моего безумства лоскуты
в который раз... The time is out of... и?

на черных крыльях грозной красоты,
холодный Храм, застывший на крови...

* * *

В неподвижности унылой
бьётся ужас бытия.

Избавления постылой
жизни. Впрочем, ты и я,

я и ты. Точнее – вместе.
Степь. Равнина. Окоём.

И спешит жених к невесте...
Я и Ты. И Мы. Вдвоём...

* * *

Я слишком устал, чтобы думать и ждать.
Ни мать, ни отец... Нет – отец или мать.

Эдип и Электра. Электра, Эдип,
хозяина голос – смешной логотип.
Смешная дорога, смешная судьба.
Царица – невеста, супруга, раба.

Отчаянья стон. То ли явь, то ли сон.
Ни Он, ни Она. Нет – Она или Он...

* * *

Прошу меня простить, но мне пора
туда, где нет ни времени, ни места,
туда, где ждет меня моя невеста,
не помнящая завтра и вчера...

Где только настоящее из всех
времен глагольных может воплотиться,
где журавлём мерещится синица
и ворон мой выклевывает грех...

Анатолий ДОЛГАРЕВ

ЗЕМНОЙ РАЙ *

МОЯ РОДИНА — СЕЛО ЛОМНОЕ

История села Ломное, расположенного в двух километрах на Север от реки Ворсклы, начинается со второй половины семнадцатого века. Долгие годы Ворскла была пограничной рекой, преграждая путь татарам, совершавшим набеги на территорию России с целью грабежа русских людей. Когда Богдан Хмельницкий провозгласил на Переяславской Раде свой клич «Навіки разом!», и граница России отодвинулась от Ворсклы на юг, где появились городки Чугуев и Харьков, русский царь решил расформировать пограничный пост, стоявший на вершине Лысой (Пробойной) горы, а пограничников приказал демобилизовать и отправить по домам. До наших дней дошли слухи, что для отправки демобилизованных пограничников, царь выделил какие-то средства Мартину Ведице, руководившему пограничным постом, а ему за хорошую службу царь подарил земли в урочище Ломенская колодезь, расположенного в трех километрах от Хотмыжска. Мартин Ведица распорядился по-своему и деньгами и урочищем. Деньги, выделенные на демобилизацию и отправку пограничников до Москвы, он забрал, якобы, себе, а землю в урочище, подаренную царем, он отдал демобилизованным пограничникам под постройку им жилья, чтобы не тратить деньги на их отправку на родину. Пограничники, служившие на Лысой горе, были родом из разных губерний России. Например, известно, что братья Долгаревы были призваны на государственную службу из Ярославской области, где расположена деревня «Долгарёво», другие были родом из областей, окружавших Москву. Среди первых поселенцев урочища до нашего времени дошли некоторые имена и фамилии бывших пограничников: Долгаревых: Ивана, Матвея и Самойла; Исаева Ивана, Черкашина Лукьяна, Ушакова Алексея, Шевелева Ивана, Бруевых: Григория и Кирея; Шмаковых: Григория и Федора; Ферафоновых: Митрофана и Ивана. Большинство этих фамилий сохранились в Ломном и до наших дней.

Борисовский краевед Тимофей Рязанов написал в районной газете «Призыв», что в 1692 году в Ломном было 15 служилых людей, а всего же было 90 душ обоего пола. Свою деревню в честь Мартина Ведицы жители назва-

* Главы из книги, выход которой запланирован в 2017 году

ли «Ведилина». Уже к концу восемнадцатого века в Ведилине проживало 225 жителей обоего пола. Люди старшего поколения рассказывали, что в восемнадцатом веке в деревне Ведилина появились братья Сопины. В те времена Ворскла была судоходной рекой, по которой бурлаки таскали свои баржи. Одна баржа развалилась напротив деревни Ведилина, и её хозяева Сопины направились в видневшуюся в километре от Ворсклы деревушку, где и прижились, добавив в состав жителей ещё одну фамилию.

Только перед Первой Мировой войной мой родной прадед по маминой линии Григорий Иванович Исаев, который был старостой деревни, решил поменять статус деревни на статус села. Для этого он в 1908 году построил церковь, в которой и сегодня служит службу отец Дмитрий, ученик моего отца Долгарева Василия Павловича, который в начале 50-х годов был директором в 21-й семилетней школе в селе Головчино. Перед Великой Отечественной войной церковь в Ломном была закрыта властями и не работала до оккупации села немцами. Захватив село, немцы разрешили работать в селе церкви. Наш дедушка Сопин Иван Иванович поехал на своей лошади в Харьков и с помощью бабушкиного племянника Исаева Данила Сергеевича, жившего на Сортировке, разыскал священника и доставил с его матушкой в Ломное на постоянное место жительства. После этого церковь уже никогда не прекращала работу в этом селе.

В отличие маминых родственников, которые были единоличниками, папин отец Долгарев Павел Михайлович был первым председателем сельского совета в селе Ломное. Несмотря на разное социальное положение с Сопиным Иваном Ивановичем, дедушка Павел очень дружил с дедушкой Ваней, так как оба они были уважаемыми людьми в своём селе. Дедушка Ваня даже являлся крестным отцом папиного родного брата – дяди Вовы, то есть наши дедушки ещё были и кумовьями.

Лучшим другом моего дедушки Вани был Афанасий Емельянович Сопин. Когда я уже студентом ХПИ приезжал провести своих дедушек и бабушек в Ломном, то часто меня останавливал сидящий на лавочке у своего дома Афанасий Емельянович и спрашивал об одном и том же. Его каждый раз интересовал один единственный вопрос: помню ли я историю, которая случилась в 1948 году, когда мне было всего два года. Историю эту я совсем не помнил, и Афанасий Емельянович каждый раз повторял мне её содержание, которое заключалось в том, что они с моим дедом в тридцатиградусный мороз собрались по распоряжению своих жен идти в лес за дровами. В лес им идти не хотелось, и они всегда искали повод обойтись без похода за дровами. В тот раз моя бабушка Настя стирала белье в корыте, а два друга якобы собирались идти в лес по дрова. Афанасий Емельянович был человеком, очень способным на всякие выдумки. Он подозвал меня к себе и попросил бросить дедовы вязаные из пряжи рукавицы в корыто, чтобы бабушка их постирала. Я мгновенно выполнил просьбу Афанасия Емельяновича, и

поход за дровами сразу же был отменен, так как в лесу без рукавиц в лютый мороз делать было нечего.

Через пару лет мой дедушка ослеп, а я, когда немного подрос, стал у него поводырем. Иногда мне приходилось водить дедушку из Ломного в Головичино и обратно. Но чаще всего наш маршрут был к Афанасию Емельяновичу, дети которого были известными в стране людьми и иногда наезжали проводить своего отца в Ломном. Уже позднее я выяснил, что Афанасий Емельянович был нашим родственником. С внуком деда Афоньки, Долгаревым Николаем Ильичём, мы дружим и поныне, проживая в 100 километрах от нашей с ним Родины. Николай Ильич стал известным фотокорреспондентом в городе Харькове и всю свою трудовую жизнь посвятил заводу «Коммунар», потому и является членом федерации космонавтики, которую создал космонавт Н.Н. Рукавишников. Много сведений об истории нашего села я получил от Николая Ильича Долгарева и Павла Даниловича Исаева, своего троюродного брата, родившегося и жившего в Харькове на Сортировке.

Жившего в Ломном папиного брата, дядю Вову отличало безграничное радушие и гостеприимство. Я привозил к нему охотиться своих друзей из Харькова А.В. Раюшкина, В.А. Лозового, В.М. Авершина, В.А. Болдырева, А.Г. Клеву, В.Т. Панарина, Н.Н. Близнюка и других своих соратников. Все, кто с ним знакомился, восхищались его врожденной мудростью и необычайным складом ума. На каждую мысль у него имелась какая-либо прибаутка. Однажды в наш приезд к нему с моими товарищами, мои попутчики начали критиковать Сталина за его превышение своей власти, предполагая, что это может понравиться дяде Вове. Но Владимир Павлович выслушал их и рассказал один из случаев, произошедших в Ломном перед самой войной.

«Однажды к нам в село приехали КаГеБисты, чтобы арестовать Ивана за распространение каких-то сплетен с политическим подтекстом. Для этого они собрали сход, где на спиленных дубах, валявшихся в бурьянах, сидели ломенцы, а приезжие сидели втроем за столом, покрытым красной сатиновой скатертью. Один, из сидевших за столом, в своем выступлении бранил Ивана за распространение сплетен о советской власти. Сосед Ивана, сидевший с ним на дубах, шепнул ему, что после собрания его арестуют. Иван тихонько свалился за дубы и уполз в находившийся неподалеку огород, где росли подсолнухи, кукуруза и другие растения. Таким образом, ему удалось сбежать. Когда приезжие наговорились, они позвали к столу Ивана, которого уже и след простыл. Никто из односельчан не обмолвился ни словом о том, что видели его уползающим с собрания. Тогда КаГеБисты, обшарили все места и, не найдя Ивана, взяли сидевшего в первом ряду Романа, связали ему руки и со словами: «Не поедем же мы в город без арестованного», — завели машину и уехали. «Так при чем же здесь Сталин?» — спросил дядя Вова, и всем стало ясно, что не только Сталин был виновен в имевших мес-

то репрессиях. Да и что можно было ожидать от власти рабочих и крестьян, подавляющее число которых были абсолютно неграмотными людьми. Поэтому Карл Маркс и считал, что социалистическая революция могла победить только в наиболее развитых странах. В России долгое время умалчивался тот факт, что социалистическая революция пришла на смену буржуазно-демократической уже через полгода, не выполнив никаких задач, возлагавшихся на неё историей. Все это породило много трагических событий, имевшим место в управлении страной. Атмосфера подобного беззакония усугублялась субъективными чертами характера Сталина, который принес как пользу России, так и вред, уничтожая невинных людей.

Когда-то в детстве мой младший брат Юра спросил у бабушки Насти, пережившей несколько войн: «В какое, прожитое тобой время, власть была самой плохой?». На что бабушка ему ответила: «Самым плохим временем было то, когда власти вообще не было».

В нашем селе Ломное родился и свой поэт, которым был Михаил Николаевич Сопин. Отец Михаила устроился на работу в Харькове на танковый завод испытателем танков, но он рано, в начале 30-х годов умер. Будущий поэт воспитывался в основном в нашем селе у бабушки. После войны он попал в какую-то нехорошую компанию, что закончилось тюрьмой. После освобождения он показал свои стихи Вадиму Кожевникову и тот способствовал тому, чтобы Сопин М.Н. стал членом Союза писателей России. Его приняли в писательскую организацию в Вологде, в областной организации которой состоял и Василий Белов. Жена Михаила Николаевича бывала в Грайвороне, Белгороде, а в Ломном встречалась с нашим дядей Вовой. Она много сделала, чтобы о ломненском поэте, её муже, узнала вся Россия, о чем мне рассказали в Союзе писателей России. ...

За сто шагов до поворота,
Где Ворскла делает дугу,
Далекой осенью
Пехота
С землей
Смешалась на бегу.
И стала тихой и свободной,
Уйдя в прилужья и поля
Сырой земли
С преградой водной
У деревеньки Тополя.
Подбило память серой льдиной.
Здесь не хозяин я, не гость.
За все-про все земли родимой,
Моей земли досталась горсть.

Сегодня многое изменилось не только в облике белгородских сел и городов, но и в составе населения области. В Грайворонском районе живет много переселенцев из разных регионов бывшего СССР. Сегодня грайворонцы тепло приняли людей, бежавших от войны на Востоке Украины. Много стало возвращаться и тех, кто когда-то по разным обстоятельствам покинул свою малую Родину, как, например, наш младший брат Долгарев Георгий Васильевич. Доработав до пенсии и отработав еще целый год, наш Юра в 2014 году уехал из Донецка в Козинку, за пару месяцев до начала гибридной неразберихи. Юра отремонтировал родительский дом и поселился в нём со своей женой Людмилой, оформив там себе временное проживание.

Однажды мы с депутатом Харьковского областного совета, проректором нашего университета Александром Георгиевичем Романовским побывали на встрече с председателем Белгородской областной думы Кулабуховым Иваном Николаевичем и руководителем Белгородской торгово-промышленной палаты Скругом Валерием Степановичем. Они нам посоветовали посетить Грайворонский район, который в тот день отмечал годовщину своего освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Мне идея очень понравилась, потому что как раз в тот же день должны были вручаться моему отцу знаки присвоения ему звания «Почетный гражданин Грайворонского района». По дороге в Грайворон я решил Александру Георгиевичу показать санаторий «Красиво». После посещения санатория Александр Георгиевич поведал мне, что ему приходилось бывать не только в отечественных, но и в зарубежных санаториях, но то, что он увидел в санатории «Красиво», его очень приятно удивило. Увидев практически новый санаторий, мне ещё больше захотелось возродить и свое село Ломное.

КАК ПРОДЛИЛИ ЖИЗНЬ СЕЛУ ЛОМНОЕ

В конце же 80-х годов ситуация в Ломном была совсем удручающей, так как людей в селе почти не осталось. Самым «молодым» жителем села был отцов брат, которому уже было за шестьдесят. Когда я в самом конце 80-х годов зашел в нашу церковь, построенную моим прадедом Григорием Ивановичем Исаевым, где венчалась одна молодая пара, то был поражен увиденным. На венчании, кроме жениха и невесты, вообще не было молодежи. Около десятка родственников из других сел прибыли в нашу церковь. Когда мне было всего пять – шесть лет, и бабушка меня иногда водила в церковь, то там тогда не было места, где яблоку упасть, а потом село стало потихоньку вымирать. Я заметил, что в селе, в котором в летние месяцы по улицам носились толпы детворы, вообще не было видно людей. Вернувшись из полупустой церкви, я с болью в сердце рассказал об этом своему дяде Долгареву В.П., который поведал мне много такого, что окончательно меня рас-

строило, заставило задуматься о спасении села.

Присутствуя однажды на заседании правления колхоза «40 лет Октября», которым руководил его председатель Г.И. Кузьменко, дядя Вова услышал о том, что наше родное село вымирает и является не перспективным для своего развития. Кроме того, в своем выступлении на правлении председатель внес предложение о строительстве трех домов усадебного типа в селе Ивановская Лисица и двух – в селе Казачья Лисица, якобы для молодых специалистов. Мой дядя вскочил со своего места и спросил: «А почему не планируется постройка домов в селе Ломное?». На что председатель колхоза важно заявил, что село Ломное является не перспективным, и нет смысла в нём строить новые дома. «И я теперь все больше соглашаюсь с нашим председателем, — продолжал дядя свой рассказ. — Приезжают из Белгорода или Харькова горожане и покупают наши хатки за бесценок и пользуются ими летом, как дачами. А в селе уже закрыли школу, не работает медпункт и почта, скоро закроют и магазин. В полях и на ферме уже некому работать. Поля поросли бурьянами». Горько мне было слышать этот рассказ своего дядюшки, и я думал, что же можно сделать, чтобы не стерлось название нашего села с карты России. Ведь еще в 60-70 годы в Ломном работала школа, в которой были прекрасные учителя. После таких бесед со своим дядей, я постоянно думал о том, как мне спасти родное село.

Когда я искал людей, которые захотели бы постоянно жить в Ломном, мои поиски долгое время оставались безуспешными, пока я не встретился со своим старым другом по ХПИ Виктором Ивановичем Подолякой, в тот период работавшим заместителем начальника объединения «Запсибэлектросетьстрой». С Виктором Ивановичем мы учились на одном курсе и на соседних факультетах: он – на электромашиностроительном, а я на электроэнергетическом. Когда после окончания института, я стал работать на кафедре «Электрические станции», там был собран сильнейший научно-педагогический коллектив. При этом учебно-вспомогательный персонал кафедры вел разболтанный образ жизни: инженеры и лаборанты опаздывали на работу, во время работы занимались своими личными делами, вечно ссорились – от чего страдала эффективность проводимых кафедрой научных исследований. В тот период радиотехнический факультет ХПИ был передан институту радиоэлектроники. Из нашего президиума профкома ХПИ перешел в институт радиоэлектроники ещё, будучи студентом, наш хороший товарищ Толик Еськов, распределившийся после окончания института в город Элисту. Но многие патриоты, каким-то образом связавшие свою судьбу с нашим институтом, не хотели покидать ХПИ. Среди них был: Виктор Иванович Подоляка, который заведовал на радиотехническом факультете лабораторией кафедры у профессора Кашеева Б.Л., а также выпускник этой же кафедры, вернувшийся из армии со значком «Мастер», капитан Иванов Станислав Николаевич и другие. Я предложил своему заведующему кафедрой побесе-

довать с Виктором Ивановичем на предмет работы заведующим лабораторией нашей кафедры «Электрические станции» и, когда тот согласился, я пригласил к нему Подоляку В.И. Так Виктор Иванович и стал заведовать лабораторией нашей кафедры. За пару месяцев он сделал чуть ли не образцовой нашу кафедру, за что Лев Лазаревич Рожанский не мог нарадоваться новым завлабом. С.Н. Иванова взял работать к себе на кафедру «Промышленной электроники» Виктор Тимофеевич Долбня, которому я представил Станислава Николаевича как талантливого специалиста по радиотехнике.

Через двадцать лет, в 1991 году я впервые привез В.И. Подоляку на свою родину и показал ему село Ломное. Я знал, что в своем районе я смогу добиться разрешения на указанное строительство, что продлит существование Ломного на карте России. Как только мы пересекли Ворсклу, Виктор Иванович воскликнул: «Так это же Швейцария!»

«Да нет, Виктор Иванович, – возразил я ему. – Таких красот, которые есть в России, не найти ни в одной стране мира, а не то, что в Швейцарии. Недаром в этом районе есть даже хутор с названием «Земной рай». Виктору Мвановичу понравился наш район и потому, что родом из села Смородино Грайворонского района был еще один его друг Егор Семенович Миськов. Егор Семенович, как и Подоляка В. И., до возвращения на родную землю успел поработать в Сибири руководителем одного из тюменских райисполкомов.

9 октября 1992 года мне позвонил из Белгорода начальник мехколонны главка «Запсибэлектросетьстрой» Михаил Яковлевич Скалин, которому было поручено вместе с заместителем начальника главка Виктором Ивановичем Ищенко принять окончательное решение: строить или не строить поселок для сургутчан в селе Ломное. Я посоветовался с женой и Валя рекомендовала поехать в Козинку и заодно проведать её маму, так как в Козинке в этот день был престольный праздник Иоанна Богослова. На каком-то поезде, а тогда они ходили через Харьков и Белгород каждый час, я приехал на Белгородский вокзал, где меня встретили Скалин М.Я и Ищенко В.И. и мы поехали в Ломное. В доме председателя Ивано-Лисичанского сельского совета Николая Васильевича Шматко, моего козинского одноклассника, Михаилом Яковлевичем Скалиным и Виктором Ивановичем Ищенко в моём присутствии был одобрен выбор их коллеги Виктора Ивановича Подоляки и принято решение о строительстве в Ломном улицы Сургутской. Таким образом, в день празднования Иоанна Богослова и было принято окончательное коллегиальное решение о строительстве целого микрорайона для переселенцев из Сургута, работавших ранее в объединении «Запсибэлектросетьстрой» в далекой Тюменской области. После принятия окончательного решения, М.Я. Скалин и В.И. Ищенко довезли меня в Козинку и поехали на своей машине в Харьков, а я остался праздновать у своей тещи Пелагеи Владимировны.

Организовав в Ломном строительный участок во главе с Алексеем Яков-

левичем Скалиным, сургутчане стали искать специалистов по строительству жилья. Алексей Яковлевич оказался очень талантливым организатором и отличался не только профессиональными знаниями, но и обладал высокими нравственными, человеческими качествами, поэтому мне очень хотелось бескорыстно помогать ему во всех вопросах строительства новой улицы. Чтобы найти каменщиков, сварщиков и специалистов других профессий, Михаил Яковлевич Скалин прибыл ко мне в Харьков. Обзвонив безрезультатно своих знакомых строителей, с которыми мне довелось строить дома в Бородянке и на Вильче, я попросил своего двоюродного брата Владимира Ивановича Попова сколотить бригаду из харьковчан и начать строительство коттеджей в Ломном. У брата уже был опыт такого рода, который он приобрел в строительном молодежном кооперативе «Союз», когда зарабатывал себе квартиру. Много обязанностей на стройке взвалил на себя и ушедший на пенсию мой дядя Михаил Павлович Долгарев, работавший много лет на Харьковском домостроительном комбинате. Михаил Павлович умел качественно выполнять любые виды работ – от столярных до электросварки. Благодаря строительству домов для тюменцев, в Ломное пришел газ для всех жителей села. Вскоре в селе все улицы были заасфальтированы, а к моему дяде Долгареву В.П., ветерану Великой Отечественной войны не только провели газ и построили дорогу с асфальтовым покрытием, но и провели воду прямо в дом. Статус ветерана Великой Отечественной войны дядя Вова получил потому, что с 1943 года он был в Грайворонской команде «ястребков», участвовавшей в разминировании территории района. Старшим инструктором по подготовке этой команды был Евгений Иванович Кальницкий, долгие годы после войны возглавлявший наш колхоз «Дружба». Непосредственным командиром этой команды был Сердюк Андрей Федорович, о котором часто вспоминал после войны дядя Вова.

Возродить родное село, вероятно, мне помог сам Господь Бог. Ведь неслучайно именно здесь когда-то мой родной прадед построил церковь, которая и наполнила село и его жителей Святым Духом, спасшим село от ликвидации.

Отведением земли под строительство улицы Сургутской мне помогал бывший мамин ученик Пашков Алексей Иванович, возглавлявший в тот период колхоз «40 лет Октября», его заместитель Горягин Игорь Александрович, а главную скрипку в этом деле сыграл председатель сельсовета, мой одноклассник Николай Васильевич Шматко.

В начале 90-х годов моя бабушка Даша начала болеть и все реже стала вставать с постели. Рядом с ней всегда находилась её преданная дочь, наша тетя Клава. Почти каждую неделю я проводывал свою бабушку, спасавшую меня в 1947 году от голода, при этом, каждый раз я бывал на стройке у сургутчан, помогая им решать вопросы, связанные со строительством. Когда бабушке Даше было уже под 90 лет, она всегда меня провожала на трас-

су, для чего ей нужно было спускаться с очень высокой горы, где стояла её изба. Я упрашивал её не провожать меня, но бабушка и слышать не хотела, при этом говорила: «Да я, внучек, ещё такая, что и в церковь могу сбегать». А это, значит, что нужно было подняться на гору, в два раза выше той, где она жила. Бабушка умерла в 98 лет, и мы с доченькой Леной и моим папой были на её похоронах.

Общаясь в 2012 году с заместителем председателя Ивано-Лисичанского сельского совета, Натальей Ивановной Шевелевой, я узнал, что благодаря моей «затее» с сургутчанами, наше село сегодня стало самым перспективным в своем развитии в их муниципальном сельском поселении.

Однажды мы с В.А. Болдыревым, Народным артистом Украины решили из Белгорода проехать на мою родину. По пути мне захотелось показать украинскому артисту «наш» санаторий «Красиво», который сильно понравился А.Г. Романовскому. Свернув с трассы Белгород — Сумы, мы подъехали к санаторию, и нам разрешили зайти на его территорию. Владимир Александрович, как и все харьковчане, которые до этого побывали в санатории, был потрясен увиденной красотой этого учреждения, расположенного на самом берегу Ворсклы. Не только отремонтированные корпуса, но и все клумбы, газоны, беседки радовали наше воображение. Вдруг нам встретилась одна скромно одетая женщина и поинтересовалась, кого мы ищем. Я сказал, что Народный артист Украины Владимир Александрович Болдырев хотел бы познакомиться с директором санатория Черкашиной Галиной Дмитриевной. Она сказала нам, что она и есть Черкашина и спросила, обращаясь ко мне: «А кто Вы будете сами?» «Я простой уроженец этих мест и привез друга показать красоту нашей природы. Лично я сам из себя ничего и никого не представляю», ответил я Черкашиной Г.Д. На что Галина Дмитриевна отреагировала следующим образом: «Может быть, что Вы для себя ничего и не представляете, но для меня Вы представляете одного очень уважаемого мной человека. Этот человек — Долгарев Василий Павлович, который был одним из лучших директоров школ во всем Борисовском районе. А Вы сейчас находитесь в том возрасте, в котором я его знала, и стали очень похожими на своего отца. Мне кажется, что Вы его сын. Когда мы с Аней Долгодуш работали учителями в Ломенской школе, Вы приезжали к своей бабашке Сопиной Анастасии Григорьевне, рядом с которой мы жили с Аней, а Ваша бабушка помогала нам устраивать свой быт и заботилась о нас, как за своими детьми».

Вот так мы познакомились с директором санатория, и я понял, какие прекрасные в Ломном работали учителя, которых, к сожалению, теперь там нет, потому что в селе, в котором мне довелось родиться, школа уже больше 20 лет вообще не работает.

В.А. Болдыреву так понравились наши живописные места, что ему захотелось ещё раз побывать на моей родине. Мы с ним и его сестрой Надей

ездили к моей жене — Зине в село «Крутой лог», потом посетили Козинку, а самое увлекательное путешествие было у нас тогда, когда мы ездили к дяде Вове. От него мы поехали в село «Дорогощ», где жила моя учительница по литературе Валентина Васильевна Иванченко. Володя спел ей «Душечку», от голоса которого Валентина Васильевна пришла в неописуемый восторг. Из Дорогощи мы поехали в Почаево, где попали на праздник урожая, который проводил бывший тогда председатель колхоза Александр Иванович Головин. Там я впервые познакомился с Виктором Александровичем Кононенко, родственники которого работали вместе со мной в одной из харьковских организаций. Когда Володя Болдырев спел свои песни на праздничном приеме в Почаево, то в помещении, в котором проходил прием, от его голоса зазвенели стекла. Мы с Болдыревым побывали и на рыбалке на озере, которое находится внизу под улицей Сургутской. Там Володя и увидел улицу, на которой жили переселенцы из Тюменской области. Он поинтересовался, откуда взялась здесь такая улица с таким живописным озером. Я поведал ему историю возникновения этой улицы, и Володя мне потом сказал: «Ты, Васильевич, даже не представляешь какой славный след ты оставишь после себя, благодаря этой построенной улице. Какое великое дело ты сделал для своего села». Мне было приятно, что мой друг так высоко оценил мой скромный вклад в продление жизни моему родному селу.

В городе Мариуполе Донецкой области до возникновения трагических событий на Востоке Украины жила семейная пара наших одногруппников по учебе в Харьковском политехническом институте. Так случилось, что в студенческие годы я жил с Раюшкиным Анатолием в одной студенческой комнате общежития «Гигант», а его будущая жена Надя жила в одной комнате с моей будущей женой Валечкой Борисенко. После окончания нами ХПИ с этой семьей мы встречаемся на протяжении всей своей жизни. Однажды Анатолий приехал в Харьков и сообщил мне, что, не смотря на то, что он уроженец Донецкой области, в третьем туре президентских выборов он голосовал за Виктора Андреевича Ющенко. Заметив мой удивленный взгляд, он пояснил, что Виктор Андреевич хочет повести Украину в Европу, а Виктор Федорович, его земляк, тянет страну в Россию, в которой он, кроме бурьянов никогда и ничего хорошего не видел. Я сразу же посадил его в свою девятку и через два часа мы были уже в России. Когда Анатолий увидел, какие прекрасные дороги построили у себя белгородцы, а также новую улицу Сургутскую в моем родном селе, то он воскликнул: «Так зачем же им идти в Европу? Они сами на своей Родине построили себе Европу!» Он увидел в Грайворонском районе прекрасные цветники, аккуратно подстриженные газоны, обустроенные парки, тротуары, озера и все остальное, после чего был ошарашен всем увиденным. Весь обратный путь он восхищался моими земляками, создавшими на белгородщине себе свой Земной Рай.

ДВОРЕЦ И ЕГО ЛЮДИ

Много страниц в моей книге жизни занимает Дворец студентов ХПИ, поэтому о работе в нем мне хочется рассказать подробнее. Как только мы с Вале́й сдали вступительные экзамены по математике, то сразу были зачислены на первый курс инженерно-педагогического факультета. После сдачи вступительных экзаменов комитет комсомола всех успешно сдавших вступительные экзамены мужчин — медалистов распределил на разного рода работы по благоустройству территорий института и общежитий. Мне вместе с Володей Трипольским выпало трудиться на благоустройстве площади перед Дворцом студентов. Так как мне не дали места в общежитии, я поселился на «уголке» со студентом из 35-й группы Димой Качко. Первого сентября мы двинулись с Димой на первую лекцию. По дороге в институт я увидел на доске объявлений Дворца студентов объявление о наборе первокурсников в коллективы художественной самодеятельности. Кто-то из студентов, читавших объявление, сказал, что тем, кто будет ходить в институтский хор, дают общежитие. Мне эта новость очень понравилась, и, узнав, когда занимается хор, я пошел на прослушивание.

Хором руководил талантливейший хормейстер, заведующий кафедрой хорового искусства института культуры Вадим Юльевич Бриллиант. Тогда я ещё не знал, какое огромное значение будет иметь в моей судьбе занятия в художественной самодеятельности Дворца. Прослушав нескольких студентов, Вадим Юльевич сразу предложил мне и Леше Журавлеву посещать хор и мужской вокальный ансамбль. Я спросил у него, нельзя ли походатайствовать о предоставлении мне места в общежитии, на что он сразу же положительно отреагировал и попросил старосту хора написать письмо от имени директора Дворца студентов, которое он подписал у директора Александра Аркадьевича Чудновского. Буквально через несколько дней я поселился в общежитии «Гигант» на пятом этаже шестой секции в комнате 434. Напротив меня в комнате 432 поселился Гриша Бубырь из группы Э-25, который и до сих пор возглавляет в Харькове трест «Промстрой-2». На том же этаже, в 4-й секции поселилась и Валечка, и нам было удобно вместе готовиться к занятиям в читальном зале шестой секции общежития «Гигант».

Директор Дворца А.А. Чудновский до этого работал директором Дворца культуры Харьковского электромеханического завода, откуда вместе с ним пришло много талантливых сотрудников и руководителей коллективов художественной самодеятельности. Другая часть руководителей были выпускниками ХПИ и вместе с другими коллегами создавали во дворце необычайную творческую атмосферу, как мне казалось, пропитавшую своим духом все репетиционные комнаты Дворца. В хоре на репетициях В.Ю. Бриллиант всегда сам пел партии, предназначенные солистам и мы, как завороченные

слушали и восхищались его красивым голосом. Иногда он приглашал солистов из состава студентов консерватории и своей кафедры. На институтских вечерах песню «Родина» композитора С. Туликова запевал Миша Козидубов, мой Белгородский земляк, и это выглядело вполне профессионально.

Участвуя в художественной самодеятельности Дворца студентов, я встретил там своих талантливых земляков, покоровших меня своими вокальными способностями. Это были Боря Таран, студент механико-металлургического факультета и Володя Абрамов, студент факультета автоматики и приборостроения. Володя оказался моим земляком, так как был родом из Грайворона. Так случилось, что всех нас четверых оставили после института работать на своих кафедрах. Боря Таран кроме своей преподавательской работы был ещё и заместителем председателя студенческого профкома, который возглавлял в те годы Саша Пономарев. За участие в художественной самодеятельности в институте был ещё оставлен аспирантом кафедры экономики ещё один мой земляк Ю.Д. Костин, который стал профессором в институте радиотехники.

Бориса Петровича Тарана сменил на этом посту Леша Журавлев, который стал работать заместителем у Вити Лозового, а затем Лешу заменил я в 1970-м году. Володя Абрамов, окончив факультет автоматики и приборостроения, много лет преподавал на своей же кафедре.

В те годы во Дворце работали А.И. Литвинов, М.В. Рябин, Аркадий Инин, Владимир Фокин, Гаррий Черняховский, создававшие ту самую творческую атмосферу, которая «засасывала» и все годы не выпускала нас из своих объятий. Среди участников самодеятельности были уникальные люди, такие как Эдик Заика, Виталий Дудник, Юра Костин, Славик Иванов и много-много других талантливых студентов. Участники самодеятельности, в числе которых я пребывал почти все свои студенческие годы, имели право посещать все мероприятия, проходившие во Дворце, что способствовало формированию и развитию у них общей и художественной культуры. Мне, благодаря участию в художественной самодеятельности удалось побывать на встрече с Константином Симоновым, Вольфом Мессингом, майором Гавриловым, а также на всякого рода концертах областной филармонии, которая арендовала большой зал Дворца для выступлений приезжавших из других городов СССР артистов. Первый коллектив, на который мы попали с Валечкой в городе Харькове, был Кубинский мюзик-холл, затем мы были на концертах хоровой капеллы «Думка» с Беллой Руденко, артистов Большого театра Вячеслава Гордеева и Надежды Павловой и многих других мастеров искусств.

В ноябре 1971 года случилась непредвиденная ситуация, в результате которой Дворец студентов остался без директора. Мне было дано партийное поручение возглавить Дворец, и я стал директором в свои 25 лет. В те времена Дворец студентам был единственным крупнейшим культурным учреждением, расположенным в самом центре города. Во Дворце был зрительный зал

с балконом, в котором было тогда 1036 мест для зрителей, а также шикарный танцевальный зал и большой выставочный зал. Во Дворце располагался филиал институтской библиотеки, городской интерклуб, областная комсомольская школа, хоровой и танцевальный классы для репетиций, много комнат для работы кружков художественной самодеятельности и лекционный зал, в котором работали театр чтеца и драматический театр. Зрительные залы Дворца культуры областной милиции, Дома учителя и Дома актера были намного меньше нашего Дворца, а ДК работников связи находился на реконструкции, а после ремонта был передан театру Пушкина, здание которого сгорело от возникшего пожара.

За день перед моим первым выходом на работу во Дворец, к нам с Валей в комнату общежития «Гигант» зашел Иван Эрнестович Раздовский, который был нашим деканом. Выслушав о моем «горе» он дал мне единственный совет, чтобы я научился руководить всеми происходившими во Дворце процессами, из своего кабинета. Во Дворце мне его совет почти так и не пригодился, зато позже, работая на других руководящих постах, я всегда помнил ценный совет моего декана.

Такой резкий поворот в моей судьбе никак не входил в мои планы. Но мне пришлось согласиться по многим причинам с таким назначением. Во-первых, тогда коммунистов, окончивших технические вузы, почти всех забирали к себе на работу органы госбезопасности, некоторых сотрудников этих органов я после поездки в Венгрию начал просто презирать. И чтобы не попасть в ряды этой компании я согласился возглавить Дворец, о работе которого знал очень многое, так как почти все годы сам принимал участие в художественной самодеятельности Дворца, а также в подготовке многих проводимых там мероприятий. Второй причиной было то, что мы с Валей жили в общежитии в аспирантской комнате, из которой меня могли выселить, так как в студенческих общежитиях запрещалось жить сотрудникам вузов, а директору Дворца могли пойти навстречу и разрешить проживание.

В 70-е годы прошлого столетия в Украине было всего два Дворца студентов. В городе Днепропетровске был городской студенческий дворец, а у нас в городе Дворец студентов был собственностью Харьковского политехнического института. В нашем дворце было три основных направления деятельности – это приобщение студентов к самостоятельному художественному творчеству, организация культурно массовой работы, а также организация досуга при помощи кино-концертной деятельности, танцевальных вечеров и других мероприятий. Дополнением ко всем заботам было также хозяйственное обеспечение всей жизнедеятельности дворца, начиная с отопления и уборки помещений и заканчивая изготовлением костюмов и декораций, как для коллективов самодеятельности, так и художественного оформления разного рода тематических вечеров и праздников. Для того, чтобы обслуживать помещения Дворца нужны были завхоз, кладовщики, столяр, художники

и другие хозяйственные специалисты. Для их оплаты Дворец должен был зарабатывать себе деньги на их содержание.

Первым, кому я предоставил в аренду помещения Дворца, оказался Харьковский институт неврологии и психиатрии. В начале декабря 1971 года ко мне в кабинет зашёл опрятно одетый, культурный мужчина, и сообщил мне, что он, как и я, назначен всего неделю назад на должность директора, только я Дворца студентов, а его, профессора из Прибалтики — назначили директором Харьковского НИИ неврологии и психиатрии. «Поэтому Вы не можете мне отказать, как новый директор новому директору», — резюмировал мне профессор Пишель Ярослав Вячеславович. Несмотря на большую занятость помещений Дворца перед новогодними праздниками, я предоставил помещения для проведения съезда невропатологов и психиатров Украины.

У меня в кабинете стоял динамик, по которому я мог слышать трансляцию того, что происходило в актовом зале. С приветствием к делегатам съезда выступил председатель Республиканского общества невропатологов и психиатров профессор Дмитрий Иванович Панченко. В своем выступлении он отметил один очень интересный факт, который остался у меня в памяти на всю жизнь. Дмитрий Иванович сообщил делегатам съезда о том, что именно Харьковский институт неврологии и психиатрии ещё в начале 30-х годов принял к себе на работу известных московских психологов А.Н. Леонтьева, Лурия А.Р., Запорожца А.В., Божович Л.И. и даже самого Л.С. Выготского. Эти, уже тогда известные в стране психологи, продемонстрировали в Украине не только глубокие психологические знания, но и умения оказывать помощь врачам — психиатрам лечить больных людей без медикаментов. Мое внимание к этому сообщению было приковано потому, что наш отец, когда был директором головчинской семилетней школы, вынужден отменить преподавание психологии, так как руководство страны не видело необходимости в изучении школьниками этой дисциплины. Он был возмущен этим и рассказывал маме, что в его родном Харьковском педагогическом институте, ещё в 1933 году А.Н. Леонтьевым была создана первая в Украине кафедра психологии.

Только в 1966 году подобного рода кафедру создал Петр Иванович Зинченко в Харьковском государственном университете имени А.М. Горького. И только в 2000-м году кафедра психологии была создана в нашем политехническом университете и не психологом, а человеком, который всю жизнь занимался в Харькове строительством, но который больше многих других понимал значение психологии для будущих инженеров. Им оказался Александр Георгиевич Романовский, на кафедре которого я работаю и по сей день.

Немаловажное значение имела подготовка Дворца к проведению разного рода Всесоюзных и республиканских совещаний по проблемам высшей школы. Министр высшего и среднего специального образования СССР Вячеслав Петрович Елютин, Министры высшего образования Украины Юрий Ни-

колаевич Даденков и Георгий Георгиевич Ефименко ежегодно участвовали в подобных совещаниях. Эти совещания, слушателем которых мне доводилось быть, расширяли и мои познания в совершенствовании подготовки студентов, в государственном строительстве, в политической и экономической жизни государства. Когда заведующим отделом науки и учебных заведений стал Владимир Антонович Ивашко, то он стал регулярно, раз в месяц проводить во Дворце совещания с руководителями проектных и научных институтов, ректорами вузов и директорами техникумов и другими категориями, связанными с руководимой им отраслью. Иногда я приглашал Владимира Антоновича на встречи с режиссерами и актерами, выступавшими в нашем Дворце. Однажды утром по дороге в институт, я встретил по улице Пушкинской В.А. Ивашко, который остановился и поздоровался со мной. Я же спросил, понравилась ли ему встреча с Народным артистом СССР Анатолием Дмитриевичем Папановым. И как же огорчился, когда Владимир Антонович сказал, что он хотел услышать от А.Д. Папанова совсем другое, так как Папанов интересовал Владимира Антоновича как актер, а его мировоззренческие позиции Ивашко совсем не интересовали потому, что у него имеются свои собственные взгляды на жизнь. Мне часто приходилось общаться с этим человеком, который потом стал руководителем Украины. Трудно представить, каким образом развивались бы политические и хозяйственные процессы на Украине, если бы Горбачев не забрал к себе своим заместителем Генерального секретаря ЦК КПСС В.А. Ивашко, которого депутаты Украинского Парламента незадолго до этого избрали Председателем Верховного Совета УССР. Сегодня многие думают, что Горбачев, зная ситуацию в Украине, умышленно делал всё, чтобы Советский Союз досрочно прекратил своё существование.

Хорошим подспорьем для моего развития были также еженедельные совещания, которые проводил первый секретарь райкома партии М.С. Побегайло, который до райкома был начальником одного из отделов Харьковско-го Совнархоза. Будучи первым секретарем Киевского райкома партии, он проводил совещания с руководителями предприятий района, так как в здании райкома партии, расположенном тогда на улице Дарвина, в зале было всего сто мест.

Семинары и совещания, проводившиеся в нашем Дворце, стали для меня прекрасной школой для понимания многих сторон жизни, и процессов, происходящих в нашем обществе. Мне довелось часто общаться с многими ведущими учеными города Харькова, выступавшими на политических семинарах.

Самым трудным делом для нас, сотрудников Дворца студентов всегда было создание хороших коллективов художественной самодеятельности. На первый взгляд, казалось, что отобрать в творческие самодеятельные коллективы из 12 тысяч студентов дневного отделения, учившихся тогда в ХПИ, ничего сложного собой не представляло. Но главная трудность заключалась

не в простом отборе участников художественной самодеятельности, а в поиске настоящих талантливых людей, способных своим творчеством привлекать в стены Дворца всех своих однокурсников. В те годы почти ежегодно в нашем городе проводились смотры самодеятельного художественного творчества. У политехников всю жизнь было соперничество с нашим Харьковским государственным университетом имени А.М. Горького. До моего прихода политехники всегда опережали университет. Но так случилось, что пока меня назначали директором, а это длилось около полугода, многие руководители ушли работать в другие вузы и Дворцы культуры нашего города. Из 25 руководителей во дворце студентов осталось только 8 человек: З. Довжанская, М. Рябин, В. Лобас, В. Палкин, В. Стрелецкий, В. Демченко, В. Чепеленко и Ю. Правдюк. Особым украинским колоритом отличался наш ансамбль бандуристок, руководимый Виктором Ивановичем Лобасом, а старостой в нем была Алла Сиренко, ставшая затем женой моего нынешнего друга Володи Авершина. Чтобы сохранить этот национальный коллектив – наше главное богатство, мы старались создать его участникам самые лучшие условия для репетиций. Ежегодно мы отправляли бандуристок отдыхать во время летних каникул в наши прекрасные спортивно-оздоровительные лагеря, расположенные в городе Алуште и в урочище Фигуровка, расположенное под Чугуевом. Вместе с Аллой Сиренко в ансамбле бандуристок занималась и Вера Кардопольцева, которая вышла замуж за студента из Алжира, которого звали Али Надий. Всю свою жизнь семьи Надия и Авершина дружат, ежегодно посещая друг друга в разных странах.

Ещё одним «важным» коллективом для института был духовой оркестр, который обеспечивал музыкальное сопровождение проведения многих институтских торжеств. С духовым оркестром коллектив института ходил на городские праздничные демонстрации. Мы дорожили каждым участником этого оркестра, дирижером которого был Витольд Вацлавович Стрелецкий. Когда старосту оркестра Витю Кириченко, студента радиофака, чуть не отчислили из института за неуспеваемость по математике, я пошел к доценту Синчуку Юрию Федоровичу и тот так проникся значением этого коллектива для института, что поставил Вите «государственную» оценку.

Уже через месяц после моего назначения на работу в ДС ко мне пришел руководитель хорового коллектива В.С. Палкин, у которого я тоже был студентом в хоре после В.Ю. Бриллианта, и сказал, что в связи с большой нагрузкой на основной работе, он больше не может руководить у нас хором. Вместо себя он привел во Дворец Народного артиста Таджикской ССР Николая Семеновича Киевского, который тоже по каким-то причинам был вскоре вынужден от нас уйти. Как потом оказалось, Вячеслава Сергеевича пригласил Юридический институт на кафедру философии доцентом кафедры, основной задачей которого было создание и руководство мужским хоровым коллективом.

Беседуя однажды с бывшим ректором Харьковского юридического института Василием Филипповичем Масловым, я спросил у него, почему человек числится доцентом кафедры, а руководит хором, на что Василий Филиппович мне сказал: «Дело в том, что ваш Дворец студентов ставит перед собой задачу занять студентов в их свободное время интересным творческим делом. У нас же в институте готовят прокуроров, которым предстоит решать людские судьбы. За каждого осужденного человека государственные обвинители могут получать какие-то поощрения. Поэтому каждый из них будет стремиться, как можно больше обвинить людей, привлекая их к уголовной ответственности. Но для нас важно, чтобы, привлекая людей, совершивших преступление, в суде всегда и во всем присутствовала справедливость, чтобы обвинялись только настоящие преступники, и, не дай бог привлечь к уголовной ответственности ни в чем невинного человека. А для этого нам нужно не просто обучать студентов знанию разных юридических кодексов, а главное — сделать все возможное, чтобы сформировать у будущих прокуроров такое сознание, которое не затмевалось бы стремлением к получению каких-то почестей любой ценой. Нам необходимо заниматься формированием ещё в стенах вуза у студентов такой человечности и нравственности, которая не позволила бы в предстоящей деятельности в погоне за славой лишиться чувства сострадания к человеку. Нельзя допускать обвинений ни в чем не повинных людей. Приобщение наших студентов к высокому искусству вместе с изучением общественных дисциплин и помогает нам формировать у студентов ту самую доброту, без которой они не смогут честно выполнять свой долг перед народом, надев на себя прокурорские погоны. Для этой главной цели, которая заключается в очеловечивании человека, я готов идти на любые финансовые отступления, лишь бы готовить не только профессионалов, но и высоко нравственных, чутких и внимательных специалистов».

Это общение с В.Ф. Масловым помогла мне определить не только стратегию деятельности Дворца студентов ХПИ, но и сформировать стратегию своей жизни на все последующие годы. Может быть, именно поэтому после семи лет моей работы директором Дворца студентов, я пошел работать в социологическую лабораторию проблем воспитания студентов, которую в 1977 году создал по поручению ректора ХПИ В.А. Лозовой. Работая во Дворце студентов, я понял, что выпускнику технического вуза не меньше, чем выпускникам других вузов, важно обладать высокой духовностью и культурой, помогающей честно и справедливо относиться к людям и к своему профессиональному долгу.

В 1972 году облсовпроф проводил областной смотр самодеятельных коллективов, на который мы почти никого не выставили. После смотра М.В. Рябин, руководивший танцевальным коллективом, решил отправиться на гастроли, чтобы заработать себе пенсию профессионального танцовщика. Уход

В.С. Палкина, М.В. Рябина и некоторых других руководителей был большой потерей для Дворца. Но, на фоне этих потерь были и первые удачи. Театр рук пришёл возглавить выпускник нашего института Яков Семенович Черняк, театр силуэт – Юрий Леонтьевич Фриман, камерный оркестр – Семен Петрович Штейман, женский вокальный ансамбль «Ли́ра» — Инна Георгиевна Носова.

Когда в 1969 году студентом я был на Целине, студенческий целинный отряд совхоза «Убаганский» направил меня участвовать в концерте художественной самодеятельности студенческих строительных отрядов в городе Кустанае, то я там я впервые познакомился с Павлом Поповым, студентом факультета автоматики и приборостроения. Павел Попов буквально поразил меня своим талантом, и поэтому, когда стал директором, то первое, что я сделал — назначил его на должность художественного руководителя Дворца, когда он был еще студентом 6-го курса. Но когда П.В. Попов окончил институт, его сразу же призвали на два года служить офицером в армию. Около года обязанности хударука исполнял Анатолий Леушканов, которого затем взяли на работу артистом театра имени А.С. Пушкина. Отслужив два года в армии, Павел Попов пошел работать на кафедру общей электротехник, где работали наши бывшие участники самодеятельных коллективов Евгений Фокин, Юрий Давтян, Мэри Пагель и др. Я сразу же назначил Павлика руководителем театра студенческих миниатюр, который был основой проведения многих культурно-массовых мероприятий. Павел Васильевич всегда объединял вокруг себя талантливых людей: Борю Гунина, Юру Фримана, Яшу Черняка, Сашу Затуловского, Юру Ивницкого Женю Григорьева и многих других.

В тот период родился во Дворце и прославленный в будущем вокально-инструментальный ансамбль «Солярис», который создал талантливейший выпускник инженерно-физического факультета Николай Павлович Волчуков, ставший затем доктором технических наук и профессором нашего института. С Н.П. Волчуковым в ансамбле пели и играли талантливейшие ребята: Юра Волченко, Валера Ашиков, Толя Мороз, Петя Пивоварский, Саша Автов, Толя Бобров, и другие ребята. Проходя мимо общежития инженерно-физического факультета, располагавшегося в здании малого красного корпуса (МКК) я слышал однажды вечером прекрасную музыку, под которую студенты танцевали в фойе своего общежития. Когда я зашел в вестибюль общежития, я увидел Колю Волчукова, который лихо исполнял популярные в тот период песни. Я подошел к нему и попросил на следующий день зайти во Дворец, чтобы из его ансамбля факультетского уровня создать вокально-инструментальный ансамбль, соответствующий уровню коллективов Дворца студентов.

Придя ко мне в кабинет, Коля Волчуков рассказал, что для ансамбля, соответствующего уровню Дворца студентов, нужна соответствующая импор-

тная аппаратура с микрофонами, усилителями и колонками. На следующий день я с Верой Васильевной Овчаровой поехал к Всеволоду Ивановичу МIRONЮКУ на республиканскую торговую базу культтоваров, находившуюся в Харькове на Суздальских рядах, и приобрел там немецкую усилительную аппаратуру «Регент». Коля со своими ребятами уже через неделю выполнил мою просьбу и выступил впервые на областном смотре-конкурсе.

Название «Солярис» появилось у ансамбля после появления на экране нашего Дворца фильма Андрея Тарковского фильма «Солярис», который привез во Дворец сам Андрей Тарковский. Премьера этого фильма с участием прославленного режиссера состоялась у нас во Дворце, благодаря нашим преподавателям А.И. Грабченко, Т.И. Шведовой и другим сотрудникам института, пригласившим А.А. Тарковского в наш Дворец. Во Дворце были и другие ансамбли: «Меридиан», которым руководил Леша Воинов, «Орион» — Вадим Самородов, ныне заведующий кафедрой «Автомобилей и тракторов» в нашем институте, и другие.

Уже в 1973 году во Дворец студентов пришли руководители наших основных массовых коллективов. В хоре перед приходом А.П. Петросяна работала Наталья Владимировна Шабатура, затем Ольга Николаевна Коломиец. Иногда на помощь моим хормейстерам приходил выдающийся хормейстер Украины, которым являлся Юрий Иванович Кулик. Ю.И. Кулик был председателем областного музыкально-хорового общества, с которым мы очень тесно сотрудничали. Когда же хор возглавил Александр Петрович Петросян, переехавший в Харьков из Донецкой области, то коллектив сразу стабилизировался и вскоре получил звание «Народного».

Оставшись после войны круглым сиротой, Александр Петрович однажды совершенно случайно познакомился с преподавательницей Харьковского музыкального училища. Эта преподавательница услышала его голос, когда он пел на улице, зарабатывая себе на кусок хлеба. С помощью этой удивительной женщины он и стал учиться в Харьковском музучилище. После окончания училища он служил в армии, и там он создал солдатский хор, с которым победил на фестивале самодеятельного творчества в военном округе. Отслужив в армии, он поступил в Харьковский институт искусств, после чего и был направлен на работу в город Краматорск, где руководил хоровыми коллективами управления железной дороги и Ново-Краматорского машиностроительного завода, директором которого был в то время Виталий Андреевич Масол.

Став со своим хором лауреатом Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, А.П. Петросян был удостоен высокого звания «Заслуженный деятель искусств Украины». Затем он работал главным хормейстером государственного ансамбля песни и пляски «Шахтер», а позднее был преподавателем в Таганрогском музыкально-педагогическом институте, откуда и приехал в свой родной город Харьков. Его верным другом и помощником в организационной работе с хором была жена Лидия Петровна Петросян, кото-

рая уже в годы независимости Украины стала директором Дворца студентов. Александр Петрович был хормейстером от Бога.

Однажды мы с Валею пришли в центр города. Ей нужно было пойти в какой-то магазин, а мне необходимо было побывать на выступлении хора ХПИ в институте искусств. С трудом уговорив её зайти в консерваторию, мы вместе пришли на этот концерт. Когда запел хор, то его великолепное звучание до глубины души зачаровало мою жену. А когда хор исполнил «Советскую Армению», то даже я, который сто раз слышал выступление этого хора, был потрясен качеством звучания этого музыкального произведения, не говоря уже о Валечке, которая с тех пор старалась посещать каждое выступление хора.

Вторым огромнейшим событием для нас стал приход во Дворец студентов изумительной четы: Галины Саитовны Закировой и Наума Захаровича Вольфсон. Эти супруги нашли друг друга во время Великой Отечественной войны в одном из ташкентских госпиталей, где лечился Наум Захарович, а Галина Саитовна работала там медсестрой. После войны эта уже супружеская пара приехала в город Харьков. Наум Захарович был назначен художественным руководителем Дома культуры работников пищевой промышленности, а Галина Саитовна руководила в нем ансамблем танца «Веснянка». Из этого коллектива вышли многие известные в Харькове руководители танцевальных коллективов: П. Межебовский, братья Портновы, М. Пономаренко и другие. После работы в ДК пищевиков Галину Саитовну, ставшую к тому времени заслуженной артисткой Украины, пригласили руководить танцевальным ансамблем машиностроительного завода в городе Сумы. Создав там народный ансамбль танца, она с мужем вернулась в Харьков и стала работать в Доме художественной самодеятельности профсоюзов методистом отдела хореографии, где мы впервые встретились с ней в 1972 году. Благодаря Г.М. Глущенко, который был в то время проректором в институте, мне удалось сделать все возможное, чтобы Галина Саитовна вместе с Наумом Захаровичем смогли работать в нашем Дворце студентов. Я не только старался создать все условия для работы этого ансамбля танца «Украина», но даже помогал вовлекать туда наших студентов, которые когда-либо пробовали себя в хореографии. Однажды я встретил возле общежития Олю Кормилицину, по походке которой было видно, что она уже пробовала где-то танцевать. Моё предложение посещать танцевальный коллектив она вначале восприняла, как попытку молодого человека познакомиться с ней таким образом. Спустя сорок лет она вспоминала этот эпизод, весело рассказывая ветеранам танцевального ансамбля, каким образом она попала к Г.С. Закировой. Танцевальный коллектив под руководством Г.С. Закировой уже через два года стал народным ансамблем народного танца «Украина». В 1977 году этот ансамбль получил большую золотую медаль на студенческом смотре-конкурсе, который проходил в киевском Дворце культуры «Украина». Луч-

шими солистами этого ансамбля были Виталий Гапон, Витя Ващенко, Толя Кравцов, Виталий Безверхий, Володя Кобзарь, Оля Багрова, Галя Голоденко, Люба Петрова, братья Леша и Саша Петровы и многие другие, которые отлично учились в институте, а некоторые из них успели во время учебы создать во дворцесвой семьи.

Замечательным событием для всего нашего института стало появление во Дворце заслуженной артистки Украины Валентины Михайловны Сухаревой. Валентина Михайловна до прихода во Дворец студентов была ведущей актрисой Харьковского академического русского драматического театра имени А.С. Пушкина. Перед этим она училась в Харьковском театральном институте, в котором была комсоргом ЦК ВЛКСМ и членом ЦК ЛКСМУ. Первым секретарем ЦК комсомола Украины в тот период был В.Е. Семичастный, ставший впоследствии руководителем КГБ СССР. Во время Великой Отечественной войны Валентина Михайловна работала вначале медсестрой в военном госпитале, а позднее партизанила в Черкасской области, о чем однажды написал в своем очерке, опубликованном в газете «Ліки України» замечательный наш журналист В.Н. Русиновский. Однажды на территории института мы с Валентиной Михайловной встретили нашего легендарного профессора Леонида Лаврентьевича Нестеренко. Он несказанно обрадовался встрече с нами и признался, что все годы являлся поклонником таланта В.М. Сухаревой. Леонид Лаврентьевич рассказал нам, что его отец был красным командиром и сильно дружил со знаменитым режиссером Всеволодом Мейерхольдом, который предлагал тогда отцу Леонида Лаврентьевичу отдать Леню к нему в театр, но отец сказал, что театр – это место только для одаренных людей, а мы, Нестеренки, обычные простые люди. Оказалось, что Л.Л. Нестеренко оказался не таким и простым человеком, потому что стал ученым с мировым именем в области производства различных видов топлива. Однажды на Международном симпозиуме ученых по вопросам твердого топлива американцы устроили Леониду Лаврентьевичу провокационную встречу с Александром Федоровичем Керенским, за что потом Нестеренко пришлось написать очень много всяких объяснительных. Но у Леонида Лаврентьевича в те годы был настолько высоким авторитет в среде ученых города, у всех сотрудников топливно-энергетического комплекса страны, что от него быстро отстали.

Валентине Михайловне активно помогал её муж Владимир Давыдович Розен, бывший ведущий артист театра имени А.С. Пушкина. До Харьковского театра имени А.С. Пушкина Владимир Давыдович работал в Магнитогорском драматическом театре вместе с Леонидом Броневым, Леонидом Зайденбергом и другими популярными актерами театра и кино в нашей стране.

Когда Валентина Михайловна ушла на преподавательскую работу в институт культуры, к нам пришел на работу художественным руководителем из ДК ХЭМЗ Борис Григорьевич Гунин. Борис Григорьевич обладал прекрасным дикторским, просто левитановским голосом. Мама Б.Г. Гунина прошла

всю войну, обеспечивая телефонную связь нашим войскам во время Великой Отечественной войны. Во Дворце он создал студенческий театр «Публицист».

Вместе с Борисом Григорьевичем мы организовывали выезды наших коллективов за пределы Харькова. Особенно памятной была поездка в Белгород, где во Дворце культуры завода «Энергомаш», выступали ансамбль танца «Украина» и вокально-инструментальный ансамбль «Солярис». Так как в Белгороде работало много выпускников ХПИ, то они быстро разрекламировали наш приезд, и во Дворец культуры завода «Энергомаш» попасть было практически невозможно, так как он был забит белгородцами до отказа. В наш Дворец также приезжали самодеятельные коллективы из других республик Советского Союза, особенно запомнился приезд к нам студенческого хора из Каунасского политехнического института.

Во время каникул наши студенческие концертные бригады выезжали выступать перед моряками Черноморского флота, пограничниками Средне-Азиатского военного округа, перед строителями Байкало-Амурской магистрали, а также в студенческих строительных отрядах Целины, Магаданской, Тюменской и Харьковской областей.

Так получилось, что все три супружеские пары руководителей и стали главной опорой всей художественной самодеятельности ХПИ. Владимир Николаевич Русиновский сменил во Дворце Вячеслава Анатольевича Секретного, возглавлявшего до него фотостудию. Перед этим Владимир Николаевич работал фотокорреспондентом в Агенстве печати новости (АПН), а ещё раньше во Дворце студентов, куда его привел с собой из ДК ХЭМЗа А.А. Чудновский. Отец Владимира Николаевича погиб в первый год войны под Ленинградом, когда Володе тогда было немногим больше года.

Для воспитания студенческой молодежи руководители с такими биографиями были особенно значимыми. Самым главным достоинством их являлось то, что они были не только честными и порядочными людьми, но и величайшими профессионалами в своём деле. Их необыкновенный талант, мировоззрение, высочайший уровень культуры и ответственность создали во Дворце атмосферу такого творчества, которая способствовала формированию высокой культуры не только у участников художественной самодеятельности, но и у тех студентов, которые с удовольствием посещали концерты институтских коллективов и другие мероприятия Дворца студентов.

Ежегодно директор Дворца студентов должен был отчитываться на заседаниях партийного комитета института. На одном из заседаний член парткома, ректор Михаил Федорович Семко после моего отчета спросил: «Когда же наступит тот момент, когда не только на приезжих гастролеров, но и на концерты наших самодеятельных коллективов трудно будет попасть во Дворец студентов?» На что я ответил Михаилу Федоровичу: «Если Вы сегодня без моей помощи попадете на концерт нашего ансамбля «Солярис», то завтра

ра можете меня уволить с работы». Я никогда не думал, что ректор придет к нам на концерт, но в самый разгар концерта мне в зал зашла наша дежурная Елена Лаврентьевна и сказала, что ректор с секретарем парткома находятся в общежитии большого белого корпуса «ББК», расположенном напротив Дворца и не могут попасть к нам в помещение. Я быстро выбежал на улицу и увидел, что перед Дворцом было больше студентов, чем в зрительном зале, которые танцевали под музыку, которая лилась из выведенных на улицу динамиков. Когда я привел руководителей института в зал, то они с удовольствием остались дослушать концерт до конца. После выступления «Солыриса», я спросил у ректора, понравился ли ему концерт нашего ансамбля. Михаил Фёдорович сказал, что концерт очень понравился, но для его восприятия музыка звучала очень громко.

У театра рук концертмейстером был талантливейший пианист, выпускник нашего института Валерий Ягуп, доктор технических наук, создававший музыку для этого уникального театра. Сам же бывший руководитель этого театра Я.С. Черняк долгое время потом работал заместителем председателя Сургутского горисполкома и все интересные праздники, которые раньше проводились в этом городе, сургутчане до сих пор связывают с его именем. В последние годы Яков Семенович возглавляет Сургутскую филармонию.

Дворец студентов в 70-е годы приобрел такую огромную популярность у жителей города, что мы уже не могли без помощи работников милиции справиться с народом, который рвался попасть на проводимые во Дворце мероприятия. У нас была своя дружина (ДНД), которой руководил В.И. Подоляка, но часто нам помогали наводить порядок сотрудники Киевского райотдела милиции: А.И. Малахов, А.И. Божко, М.Ф. Краснопольский, Ю.Ф. Пуцаев, В.М. Цюрток, а также мне часто помогали решать многие вопросы полковники милиции А.А. Сенников и А.С. Снурников.

Однажды, когда во Дворце студентов была встреча с Михаилом Ивановичем Ножкиным, в моем кабинете находился Анатолий Дубицкий, который со студенческой скамьи нашего факультета был призван на работу в милицию. Так как в кабинете был динамик, по которому было слышно все, что происходило в большом зале, мы с Анатолием услышали какой то громкий треск. Мы сразу же поняли, в чем была проблема и через минуту оказались на чердаке помещения ДС. Оказавшийся там юноша проник на чердак по пожарной лестнице и смотрел в зал через светильник, расположенный под потолком. Нечаянно наступив на армированное железом стекло, этот юноша раздавил ногой это стекло, кусок которого с десятиметровой высоты упал в зал. Мы задержали того юношу и привели в мой кабинет. Уже через пару минут у меня в кабинете появился зритель, которому на спине этим стеклом было пробито ратиновое пальто. Хозяин пальто потребовал, чтобы я уплатил ему 300 рублей за испорченное пальто. Анатолий Дубицкий сообщил пострадавшему зрителю, что пойман виновник, который обязан пострадавшему оп-

латить стоимость испорченного пальто. После этого инцидента я понял, какая огромная ответственность лежит на руководителе любого учреждения: ведь, что было бы со мной, если бы не только было пробито пальто, а, не дай Бог, стекло бы попало в голову нашему зрителю. Об этом страшно подумать даже сегодня, спустя много лет после этого происшествия. Может быть, поэтому позже я никогда не рвался в руководители разного рода учреждений. Но позднее жизнь заставляла меня руководить предприятиями «Харьковтегводоресурсы», в состав которого входило Печенежское водохранилище с объемом воды в 350 миллионов кубов. В 1986 году пришлось осуществлять партийное руководство строительством села «Жовтневое» в Бородянском районе Киевской области для лиц, эвакуированных из зоны Чернобыльской АЭС, а когда попал к Петросову В.А., то даже руководил торговой фирмой совместного предприятия «СП Прогресс – Ассошиэйн».

Тесное сотрудничество нашего Дворца установилось с бывшим заместителем декана инженерно-физического факультета ХПИ Анатолием Николаевичем Подгорным, который в период моей работы во Дворце, возглавлял в Харькове институт Проблем машиностроения, в котором в свое время работал Академик Проскура Георгий Федорович. Анатолий Николаевич дружил с бывшим мэром города Харькова Юрием Андреевичем Гуровым, и они часто вдвоем приходили во Дворец на встречи с известными учеными, актерами, режиссерами и другими видными деятелями того времени.

Многие выпускники нашего института стали известными в бывшем СССР людьми в области промышленности, государственного строительства, но некоторые из них пошли и в профессиональное искусство. Среди таких людей особенно хочется вспомнить Почетного гражданина города Харькова Владимира Петровича Фокина, бывшего руководителя театра «Силуэт», выступавшего в 1967 году в Кремлевском Дворце съездов перед участниками совещания братских коммунистических партий, где руководимый им театр представлял свой спектакль «Луна». Став известным кинорежиссером, Владимир Фокин создал много интересных фильмов, в частности, ему принадлежит создание таких шедевров, как «ТАСС уполномочен заявить», «Сыщик» и др. Выпускник нашего института, а ныне знаменитый писатель Аркадий Инин, в те времена, когда я ещё сам участвовал в художественной самодеятельности, руководил театром студенческих миниатюр; помощник главного режиссера театра имени Вахтангова М.А. Ульянова — Гарий Черняховский был в те годы художественным руководителем Дворца студентов. Во Дворце студентов работала и народная киностудия ХПИ, которую долгие годы возглавлял Аркадий Михайлович Фаустов, создавший множество интересных кино- и телефильмов о нашем институте и его выпускниках. Им был создан фильм о легендарном танке Великой Отечественной войны «Т-34», производившемся на заводе имени Малышева, который назывался «Эта славная тридцатьчетверка», а также фильм «Всем миром» о стро-

ителей села «Жовтневое» в Бородянском районе Киевской области для жителей, эвакуированных из зоны Чернобыльской АЭС и много других кинофильмов.

Без коллективов художественной самодеятельности, Дворец студентов не смог бы проводить разного рода интересные мероприятия для студентов, сотрудников и преподавателей ХПИ. Благодаря руководителям коллективов и участникам художественной самодеятельности, наш Дворец стал одним из лучших студенческих учреждений культуры всего бывшего Советского Союза.

Первым праздником для поступивших в институт студентов был и остается «Посвящение в студенты». Этот праздник проводился по инициативе комитета комсомола, который возглавлял в те годы В.Б. Клепиков. Впервые праздник «Посвящение в студенты» был проведен в год моего поступления в институт, т.е. в 1965 году, и оставил огромное впечатление не только у нас, первокурсников, но и многих жителей города. Особенно запомнилось всем нам факельное шествие студентов на площадь имени Ф.Э. Дзержинского (ныне – площадь Свободы). Там первокурсники давали клятву хорошо учиться, чтобы стать полезными своему народу, получив высшее образование в стенах ХПИ. В ритуал посвящения входило зажжение ректором чаши знаний под звуки аккордов Первого концерта П.И. Чайковского и множество других эмоциональных элементов. Первого сентября для первокурсников читалась первая лекция. Эти лекции читали, как правило, первые секретари обкома партии Г.И. Ващенко, И.З. Соколов, В.П. Мысниченко, А.К. Мялица. Ко дню рождения комсомола, 29 октября каждого года во дворце проводились Вечера трудовой славы. На этих вечерах объявлялись итоги соревнования студенческих строительных отрядов. Комитет комсомола института направлял студентов, успешно сдавших экзамены за тот или иной курс и свободных от учебно-производственной практики, в летнее время работать в составе студенческих строительных отрядов. Первый отряд в Харькове был сформирован и отправлен на Целину и его командиром был Владимир Борисович Клепиков, возглавляющий сегодня одну из кафедр, являясь доктором технических наук и профессором. Среди командиров — целинников студенческих отрядов были замечательные наши студенты Григорий Легезин, Валерий Добровольский, Николай Мигур, Николай Набока, Виктор Ставицкий, Леонид Рябко и многие другие.

Кроме целинных студенческих отрядов институт посылал отряды на строительство линии электропередач «ЛЕП – 500» в районах Тюменской области, на строительство жилых домов в Якутии и в другие районы СССР. В северных отрядах побывали многие наши студенты. На одном из вечеров трудовой славы студенту нашей группы, который руководил студенческим строительным отрядом, сформированным на электро-энергетическом факультете, Виктору Ставицкому было предоставлено почетное право вносить зна-

мя института, а это означало, что этот отряд являлся победителем соревнования среди всех студенческих строительных отрядов. Много отрядов создавалось для работы в нашей Харьковской области. В 1966 году, когда случилось землетрясение в Ташкенте, туда также был направлен студенческий строительный отряд, которым руководил Леонид Рябко. Студенческие отряды имели в своем составе командиров, прорабов, комиссаров, поварих, лекторов, артистов агитбригад, а самое главное, студентов, которые умели класть кладку стен из кирпича, бетонировать фундаменты, штукатурить стены, возводить крыши и многое другое. Именно в таких отрядах студенты получали первые навыки управленческой деятельности, приобретали для себя новые строительные специальности и настоящую трудовую закалку. В таких отрядах у студентов формировалось чувство ответственности за порученное дело, здесь они выросли, готовя себя к работе на предприятиях страны после окончания института. На Вечерах трудовой славы отряды не только рапортовали о своих успехах в летнем трудовом семестре, но и показывали родившиеся в отрядах номера художественной самодеятельности. На этих же праздниках лучшим отрядам вручались переходящие Красные знамена и другие комсомольские награды.

Комитет комсомола и студенческий профком института уделяли большое внимание военно-патриотическому воспитанию студентов. Студент нашего курса Михаил Клименко был руководителем студенческого похода «По местам буденовских тачанок», проводились поездки для комсомольского и профсоюзного актива в Москву, Ленинград, Брест и другие места, где были самые жестокие сражения в период Великой Отечественной войны. Во Дворце студентов проводились интереснейшие встречи с участниками военных сражений. Серьезный след в памяти многих политехников оставила их встреча с защитниками Брестской крепости, среди которых был один из организаторов и руководителей обороны крепости, командир полка, майор П.М. Гаврилов, белорусский писатель Олесь Мохнач, а также харьковский поэт, которому в Бресте было всего 11 лет, Роман Левин.

О майоре Петре Михайловиче Гаврилове и Романа Александровиче Левине в свое время писал Сергей Сергеевич Смирнов, которому удалось добиться присвоения звания Героя Советского Союза командиру полка П.М. Гаврилову. Во время памятной встречи участников обороны Брестской крепости со студентами ХПИ, проводившейся во Дворце, за большим столом президиума уселись почетные гости во главе с майором П.М. Гавриловым. Поднявшись со своего места, Петр Михайлович спросил, а где Роман Левин, которого он не заметил сидящего за его спиной во втором ряду. После того как Роман Александрович обозвался, Петр Михайлович усадил его рядом с собой и стал рассказывать о том, как в Брестской крепости Роман Михайлович, будучи мальчонкой помогал обеспечивать бойцов водой. Лет через сорок я напомнил Роману Левину о том, что я был свидетелем такого

полворота событий на встрече с участниками Брестской крепости. Роман Александрович был несказанно обрадован этому, так как сегодня уже нет живых свидетелей того, что он находился в 1941 году вместе с Гавриловым в Брестской крепости.

Неизгладимую память у политехников оставили защитники Сталинграда: Герои Советского Союза: генерал-полковник Иван Ильич Людников и Яков Федотович Павлов, а также харьковчане, сражавшиеся за Сталинград, среди которых были генерал-полковник Николай Иванович Труфанов и генерал-майор Михаил Дмитриевич Борисов. В институте в тот период было много фронтовиков, которые много внимания уделяли воспитанию студентов на примерах из славного героического прошлого наших отцов и дедов. Многие из нас и до сих пор свято хранят в своих сердцах память о героическом прошлом нашей Родины, о ветеранах и, особенно о героях – политехниках.

В 2012 году мы с членом президиума ассоциации выпускников ХПИ Владимиром Матвеевичем Авершиным и художественным руководителем Харьковского Национального театра оперы и балета имени Н.В. Лысенко, народным артистом Украины, профессором консерватории Владимиром Александровичем Болдыревым побывали на родине выдающегося полководца, Маршала Победы Георгия Константиновича Жукова. Мы также посетили мемориал, построенный у села Щепотино, расположенного на 95 километре от Москвы, в честь 4-й дивизии ополчения Куйбышевского района города Москвы, в составе которой сражались и студенты нашего института. Ещё в 1972 году бойцы студенческих строительных отрядов нашего института перечислили свой дневной заработок в фонд строительства этого мемориала под Наро-Фоминском.

Ежегодно в ДС проводились торжественные вечера, посвященные очередной годовщине Октябрьской революции. Последний вечер, который проводился под моим руководством в ХПИ, был посвящен 60-летию Великого Октября. Побывав перед празднованием юбилея Октября в Киеве на Третьем молодежном фестивале, я увидел там много талантливых эффектов, придуманных непревзойденным Киевским режиссером массовых зрелищ Борисом Шарварко. Увиденные там мероприятия, помогли нам очень интересно провести вечер, посвященный юбилею революции в нашем Дворце студентов. На этот вечер мы пригласили артиста театра имени А.С. Пушкина Юрия Павловича Жбакова, народного артиста Украины, который на вечере был в образе В.И. Ленина, а также артиста театра юного зрителя Александра Ермакова, который исполнял роль Николая Островского в спектакле театра «Юного зрителя» «Письма к другу». Проникнувшись важностью данного мероприятия, мы в едином порыве с П.В. Поповым, Б.Г. Гуниным и Л.А. Гуриной придумали интереснейший сценарий проведения торжественного вечера. Наиболее яркое впечатление на зрителей произвело исполнение в концерте песни из кинофильма «Погоня» женой Павла Васильевича — Та-

ней Поповой в сопровождении духового оркестра.

В осенние месяцы вместе со спортивной кафедрой и её энтузиастами Альбертом Игнатьевичем Любимевым и его другом Николаем Александровичем Олейником, который позже стал ректором института физкультуры, мы проводили спортивные вечера института. На этих вечерах звучали итоги соревнования факультетов по спортивной работе, на них же объявлялись имена новых мастеров спорта, участников чемпионатов мира и олимпийских игр. Гордостью политехников того времени были Заслуженные мастера спорта СССР Геннадий Ближенцов, Лилия Ткаченко и другие спортсмены.

Особенно любимыми у студентов были предновогодние вечера, на которых соревновались коллективы факультетской художественной самодеятельности. Из факультетских коллективов художественной самодеятельности мы находили талантливых солистов-вокалистов, чтецов и юмористов для наших дворцовских коллективов. Именно там впервые о себе заявили талантливые исполнители — вокалисты Борис Петрович Таран, Владимир Иванович Абрамов, Николай Павлович Волчуков, Галина Григорьевна (Дуравкина), Людмила Цацулина — (Спесивцева), Татьяна Мишенина (Попова) и многие другие.

К Новому году в танцевальном зале нашего Дворца всегда устанавливалась натуральная большая ель, которую нам любезно предоставлял талантливый руководитель Чугуево-Бабчанского лесхоза Иван Мефодьевич Сокол. Иван Мефодьевич, вернувшись с войны, поступил на работу в сельскохозяйственный отдел Совета Министров СССР. Но однажды он с женой поехал в село Кочеток Чугуевского района, где ему было поручено проверить работу лесхоза. Его жена в те годы болела астмой. Побывав в Кочетке, она почувствовала себя намного лучше. И когда стал вопрос о том, кого назначить директором этого лесхоза, то Иван Мефодьевич попросил свое руководство направить его из Москвы работать в поселок Кочеток. Но великий человек и здесь очень скоро завоевал добрую славу не только в Чугуевском районе, но и во всей Украине. Здесь он защитил диссертацию, создал техникум лесного хозяйства и стал одним из лучших руководителей в своей отрасли. Будучи человеком с разносторонними интересами, он посещал мероприятия и в нашем Дворце. Благодаря этому мы могли у него в питомнике приобретать натуральные елки и устанавливать их в танцевальном зале. Таких елок не было ни в одном Дворце культуры Харькова. Чугуевцы искренне любили Ивана Мефодьевича, и в честь его, ещё при жизни, дали название «Сокол» новому гастроному, построенному на въезде в город Чугуев. На фронтоне гастронома метровыми буквами было начертано это имя, в честь Ивана Мефодьевича. Елки, которые дарил нам Иван Мефодьевич, были не только гордостью студентов, любивших танцевальные новогодние вечера в ДС, их также любили все школьники нашего города.

Для учащейся детворы вместе с обкомом профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, который возглавляла в то вре-

мя Светлана Алексеевна Журина, мы проводили во Дворце студентов детские новогодние утренники. Однажды во время детских утренников во Дворец прибыли пожарные. Они нашли какие-то упущения по обеспечению противопожарной безопасности и запретили дальнейшее проведение утренников. Я сразу же помчался к Светлане Алексеевне, которая позвонила Владимиру Адамовичу Галузе в обком партии, и проблема мгновенно разрешилась.

Самыми любимыми у студентов и преподавателей института были вечера киноклуба интересных встреч. Лариса Андреевна Гусарова (Гурина) вместе с Сергеем Александровичем Скощуком сделали этот киноклуб самым известным в нашем городе и на Украине. Лариса Андреевна всегда радушно принимала приезжавших во Дворец знаменитостей. Её мама, Мария Семеновна, оказывала в этом ей большую помощь. Иногда Мария Семеновна приглашала гостей киноклуба на свои украинские вареники, и поэтому за тепло и радушие многие известные в стране актеры и режиссеры любили наш Дворец. В квартире Ларисы Андреевны мы принимали Анатолия Папанова, Светлану Тома, Георгия Калитиевского и многих других деятелей театра и кино.

Благодаря активной помощи Дворцу со стороны Николая Алексеевича Карпова, директора Бюро пропаганды советского киноискусства на Украине, а главное — неиссякаемой энергии Сергея Александровича Скощука во Дворце студентов побывали такие знаменитые мастера советского театра и кино, как Олег Ефремов, Евгений Матвеев, Ростислав Плятт, Алексей Баталов, Анатолий Папанов, Николай Олялин, Вячеслав Тихонов, Василий Лановой, Юрий Никулин, братья Юрий и Виталий Соломины, Юрий Яковлев, Михаил Ножкин, Станислав Любшин, Иван Переверзев, Ирина Мирошниченко, Гурген Тонунц, Евгений Весник, Вячеслав Шалевич, Андрей Миронов, Александр Лазарев, Георгий Вицын, Евгений Моргунов, Ольга Аросева, Борис Рунге, Зиновий Высоковский, Лариса Лужина, Лионела Пырьева, Светлана Тома, Наталья Фатеева и многие, многие другие. Много интересных зарубежных фильмов нам привозили режиссеры Юрий Павлович Калитиевский и Андрей Альфредович Эрштрем. Со своей эпопеей «От Путивля до Карпат» к нам приезжал Тимофей Левчук, возглавлявший на Украине Союз кинематографистов. В работе нашего киноклуба принимала активное участие, выпускница ВГИКа, харьковский киновед Нина Владимировна Сафронова. Но самыми приятными были встречи с нашими бывшими харьковчанами, которые тоже изредка посещали наш Дворец. Прежде всего, это встречи с выпускниками нашего института: сценаристом Аркадием Ининым, режиссером Владимиром Фокиным, нашей землячкой Натальей Фатеевой и другими людьми из нашего города, ставшими популярными во всем Союзе. Интереснейшим событием не только в жизни ХПИ, но и всего города стал приезд во Дворец Виктора Ивановича Хохрякова, Народного артиста СССР, артиста Малого театра, который перед войной в Харьковском дворце пионеров создал детско-юношеский драматический театр, который посещала В.М.

Сухарева, П.Л. Слоним и многие другие. Перед приездом во Дворец Виктор Иванович снялся в кинофильме «Ошибка Оноре де Бальзака», с которым и приехал на встречу в наш город.

Этот кино клуб стал своеобразным университетом культуры для наших студентов и сотрудников института. Однажды я спросил у В.М. Цюртока, окончившего в Москве Академию МВД СССР, какую пользу ему дала учеба в Академии с профессиональной точки зрения. В.М. Цюрток высказал мне свое мнение о том, что больше всего хорошего и полезного, что сделала эта академия для повышения качества работы милицмейских работников, было то, что она способствовала повышению общей культуры милиционеров высшего ранга, благодаря своему Университету культуры, работавшему при Академии МВД. В работе этого университета, как потом выяснилось, участвовали те же мастера театра и кино, которые выступали и в нашем Дворце студентов. О подобном Университете культуры написал в своих воспоминаниях и Григорий Петрович Васянович, который, будучи слушателем военно-политической академии в Москве, также встречался с такими же интересными людьми, которые регулярно бывали и в нашем Дворце студентов.

Наши студенты приобщались к классической симфонической музыке в симфоническом лектории, на базе большого симфонического оркестра нашей областной филармонии под руководством главного дирижера оркестра, ныне Почетного гражданина города Харькова, профессора А.В. Калабухина. Доцент электро-машиностроительного факультета Александр Леонидович Нотов лично разработал программу для симфонического лектория, что сделало концерты интересными и содержательными. Каждый концерт симфонического лектория стал пользоваться большой популярностью у студентов и преподавателей ХПИ. Ещё большей популярностью у студентов пользовались гастроли эстрадных коллективов страны и нашей республики, организованные областной филармонией. До сих пор многие сотрудники института помнят Есенинские вечера заслуженного артиста Украины Ивана Петрова, поэтические вечера Александры Лесниковой и Юрия Шейко. Огромным событием были и эстрадные концерты Софии Михайловны Ротару, ансамбля «Таврия» под руководством Надежды Ивановны Чернышовой, хоровой капеллы Эммы Цетурян, Дмитрия Гнатюка и многих других. В нашем дворце побывал легендарный диктор центрального телевидения Виктор Балашов и ведущий клуба кинопутешественников Юрий Сенкевич и многие другие знаменитости бывшего Советского Союза. Я никогда не забуду того дня, когда ко мне в кабинет однажды зашел сотрудник нашего института Владимир Писаревский с большим чемоданом. В таких чемоданах в те времена харьковчане носили стирать белье в прачечную. Оказалось, что он приехал ко мне во Дворец со своим дорожным чемоданом прямо из аэропорта, вернувшись из Киева, проехав свой дом на углу улиц Пушкинской и Гуданова. Оказывается, что на Крещатике, в Киеве он случайно встретил Народного арти-

ста СССР Николая Владимировича Олялина и сказал ему, как его сильно любят жители Харькова. Николай Владимирович выслушал его и попросил зайти ко мне и передать самый горячий привет, как самому доброму другу. Володя был настолько потрясен таким отношением ко мне Олялина, что прямо из аэропорта, не заходя домой, поспешил выполнить просьбу этого действительно всеми любимого в те годы артиста театра и кино.

Дворец студентов установил хорошие отношения с областной конторой кинопроката, которой многие годы руководили Александр Григорьевич Середенко и Анатолий Васильевич Столяревский. Это позволяло нам демонстрировать в нашем зале только первозканные фильмы, о чем всегда заботился директор кинотеатра имени Жданова, а затем и директор кино-концертного зала Украина — Иван Иванович Топчий, ставший почетным родителем нашего сына Андрюши. У нас уже тогда складывались хорошие отношения с харьковскими писателями и композиторами и другими представителями творческих организаций. Военный дирижер Олег Филиппович Важов аккомпанировал со своим оркестром нашим солистам и помогал создавать праздничное настроение участникам всех наших праздничных вечеров. Ещё одним нашим другом был майор Чуворян со своим оркестром танкового училища, которым руководил генерал-майор Иван Федорович Кузьмук, сын которого А.И. Кузьмук был Министром обороны Украины.

П.В. Попов и Б.Г. Гунин со своими творческими коллективами первыми во дворце начали проводить студенческие юморины. Один из активных организаторов «юморин» Александр Иванов и сегодня успешно трудится во Дворце. Вместе с доцентом кафедры педагогики и психологии управления социальными системами Н. Середой, А. Иванов ежегодно проводит творческие вечера поэта А.Г. Романовского «Колокольный звон пасхальный». Эти вечера, основанные Александром Георгиевичем Романовским, с которыми он побывал не только в нашем Дворце студентов, но и в Киевской национальной филармонии, в театре оперы и балета, в Харьковской филармонии и в доме культуры Областного управления внутренних дел, продолжили эстафету эстетического воспитания студентов, с которой стартовали в 60-е годы наши активисты: А.И. Грабченко, В.П. Зубарь, В.И. Подшивалов, Л.Л. Товажнянский, В.Б. Клепиков, А.В. Бойко, А.С. Пономарёв, В.А. Лозовой и многие другие.

Одними из первых, кто поддержал меня на работе во Дворце студентов, были два закадычных друга, два профессора, являвшиеся членами президиума нашего обкома профсоюза — это Юрий Сергеевич Шошин и Николай Константинович Шокотов. Они первые сформулировали мне перечень самых главных задач, которые необходимо было срочно решить для восстановления былой славы Дворца. Уже через год моей работы они поставили в повестку дня заседания Президиума обкома профсоюза работников высшей школы отчет о моей работе. После моего отчета они предложили председа-

телю обкома Журиной С.А. обратиться в Республиканский комитет профсоюза, чтобы там обобщить опыт работы нашего Дворца и распространить его работу во всех студенческих клубах вузов Украины. После нашего отчета в Киеве Дворец студентов был награжден Почетной грамотой Центрального комитета профсоюза, а директора наградили грамотой республиканского комитета профсоюза.

Одним из последних моих мероприятий во Дворце, в организации которого я принимал участие, был конкурс для молодых преподавательниц ХПИ «А ну-ка, девушки!». В этом конкурсе победителями стали Лариса Коваль и Зоя Мышастая, которые до сих пор работают в нашем политехническом университете. Многие участники художественной самодеятельности принимали участие в проведении вечеров «КВН» и других мероприятий институтского и факультетского уровня. Ещё в 60-е годы лучшую команду КВН, прославившую ХПИ на весь Союз, возглавлял её капитан Арнольд Яковлевич Шпильберг.

У ветеранов и сотрудников института, а также у нас, работников дворца всегда большой любовью пользовались праздники, посвященные Дню Победы. Нашими союзниками всегда были офицеры военной кафедры, полковники: Борисов, Зеньков, Захаров, Романов, Хлудеев, Павлов, Попов, Литвинов, Ляденко и другие. Как и в любом культурном учреждении, в нашем роскошном танцевальном зале всегда организовывались танцы для студентов.

Были у меня во Дворце и всякие неприятности. Как только я уволил одну сотрудницу, так она сразу же «накатала» на меня анонимку о разных моих финансовых нарушениях. Например, В.Д. Розен числился электриком и руководил драматическим кружком, Н.З. Вольфсон помогал Закировой Г.С. в работе по руководству танцевальным коллективом и т.д. Когда ко мне пришла сотрудница из КРУ (контрольно-ревизионного управления), то она была шокирована, когда в кабинет со стремянкой на плече вошел В.Д. Розен и стал менять лампочки в висевшей под потолком люстре. Оказалось, что Владимир Давыдович был её любимым актером, когда работал в театре имени А.С. Пушкина. Примерно также она была удивлена тем, что Наум Захарович ремонтировал сапоги танцевального коллектива, так как числился рабочим по текущему ремонту. Сотрудница КРУ так и не обнаружила финансовых нарушений в моей деятельности.

Во Дворце находился и работал филиал институтской библиотеки с большим читальным залом, который был всегда полон студентов, готовившихся к своим зачетам и экзаменам.

На втором этаже дворца студентов находился большой выставочный зал, где проводились многие городские, районные и институтские выставки.

Во Дворце студентов в 70-е годы работал городской интерклуб. В разные годы им руководили Нина Евтушенко, Константин Шердиц, Лариса Палтаджан, Григорий Малюк, впоследствии возглавлявший завод имени Малыше-

ва и другие энтузиасты, которых направлял на работу в интерклуб горком комсомола, которым руководил в те годы Олег Алексеевич Дёмин, работающий сегодня послом Украины в Китае.

Факультет общественных профессий, созданный комитетом комсомола, также дислоцировался во Дворце. Их работой руководили молодые преподаватели кафедр общественных наук ХПИ В.Г. Пятенко, Ю.Л. Сабатовский, которые были и секретарями партийной организации Дворца, пока наших коммунистов не присоединили к партийной организации подготовительного факультета для иностранных граждан, деканом которого был А.С. Пономарев.

На территории Дворца студентов была впервые создана и областная комсомольская школа, первым директором которой был Григорий Иванович Мостовой, впоследствии ставший ректором Харьковского филиала Академии управления при Президенте Украины. Заведующим кафедрой теории и практики комсомольской работы в комсомольской школе был Юрий Леонидович Сабатовский, лучший друг Володи Токманя. Токмань и Сабатовский учились вместе в Харьковском государственном университете имени А.М. Горького. Окончив университет, оба стали секретарями обкомов комсомола: Токмань – в Харькове, а Сабатовский – в Сумах. Позднее Владимир Токмань стал работать помощником у Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Евгения Тяжельникова, а Юрий Сабатовский стал доцентом кафедры истории КПСС в ХПИ. Юрий Леонидович был прикреплен к партийной организации Дворца студентов, которую до него возглавляла Анна Ефимовна Загорская, которая была членом партии с 1919 года.

Когда партийную организацию возглавила Валентина Михайловна Сухарева, то она посоветовала мне поступить учиться в институт культуры, чтобы продолжить дальше строить свою карьеру в сфере культуры. Поступить в институт культуры мне не составляло особого труда, так как наличие у меня золотой медали за среднюю школу требовало сдачи только одного экзамена. Мои ожидания пополнить свои знания в области культуры не оправдались из-за низкого уровня преподавания, который мне показался в том институте после окончания ХПИ. Однако, справедливости ради, я с огромным наслаждением слушал лекции профессора Валерия Николаевича Айзенштада, который был одним из лучших театральных критиков на Украине. Сдав с оценкой «отлично» «Основы общей психологии», я тогда не представлял, что когда-то мне придется преподавать этот курс для студентов ХПИ.

Через некоторое время партком присоединил нашу партийную организацию к подготовительному факультету для иностранных граждан, на котором работали замечательные люди: Геннадий Иванович Кириллов, Петр Максимович Гладкий, Александр Семенович Пономарев, Дмитрий Иванович Гречко, Михаил Павлович Дуравкин и другие.

В нашем зале проводились разного рода мероприятия по повышению уровня политических и экономических знаний пропагандистов и агитаторов райо-

на. На этих мероприятиях выступали секретари обкома партии Николай Антонович Сероштан и Владимир Антонович Ивашко. Иногда для пропагандистов читались лекции по бдительности, с которыми выступал начальник политотдела областного управления КГБ Георгий Иванович Дубрава, который до этого был заместителем начальника Главного разведывательного управления КГБ СССР. Огромной популярностью у жителей города пользовались лекции о международном положении, с которыми выступали самые лучшие лекторы города и области Маркс Михайлович Гуревичов, Николай Павлович Подлесный, Петр Григорьевич Федченко и многие другие. Художественное оформление Дворца нам иногда помогали выполнять молодые преподаватели художественно-промышленного института. Благодаря этому ещё в 1972 году мы познакомились с нынешним профессором этого института, заведующим кафедрой «Интерьер и оборудование», а тогда совсем молодыми преподавателями — Аланом Алексеенко и Владимиром Чередниченко.

Во дворце работала музыкальная студия, которой руководили Анна Ефимовна Загорская, Санпитер Элла Моисеевна, Людмила Александровна Болотова.

Когда студенты входили во Дворец их всегда приветливо встречали наши вахтеры А.И. Пашенко, Е.Л. Корнейчук, П.А. Зотова и др.

Иногда нам приходилось сдавать помещения дворца в аренду другим организациям. Самым «дорогим» нашим арендатором был наш Харьковский авиационный завод с его директором Б.А. Хохловым, а позднее с А.К. Мялицей. Этот завод нам оказывал помощь в приобретении разного рода материалов для изготовления декораций. Рассказывая о деятельности одного из главных культурных учреждений нашего города и республики, нельзя не вспомнить и тех, кто направлял деятельность Дворца студентов и помогал развиваться художественной самодеятельности института. Прежде всего, это проректор Николай Федорович Киркач, которому подчинялся директор Дворца. Николай Федорович был распорядителем кредитов в институте, и всегда нам выделял средства и на пошив костюмов, и на декорации, и музыкальные инструменты и на многое другое. Во Дворце было большое хозяйство, связанное с подачей тепла, воды и других жизненно необходимых ресурсов. В жизнеобеспечении Дворца большую помощь нам оказывали Павел Григорьевич Олейников, Валентин Михайлович Мартыненко, Григорий Максимович Глущенко, Николай Иванович Мигур, Михаил Львович Зайонц, директор опытного завода ХПИ Евгений Николаевич Дегтярёв и многие другие.

Профессор Л.С. Палатник подарил Дворцу студентов свой собственный кабинетный рояль. Когда нам нужно было восстановить калориферное отопление, Борис Тимофеевич Бойко, первый декан физико-технического факультета сформировал нам из студентов своего факультета студенческий строительный отряд, который под руководством Елены Львовны Виноградской полностью восстановил предусмотренное проектом отопление. Григорий

Максимович Глущенко добился у городских властей подачи дополнительного количества килокалорий тепла, обеспечившего нормальную температуру воздуха в помещениях. До этого, в сильные морозы, чтобы создать нормальную температуру в помещениях дворца устанавливали в большом зрительном зале газовые горелки, которые горели всю ночь.

С нами всегда сотрудничал Харьковский обком комсомола, первыми секретарями которого были выпускники нашего института: В.П. Дуравкин, А.Л. Гордиенко, С.Н. Касютин и др. Много концертов мы провели для Киевского райкома комсомола, которым руководил первый секретарь Сергей Козьяков и секретарь райкома Инна Кузьменкова, а позднее Анатолий Русаловский, Светлана Золотухина, Владимир Шейко и другие. Дворец тесно сотрудничал с секретарями Богодуховского (Антониной Сагайдачной), Великобурлукского (Владимиром Панариным) и другими райкомами комсомола.

Наш Киевский райком комсомола шефствовал над моряками Черноморского флота, с которыми он обменивался творческими делегациями. Однажды у нас во Дворце выступал один из вокально-инструментальных ансамблей воинской части ОВРа, солистом которого был главстаршина Иван Киуила. Каково же было мое удивление, когда уже через год я встретил его в Харьковском трамвае, возвращавшегося с занятий в нашем институте. Оказалось, что директор авиазавода Б.А. Хохлов на том концерте, на котором Ваня тогда пел у нас во Дворце, пригласил его на работу на свой завод. Поступив на завод, Иван Георгиевич сразу же поступил на вечернее отделение ХПИ. На авиационном заводе он вырос до начальника цеха окончательной сборки самолетов. Позднее Иван Георгиевич стал членом-корреспондентом Национальной Академии наук Украины.

Для определения художественной политики наш партком института создавал Совет Дворца студентов. Председателями таких советов были А.В. Бойко, В.А. Лозовой и другие преподаватели нашего института. В составе всех советов Дворца был Владимир Петрович Зубарь, который в своё время вместе с А.И. Грабченко и другими энтузиастами занимался восстановлением разрушенного войной здания, в котором сегодня работает этот культурно-просветительский центр. Большую помощь Дворцу студентов оказывала Вера Васильевна Овчарова (Ничик), которая работала начальником областной торговой инспекции и являлась членом совета Дворца студентов, и, благодаря её помощи, мы могли приобретать для наших музыкальных коллективов дефицитные в те времена импортные музыкальные инструменты. В свое время Вера Васильевна была секретарем Харьковского обкома комсомола и очень хорошо понимала, какое значение имеет художественная самодеятельность для воспитания студенчества. Однажды своевременную помощь нашему дворцу оказал даже заместитель председателя Совета Министров Украины Владимир Ефимович Семичастный, на приеме у которого побывала Валентина Михайловна Сухарева. Регулярно мы обращались за

помощью в наше Министерство высшего и среднего образования Украины, где всегда находили поддержку у нашего земляка, первого заместителя Министра Юрия Ильича Бутенко, который меня лично знал и потому всячески морально и материально поддерживал деятельность Дворца студентов. Юрий Ильич мог мне подписать любое нужное для меня письмо прямо на Крещатике, накладывая резолюции на капоте своей министерской «Волги».

Интересные концерты во дворце организовывала областная филармония, которой руководили Вера Алексеевна Бондаренко, Евгения Алексеевна Пивень и их заместитель Леонид Николаевич Степанов и многие другие. С Леонидом Николаевичем Степановым мы были знакомы ещё с тех пор, когда он работал заместителем заведующего отделом пропаганды Харьковского обкома комсомола у В.Е. Полежаева.

В период сотрудничества с директором филармонии Верой Алексеевной Бондаренко, у неё возникла идея забрать меня на работу в филармонию к себе заместителем. Я не мог согласиться на её предложение по многим обстоятельствам. Но однажды, идя по Сумской с Юрием Дмитриевичем Сакарой, мы встретили Леонида Николаевича Степанова, который собирался уйти из облсовпрофа на работу в адвокатуру. Узнав его намерение, я предложил ему пойти на работу в филармонию. Я тут же позвонил Вере Алексеевне из телефона-автомата, и направил его в филармонию. Вера Алексеевна сразу же взяла его к себе заместителем. С тех пор наше творческое сотрудничество с филармонией приобрело новое дыхание. К тому времени я уже был у Степанова Л.Н. почетным родителем у дочки Татьяны, а у другой дочери был «крестным» Коля Христов, первый секретарь Шевченковского райкома комсомола. Вместе с Л.Н. Степановым мы проводили многие, интереснейшие гастролы и ответственные концерты, пользовавшиеся огромной популярностью у харьковчан. Для Харькова было огромным событием выступление у нас во Дворце Софии Михайловны Ротару, которая свой первый концерт в Харькове провела именно в нашем Дворце студентов. Вместе с Л.Н. Степановым мы организовывали приезд в Харьков и Аллы Борисовны Пугачовой. В костюмерной Дворца студентов мы ей подобрали концертное платье, так ей понравившееся, что разрабатывая себе концертное платье у самого модельера Зайцева, она рекомендовала ему взять за основу то платье, которое мы ей нашли в 70-е годы в костюмерной Дворца студентов. Во Дворце строителей имени Горького мы уговорили руководителя ансамбля «Ритм» Александра Авилова ей аккомпанировать. Перед этим ансамбль Авилова уже побывал с концертами на гастролях в столице Чили городе Сантьяго.

Надолго в моей памяти останется концерт ансамбля Таврия, которым руководила Надежда Ивановна Чернышова. Перед концертом этого ансамбля приехал её директор и попросил снять в зале два передних ряда кресел для зрителей, так как у нас не функционировала оркестровая яма. Я сразу же отказал. Через час в моем кабинете появляется женщина, ровесница моей

мамы и представилась художественным руководителем этого ансамбля. Я предложил ей снять плащ и, как только она осталась в строгом черном костюме, то увидел, что вся её грудь была увешана боевыми и трудовыми орденами Советского Союза: от ордена Ленина и до ордена «Знак Почета». Я поинтересовался, где ей удалось заработать столько наград? Оказалось, что Надежда Ивановна работала во время войны чуть ли не заместителем начальника политотдела 18-й армии у самого Л.И. Брежнева. Конечно, я выполнил все её просьбы, и концерт ансамбля понравился всем присутствовавшим зрителям.

Почти всех, кто работал в те годы во Дворце студентов, приглашали на работу в самые престижные учреждения не только нашего города, но и многих учреждений страны. Например, после работы директором Дворца студентов Ларису Андреевну Гусарову пригласили на работу в областное управление кинофикации, где она обеспечила сотрудничество харьковских кинопрокатчиков с киностудиями страны и областными управлениями кинофикации Украины. В лице Ларисы Андреевны мы знали не только талантливого организатора культурно-массовой работы, но и очень ответственного и решительного человека, она не раз проявляла смелость и решительность, попадая в самые сложные ситуации. Однажды она совершила опаснейший перелет в Австралию, где работала её подруга; другой раз она приняла участие в походе на яхте из Украины через Черное море к берегам Кипра в сложнейших метеорологических условиях. И это только мизерные штрихи в её интереснейшей биографии. Она, например, лично была знакома с прославленной летчицей-испытателем Мариной Попович, с которой когда-то жила в Звездном городке в одном подъезде, когда была замужем за врачом из отряда космонавтом Сергеем Гуриным.

Б.Г. Гунин возглавляет целый театральный комплекс в городе Владимире, являясь заслуженным работником культуры Российской Федерации, К.К. Шердиц много лет возглавлял городской отдел культуры и сегодня руководит Дворцом студентов Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого.

Нельзя не вспомнить и тех, кто помогал обеспечивать работу коллективов художественной самодеятельности в самом Дворце и за его пределами. Кому-то может показаться, что ничего сложного нет в том, чтобы отправить 100 участников художественной самодеятельности в Крым или на заключительный концерт в город Киев. В этих вопросах нам всегда оказывали помощь работники железной дороги: секретарь парткома Владимир Николаевич Лубяной и председатель профкома станции «Харьков – Пассажирский» Алла Григорьевна Сухорукова.

Во Дворце в 70-е годы трудились заведующая отделом художественной самодеятельности Т.М. Скрипник, заведующая отделом культурно-массовой работы Л.А. Каменюк, машинисты сцены Михаил Николаевич Вдови-

ченко, Фёдор Трофимович Вакула, радисты Владимир Бражник и Юрий Дихтяренко, костюмеры Н.А. Калязина и З.С. Щепихина, заведующая хозяйством Константинова М.А. дворник тетя Шура — Илюха А.И., столяр Головченко С.Т., заведующие инструментальными кладовыми Белова А.М. и М.Я. Кабашная, которая и по сей работает в этой должности, а также талантливый осветитель Валентин Дмитриевич Помазановский. Во Дворце в тот период трудились 22 уборщицы, несколько гардеробщиц и другой хозяйственный персонал. Многие годы во дворце работали интересные и талантливые художники Виталий Чадик, Лора Роденко, Иван Веснин и многие другие. Свет и звук всегда имели большое значение в оформлении многих проводимых мероприятий. Много потрясающих эффектов создал своим искусством цветомузыки Юрий Алексеевич Правдюк, имя которого занесено в Большую советскую энциклопедию.

Плеяда известных на Украине творческих деятелей, работавших в нашем Дворце, опиралась на прочный фундамент системы управления, созданной их предшественниками, трудившихся до меня под руководством Александра Аркадьевича Чудновского в шестидесятые годы — Александра Литвинова, Вадима Бриллианта, Михаила Рябина, Марка Энтина, Михаила Спивакова, Зои Штерн, Андрея Лагуты и многих других. После моего ухода директорскую эстафету подхватили К.К. Шердиц, Л.А. Гурина, А.П. Тишинин, Л.М. Петросян, а сегодня успешно руководит Дворцом бывший директор Дворца культуры тракторного завода Анатолий Федорович Марущенко.

Через три месяца после моего назначения директором, Владимир Семенович Гамеров, который был директором областного Дома художественной самодеятельности профсоюзов, повез нас на республиканский семинар культработников в город Донецк. Возвращаясь с семинара, В.С. Гамеров в шутку сказал, что Долгарев принял большой Дворец, в котором есть буфет, туалет и комната цветомузыки. Когда же я уходил из Дворца, он работал уже главным режиссером в Харьковском цирке. Встретившись с Владимиром Семеновичем в цирке, куда мы иногда ходили с моим сыном Андреем, я сказал Гамерову В.С. о том, что ухожу из Дворца. Он схватился за голову и закричал на меня: «Что же ты делаешь, Анатолий? Опомнись. Каким пустым ты принял Дворец, и каким популярным и мощным культучреждением ты его сделал. Разве такое бросают?»

Дворец для меня был еще и огромным подспорьем в деле укрепления непрерывающихся связей с выпускниками нашего факультета. Приезжая из разных уголков страны в город Харьков, они всегда первым делом появлялись в моем Дворце. Когда из Армении прибыл Юра Грабарь, то я связал его с ребятами, работавшими на Сахалине. Юра улетел на Сахалин, где вместе с Петей Евтеевым и Толей Ворониным отрабатывал срок своего обязательного распределения. Из управления наладки треста «Электрожмонтаж», контора которого находилась в Харькове, ко мне регулярно заходили все, кто

там трудился. А.В. Раюшкин, Л.Л. Рожанский и другие.

Чаще других ко мне во Дворец приезжал мой дорогой друг Владимир Тимофеевич Панарин. Мы часто бывали с Валею в Великом Бурлуке, где жил и работал Владимир Тимофеевич. Однажды с Володей мы даже наблюдали появление над Бурлуком неопознанного летающего объекта (НЛО). Когда люди, которые никогда не видели НЛО, продолжают отрицать их существование, то мы с Панариным всегда им доказываем обратное. Когда мы находились с Володей в озере, его жена Люда обратила наше внимание на висевшие над водой четыре светящихся красным светом круга. Ошеломлённые тем зрелищем мы пару минут наблюдали за светящимся объектом, который вскоре со скоростью тысяч двадцать километров в час быстро удалился в небе.

Демобилизовавшись из армии, ко мне в ДС прибыл бывший мой сокурсник, а тогда капитан Бубырь Григорий Васильевич, которого я хотел устроить на работу в КГБ, отказался и пошел работать к Николаю Ивановичу Мигуру в областной штаб студенческих строительных отрядов. К нам с Валею всегда приезжали Виктор Сергеевич Ставицкий, Валины подруги Наташа Авраменко и Надя Никитенко и многие другие. Но чаще других к нам приезжал Толя Воронин, который работал на Сахалине, а в Харьковской области жила его мать.

POST SKRIPTUM

Выпускники ХПИ не только в нашей стране, но и во многих странах мира были всегда востребованы во многих сферах материального производства за свой высокий уровень их профессиональной компетентности. В нашем институте они приобретали необходимые для практической деятельности теоретические знания, практические умения и навыки. Наш Дворец студентов, по отзывам отечественных и зарубежных выпускников, приобщал их к богатствам культуры, выработанной человечеством, что также всегда было нужно современным специалистам. Работая во Дворце студентов, я не только расширил свои познания и умения в осуществлении управленческой деятельности, но, общаясь с известными деятелями литературы и искусства, научился сам разбираться в сложных проблемах организации театральной, музыкальной, сценарной и других видах деятельности, которая была необходимой в ежедневной работе Дворца студентов.

После Дворца я поработал в социологической лаборатории, после которой стал преподавателем на кафедре этики и эстетики. Я считал, что моя мечта сбылась, и я смогу теперь заняться своим любимым педагогическим творчеством. Однако, Киевский райком партии, которым руководил А.З. Ломакин, изменил мои планы, призвав в 1981 году меня в свои ряды, где мне пришлось «курировать» работу всех организаций культуры, расположенных

в этом районе. Многие писатели, актеры, художники, музыканты Б.Д. Силаев, И.С. Маслов, Г.Н. Леонов, А.Г. Романовский, А.Г. Клёва, В.П. Георгиевский, А.Л.Оприщенко, В.А. Лозовой, В.А. Болдырев, А.С. Барсегян, Е.В. Лысенко, И.П. Петров, А.М. Алексеенко, Л.Н. Степанов, Н.Г. Стецюн и другие, стали не только моими соратниками, но и добрыми друзьями.

Когда случилась Чернобыльская катастрофа, бюро райкома партии направило меня осуществлять партийное руководство строительством жилья для людей, пострадавших от этой аварии. Вместе с В.И. Речичем в Бородинском районе Киевской области мы руководили строительством села Жовтневого, за что первый секретарь обкома партии В.П. Мысниченко представил меня к награде, и в 1986 году я получил Грамоту Президиума Верховного Совета Украины. Получив изрядную дозу радиации, я ушел из райкома преподавать в техникум и училище, которые готовили кадры для работы на предприятиях Министерства общего машиностроения. Когда же началась перестройка, меня снова мобилизовали на работу в Харьковский горком партии курировать всю отрасль культуры и искусства нашего города.

После того, как А.К. Мялица вместе с А.С. Масельским добились разрешения на строительство очередного поселка для лиц, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС в Харьковской области, обком партии предоставил мне полномочия секретаря обкома партии и поручил заняться строительством поселка Вильча под городом Волчанском вместе с Ю.С. Мрктчаном.

После путча, КПСС прекратила своё существование, и нас, десяток бывших аппаратчиков, взял к себе на работу В.А. Петросов. Чем только я не занимался, работая рядом с Валерием Альбертовичем! Самым интересным моим занятием стала работа с В.Ю. Пехотой, который до этого занимал пост вместе с В.А. Масолом и В.П. Фокиным в Правительстве Украины. Когда с нашей помощью Владимир Юльевич стал Народным депутатом Украины, он назначил меня своим помощником. Мы с ним занимались многими проблемами, существовавшими в стране и в нашей области. Например, благодаря Владимиру Юльевичу, в Харькове было расконсервировано замороженное строительство метро. С Пехотой В.Ю. и с Петросовым В.А. мы создали в Украине движение ветеранов по пропаганде подвига, совершенного ветеранами и нашими родителями во Второй Мировой войне. Побывав на 100-летию со дня рождения Маршала Победы, мы учредили Международный общественный фонд имени полководца Г.К. Жукова, который возглавляет Лауреат государственной премии имени Г.К. Жукова, бывший первый секретарь Жуковского райкома КПСС Василий Прокопьевич Чурин.

В 2012 году, когда мне Жуковский городской совет депутатов присвоил звание «Почетный гражданин города Жуков», мы с моими «братьями» по духу – В.М. Авершиным и В.А. Болдыревым побывали не только в музее Жукова на родине Георгия Константиновича, но и на мемориале погибшим

воинам, расположенном на трассе Киев – Москва, у села Щепотино. Когда мы студентами были в строительных отрядах, то дневной заработок направляли на строительство этого мемориала под городом Наро-Фоминском, так как там похоронены студенты и преподаватели вузов Харькова, защищавшие Москву в 1941 году. Валентина Валентиновна Ефимовская в 2016 году опубликовала статью М.М. Гуревичова и А.В. Долгарева под названием «Гением блистал в бою любом» в журнале «Родная Ладога». В сборниках «Мы помним» (2012 и 2015 гг.) Людмилы Ивановны Ростовцевой напечатаны мои воспоминания о подвигах наших родственников, совершенных при защите нашей Родины в 1941-45-х годах.

Сегодня, когда я снова вернулся в свой политехнический институт, я горжусь тем, что продолжая дело своих родителей, причастен к великому делу обучения, которое ведется в нашем вузе замечательным профессорско-преподавательским коллективом, в составе которого имею честь находиться.

Дмитрий РАКОТИН
ПАРОДИИ

ПАРОДИЯ НА С.Ю. ПОТИМКОВА

*Грозою задёрнулось море.
Воды потемнел купорос.
Одесса сказала мне: sorry!
И каплей упала на нос.*

С. Потимков

Вокзал. Пролетают экспрессы.
Вокруг почитателей пресс.
Итак, я приехал в Одессу,
Как некогда Пушкин А.С.
Весь в нимбе стихов я и в прозе,
Шагаю в толпе чудаков.
И шепчут бабцы на Привозе:
– Глядите-ка, сам Потимков!
Что Бабель и Бабея были!
Олеша, Катаев – не в счёт.
Что Пушкин, его позабыли.
А я, посмотрите-ка, – вот!
Стою на приморском просторе.
Любуюсь на Дюка и дам.
И слышу одесское: «sorry!»
О Боже! А где чемодан?!
...Уж я без часов и без кейса,
Беспшанный, как тот Робинзон
То «каплей упала» Одесса...
Ах, лучше б я ехал в Херсон!

ПАРОДИЯ НА А.С. БИНКЕВИЧА

*Я с тобой не прощаюсь,
Я с тобой расстаюсь,
На прыщавом причале
Навсегда растворюсь.*

А. Бинкевич

Прыщание
На прыщавом причале,
На угристом мосту
Мы с тобою прощались,
Плач стоял за версту.
И, как в штампицах плоских,
Ветер берег лизал,
На фурункульных досках
Луч зари угасал.
Потемнел до предела
И совсем уж зачах.
Ты, сморкаясь, ревела,
Вся в слезах и в прыщах.
Моря травная гнилость
Скрыла берега лик.
Струпной слизью покрылось
Наше прошлое вмиг.
Вдруг прибрежные дали
Озарила звезда.
Герпес мы увидали
На перилах моста!
Вновь потёмки сдавили,
Мрак полез под плащи.
Мы, рыдая, давили
Друг у друга прыщи.
Долго слушали ропот,
Как шумела вода.
И по язвенным тропам
Разошлись кто куда.

ПАРОДИЯ НА И.В. МЕЛЬНИЦКУЮ

*В моём доме сплошные сквозняки:
Он весь взъерошен и насквозь простужен.
В нём поселились жирные хорьки...
Хорьки сосредоточенно жуют,
А мы всё ждём: ну кто хорьков прогонит?..
Мы выживем хорьков – пускай не сразу!..
И. Мельницкая, «Хандра»*

Теперь халва мне горше, чем пырей.
Не сладко и любимое варенье.
Прожорливые полчища хорей
Мне не дают писать стихотворенья!
Я обошла все беды на пути,
Уже довольно потирала руки...
Но помешали в классики пройти
Проворные зловредные зверюги.
Они всё жрут, мой дом заполоня,
Страшной чумы, коварнее ареста.
Они уже готовы и меня
Загнать в своё зловонное хорейство!
Хорейство – гнусь, побьюсь я на пари,
Но, если уж пошла такая пьянка
И всё подмяли жирные хори,
То в пику им я – антихорейка!

ПАРОДИЯ НА Н.И.КУПИНА

*Сегодня мне приснился сон:
Во гневе кровь моя пылала,
Когда под колокольный звон
Вели Луиса Корвалана.*

.....

*Я бросился наперерез
(Так поступают на планете) –
И сразу автоматный треск,
И злая ругань Пиночета.*

Н.Купин

Один желает жить, как мэр,
В другом – амбиции гурмана,
А для меня живой пример –
Судьба Луиса Корвалана.
От Корвалана я торчу.
Теперь в Москве его прописка.
Бывало, хлопну по плечу:
– Ну как дела твои, Луиска?
А он с картошкой пакет
В другую руку переложит:
– Да всё проклятый Пиночет
Утихомириться не может.
Я пять рублей ему вложу,
Как дар чилийскому народу.
– Не дрейфь, Луисик, – я скажу, –
Мы хунту выведем на воду.
Ты, Лучо, блин, не унывай.
От зла терпение спасает.
И знай, что Купин Николай
Слова на ветер не бросает!
И мы пойдём встречать зарю,
И будет петь нам радиола...
Да, Корвалана я люблю.
В нём что-то есть от корвалола...

ПАРОДИЯ НА В.А. РОДИОНОВА

*Женщин я даже в дни потрясений
Обожал, как святых, до поклонов,
Может, вовсе не так, как Есенин,
Обожал как поэт Родионов*

.....

Со мною по памяти бродит Есенин...

В. Родионов

Я женщин всегда обожал до поклонов,
Стихи и цветы непременно даря.
Пускай не гремел я в лучах стадионов,
Но с музою спутался, видно, не зря.
По жизни я бойко пылил, каруселил.
Теперь вспоминаю про то, как я жил.
Со мною по памяти бродит Есенин.
Он очень просился. И я разрешил.
Идём, а вослед обыватель вздыхает:
– Ох, эти поэты, да кто их поймёт.
Вот взять Родионов, – бабцов обожает.
Не так как Есенин. А всё же – может!

ПАРОДИЯ НА Ю.А.ИВАНОВА

*Я тот же, что раньше, как год назад,
Я мало в чём преуспел –
Стихи мои – прежний сплошной плагиат,
В печать пролезть не сумел.*

Ю. Иванов

Поэты – в исканьях. Они, так сказать,
С забвением борются Леты.
А я плагиатор каких поискать,
Меня ненавидят поэты.
Мне времени жалко оттачивать слог,
И Муза моя всё решила.
Мне Лермонтов «Мцыри» простить бы не смог,
Но это ещё не «вершина»!
Лишь в краже я, братцы, находчив и смел.
«Анчара», «Полтаву», «Поэта»–
У Пушкина слямзил, а что не успел,
То спёр у Некрасова, Фета.

Немало я строчек увёл у творцов.
Известен я этим в народе.
За это не раз мне бивали лицо,
А прощ – давали по морде.
Но в деле нелёгком достиг я небес
Во всём многотомном объёме.
Да, жаль, что в печать не совсем я пролез –
Цензура, к несчастью, на стрёме...

ПАРОДИЯ НА И.Н. ПОЛЯКОВУ

*Бредовый материк
Идёт ко дну насквозь пробитый бриг
С изорванными в клочья парусами.
А где-то мною бредит материк
Твоими потемневшими глазами.*

.....
*Чтоб трещинами лопнул старый грунт,
Чтоб, содрогнувшись, вздыбилась планета...*

И.Полякова

Идёт ко дну насквозь пробитый бриг
(Там дно – не чернозём и не суглинок).
И бредит Поляковой материк,
А Полякова двинула на рынок.
Уж трещинами лопнул старый грунт.
И даже слабый вздох подобен риску.
И вал девятый яростен и крут.
А Полякова щупает редиску.
Огромный вал накрыл весь материк.
Стихия бой ведёт не понарошку.
Давно и бриг накрылся, и комбриг.
А Полякова выбрала картошку.
К ней прикупила лук, чеснок и шпиг.
Растаяла в толкучке бестолковой...
... На дне лежит насквозь пробитый бриг.
И бредит материк о Поляковой...

ПАРОДИЯ НА А.А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Сродная подвигу
Участь поэтава...
Всё ему – по фигу,
Всё – фиолетово.
Век нам не важен.
Забыли о Пушкине.
Головы наши
Забили порнушками.
Поэсэсэрили.
Пропив, поохали.
Не были б серыми,
Были бы Блоками.
Помню Вандею,
Нильса и Бора.
Нет, не балдею
Вовсе от порно.
Счастье не свалится.
Скука на мордах.
Тошно мне париться
В пошлых бомондах.
Знаю, что нонича
Мало весёлого.
Но чтите Войновича,
Васю Аксёнова.
Кружат наш вертел
Слухи и прения.
Роберту верьте,
Читайте Евгения,
Стольпина, Витте,
Внимайте Каверину.
Боготворите
Анну Андреевну.
Лыбится вечность,
Бессмертьем прикалывая.
Прыгает в ветках
Солнце лукавое.

В мае фатально
Светит акация.
Но не хватает нам
Стронция, кальция!
Ветры лихие.
Улицы пыльные.
Девки такие,
Сплошь сексапильные.
Спущены флаги.
Быль – не фантазия:
Мы не варяги,
Мы – Европазия!

Игорь МИХАЙЛИН

УКРАИНСКАЯ СОЛЬ НА НЕМЕЦКИХ КОЛЕСАХ

Возможно, это странно прозвучит, но современная Европа стремиться к европеизации. Смысл этой идеи: научить разные народы, из которых состоит европейское содружество, жить вместе, видеть в ином — другого, то есть друга. Три года назад по инициативе Гете-института в Германии создан проект европеизации театра. Его главная задача — преодолеть страх перед другим языком. В рамках этого проекта в Германии уже идут немецко-английские и немецко-испанские двуязычные спектакли. Сегодня к этому проекту присоединилась Украина.

НАЧАЛО

Театр — искусство условное, синтетическое. Особенно современный театр, вобравший традиции Курбаса, Мейерхольда, Брехта, — сложен для понимания, задает загадки, на которые не всегда неизощренный зритель сумеет отыскать ответы.

Мы видим на сцене древо жизни, под которым живет добродушное племя в эпоху Великого переселения народов. Спектакль зиждется на идее Курбаса о симультанной организации сцены; пространство в нем развернуто вертикально. Само древо изображают строительные леса, по которым можно перемещаться вверх и вниз. Древо соединяет небо и землю. На небе расположен белый ангел. Его миссия: он сочувствует людям; является их заступником перед еще Высшими силами; но самое главное — он их кормит, время от времени сбрасывая вниз еду в виде черных шариков. Предположим, что это черный хлеб. Его мало, но достаточно, чтобы не умереть с голоду. Но ощущение голода переживают все члены племени, между ними только и разговоров, как бы хоть немного подкрепиться.

Под деревом расположена преисподняя. Из нее, то есть из оркестровой ямы, появляется время от времени черный демон. Черные сапоги, черные штаны и рубашка, черная кожаная куртка. Вы узнали, кто это на само деле? В спектакле сделано две подсказки. Первая: демон, предположим, что это

Дьявол, взбирается по спинам членов племени на первую площадку лесов и провозглашает оттуда: «У меня есть для вас две хорошие новости. Пенсионный возраст будет подниматься незначительно. А налоги придется платить всего лишь в сумме 25 %». Последним распоряжением он приказывает сдать ему в специальную коробку всю полученную от ангела еду. Коробка представляет собой мусорный бак, на котором написано: «Сохраним Харьков чистым!» Это вторая подсказка. Да, вы не ошиблись, в образе демона воплощено государство. Но не только. Со временем демон появиться в облачении священника. Тоже черном. Но, тем не менее, это представитель другой могущественной общественной силы, довлеющей над человеком, — церкви.

Остальное время, пока не появляется ангел и демон, люди предоставлены сами себе, то есть пребывают в состоянии местного самоуправления. Как же они ведут себя? Совершенно по-человечески. Как-то раз, проснувшись поутру, племя обнаружило, что под деревом появилось еще одно племя — чужеземцев, говорящих не непонятном языке.

ГЛАВНОЕ

Тут самое время рассказать о главном. Спектакль, премьерный показ которого состоялся в Театре для детей и юношества 7 и 8 октября, — совместный международный проект харьковского театра «Соль» и немецкого театра «Wheels («Колеса», Берлин). Театр «Соль» возник недавно из выпускников театрального факультета Харьковского университета искусств имени И. П. Котляревского, которые учились в мастерской режиссера Леонида Садовского. И сразу решили, что «Вся соль — в международном сотрудничестве». Под таким названием в газете «Харьковские известия» 25 сентября 2016 г. было опубликовано интервью театроведа Юлии Шукиной с педагогом Марией Бораковской. Ока тогда сообщила, что первый спектакль театра «Соль» готовится на выигранный харьковчанами грант немецкого министерства культуры.

Таким образом, в спектакле действуют две труппы: украинская и немецкая. Каждая исполняет роли на своем родном языке: украинцы — племя дерева, немцы — пришельцев. Представляете, какое искусство мимики, жестикуляции, сце-

нического движения должны демонстрировать актеры, чтобы оставаться в системе коммуникации со зрителем, не разорвать ее из-за отсутствия вербального восприятия? По жанру спектакль определен как украино-немецкий мюзикл «Neverending Forest Songs!» («Бесконечные лесные песни»). В нем действительно много песен и танцев. Большинство песен исполняются на английском языке. Расчет организаторов спектакля — их работа будет доступна во многих международных аудиториях. Например, вскоре этот спектакль повезут на премьерный показ в Германию. Можно предвидеть его успех у англоязычной аудитории.

В основе спектакля не лежит, как мы, зрители, привыкли, какое-то литературное произведение. Мюзикл создан самими актерами и отражает их мировосприятие. Выходит, авторы спектакля — все его участники, он не имеет автора, каковым всегда считается режиссер. В организации спектакля принимали участие все.

Почему-то авторы отметили, что их работа инспирирована драмой-феерией Леси Украинка «Лесная песня». Я не решаюсь говорить об этой стороне их замысла; я не вижу, каким образом он воплощен в жизнь. Следовательно, у самого спектакля единого автора нет, он коллективный. Но у отдельных сторон воплощения общего замысла авторы все же существуют: идея принадлежит Максу Дамиану, сценарий создала Юлита Ран, музыку написали Макс Авксентьев и Олег Копелюк, стихи — Макс Авксентьев.

А вот из актерских работ отметить кого-либо трудно. Актеры составляют ансамбль, у каждого, в общем-то, небольшая вербальная роль, но практически все они на протяжении спектакля находятся на сцене. А каждый актер знает, что играть немую роль значительно труднее, чем словесную. Спектакль явно склоняется в экспрессионизму, а не к психологическому реализму, а следовательно, говорить о каких-то полутонах, игре голосом, содержательных паузах не приходится.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Отсутствие литературного первоисточника усложняет восприятие спектакля как театрального текста. Этим мотивирована наша интенция — представить спектакль как можно

ближе к самому театральному действию.

Конечно, чужаки приняты в штыки. Самим еды не хватает, а тут еще пришельцы. Кое-как пришельцам удалось объяснить, что они бегут от войны и насилия, они утомлены и голодны, поэтому просят не изгонять их в неизвестность. И что бы вы думали? Хозяева приносят пришельцам остатки своей пищи и разрешают остаться. Группы, изображающие племена, построены симметрично: в них по четыре женщины и по четыре мужчины. Тут легко прочитывается дальнейший поворот событий. Что должно вспыхнуть между мужчинами и женщинами? Любовь! И она вспыхивает. Ангел сыплет с неба новую еду, Все могут быть счастливы.

Но тут отвергается преисподняя, появляется черный демон. Он требует отдать всю полученную от ангела еду ему. Племена подняли ропот, пришлось на них прикрикнуть, пригрозить наказанием, а трем предложить пищу за службу в армии. И такие добровольцы нашлись. А в это время объединенные племена, поставленные под угрозу голодной смерти, поднимают восстание... против ангела. Действительно, почему это он предоставляет пищу по частям, когда ему вздумается? Мы же можем отобрать у него все сразу. Энтузиасты карабкаются по дереву с палками, бьет ангела, обламывают ему крылья. Потрясенный ангел сбрасывает на землю еду в виде розовых шаров. Символическое значение этого сюжетного хода: на злобу и ненависть ангел ответил добром. На длительное время его площадка пуста. Его не видно. Его не стало. За розовыми шарами так точно явился демон, как и за черными, их пришлось отдать и остаться голодными. Но теперь ждать помощи от ангела уже нечего, он ведь уничтожен самим людьми.

Через какое-то время возвращаются солдаты, с перебинтованными членами, потрясенные пережитым; просят не расспрашивать их о войне. Вряд ли они смогут жить прежней жизнью. А черный демон понял, что власть его зашаталась. Тут-то он и появился в образе священника и принялся натравливать один народ на другой. И люди не вытерпели. Сообща они уничтожили черного демона. А белый ангел в это время ожил. Заключительная песня мюзикла: ангел просит Бога не судить строго людей: они еще (человечество) молоды и недостаточно ясно понимают, что такое добро, а что — зло.

Актеры выходят кланяться к рампе. Ангел спускается с неба и присоединяется к ним, заключая в объятия каждого. Спрятанные в сумерках сцены музыканты встают из-за своих инструментов и присоединяются к актерам. Все вдохновлены идеей: человечество, предоставленное самому себе, способно самоорганизоваться для решения возникающих перед ним вопросов. Вспомнилось, что колесо — символ вечности, как колесо, вращается в пространстве наша Вселенная. Солью называет смысл произведения или отраженного в нем жизненного явления. Так как же без нее, без соли?

Ольга ОКОНЕВСКАЯ

Очарованная Пушкиным

***10 февраля исполняется 180 лет со дня смерти
Александра Сергеевича Пушкина.***

Как же в эти дни нам не вспомнить харьковчанку, замечательную подвижницу, исследователя жизни и творчества великого поэта – Стеллу Лазаревну Абрамович!

Она выпускница Харьковского университета, достойная ученица известных ученых Н.М. Баженова и М.П. Легавки, которые приглашали ее в аспирантуру. Один — на кафедру языка, другой — литературы. Но по понятным причинам в университете ее не оставили.

После университета была учительская работа в Харькове, с 1952 г. — в Ленинграде. В ее представлении город на Неве — открытая книга, на титульном листе которой сияет имя Пушкина.

Любовь к поэту привела Стеллу Лазаревну под своды его последней квартиры на набережной Мойки. Семнадцать лет проработала она старшим научным сотрудником этого удивительного музея, там же задумала грандиозную тетралогию о жизни поэта в последние годы.

Окончательный, расширенный вариант книги о дуэли и смерти Пушкина был подписан к печати в феврале 1994 г., а в апреле того же года был сдан в набор необычный фолиант — «Пушкин в 1833 году». Удивителен путь исследователя — будто вспять от последнего несчастья — к последнему счастью, от трагедии — к триумфу, от пропасти небытия — к вершине взлета, к торжеству жизни, которая прослежена по часам. Еще бы: ведь это год второй Болдинской осени, где один октябрь, например, чего стоит: «Медный всадник», «Скупой рыцарь», стихотворение «Осень», две баллады, «Пиковая дама».

Это год рождения сына Александра. Год перехода от благородного разбойника Дубровского к страшному и манящему Пугачеву, год разрешенной поездки по местам бунта. Чита-

есть эту увлекательную книгу жизни – и будто едешь вместе с Пушкиным на той самой скорости (7 верст в час) по проселочным дорогам и останавливаешься в местах и местечках со звенящими русскими названиями: Ярополец, Волоколамск, Торжок, Ржев, Богородское. Слышишь пророческое: «Не дай Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный»...

Обо всем этом Стелла Лазаревна рассказала не только читателям, но и своим благодарным слушателям в Харькове. Судьба щедро одарила ее талантом исследователя, кабинетного ученого и яркого, интересного лектора.

Впервые она выступала в Харьковском Центральном лектории в 1983 году, а последний раз – осенью 1994-го, когда приехала по приглашению общества творческой интеллигенции «Круг». Ее засыпали вопросами и цветами. Люди спрашивали о Пушкине так, как можно спрашивать о близком, родном и очень дорогом человеке... Не это ли высшая награда для автора?

А еще судьба одарила ее счастьем идти по жизни со своим бывшим одноклассником, впоследствии известным ученым, историком-медиевистом, влюбленным в Жанну Д'Арк, как она в Пушкина. Владимир Ильич Райцес первый исследовал 1700 страниц Аженского муниципального архива (XVI век!). Именно он был консультантом молодых кинематографистов Глеба Панфилова и Инны Чуриковой (фильм «Начало»).

По приглашению французов Стелла Лазаревна и Владимир Ильич посетили Париж, Орлеан и другие города Франции. Она еще успели посвятить друг другу свои книги — зримые памятники любви.

Стелла Лазаревна была больна — тяжело, неизлечимо. Перенесла операцию. Что-то знала точно, о чем-то догадывалась. Но не имела права уйти до Владимира Ильича: без нее он, еле передвигавшийся на костылях по дому, зависящий от постоянных переливаний крови, просто не выжил бы. Она, смертельно больная, была его ангелом-хранителем.

Во второй половине августа 1995 года он попал в стационар. Все дни она находилась рядом.

Проводив Владимира Ильича к последнему приюту — в ахматовское Комарово, Стелла Лазаревна начала жить как бы в другом измерении. Теперь главное — успеть привести в порядок память о двух главных в ее жизни людях — Пушкине и муже. Для Мнемозины ведь нет живых и мертвых, как нет и временных расстояний между ними.

Стелла Лазаревна торопилась, концентрируя, сжимая сутки. С той же скоростью сокращалась ее собственная жизнь. Высокий и жуткий марафон.

Последний мой приезд в Петербург в январе 1996 года. Последний приход на улицу Есенина. Метро «Проспект Просвещения» — неасфальтированная дорожка наискосок — «народная тропа», как называла ее Стелла Лазаревна.

— Ольга Максимовна! Скажите, только честно, я не желтая?

— Честно, не желтая. Посмотрите в зеркало — оно подтвердит.

— Меня заставили, наконец, пройти обследование... Скажи: «Того, о чем вы думаете, нет, но печень подлечить необходимо».

В глазах вопрос и почти детская незащищенность.

Я передала приветы и письма из Харькова, собираюсь уже уходить, но Стелла Лазаревна останавливает:

— Ну, что вы! Мы вот сейчас чайку попьем, а то (очень смутившись) ни времени, ни сил нет... Я тут Волин архив разбираю, перечитываю его последнюю книгу.

Потом подвела меня к письменному столу, где как на последнем, на главном параде, выстроились каталожные ящики с тысячами карточек — прослеженная любящим сердцем и точным мозгом жизнь Пушкина — по дням, по часам, иногда по минутам. Самый счастливый год — 1833, самый трагический — последний.

Книги об этих двух годах перекочевали в хранилища библиотек и на полки тысяч читателей. Жизнеописание 1834 и 1835 годов было передо мной, еще не прошедшее через компьютер и типографию, еще такое теплое от руки автора. Часть этих карточек поедет вместе со Стеллой Лазаревной в хоспис и скрасит последние дни ее жизни.

Автор книги о Пушкине давала поэту вторую жизнь, а Пушкин помогал продлить, одухотворить ее собственную. У Пушкина училась Стелла Абрамович не только поэзии, любви... «Необыкновенное присутствие духа не оставляло больного», — записал об умиравшем Пушкине доктор Спасский. Почти теми же словами говорил о Стелле Лазаревне Абрамович ее лечащий врач: «Она успела меньше, чем хотела, но намного больше, чем могла».

Биографические справки

ДОЛГАРЕВ Анатолий Васильевич родился 17 июля 1946 г. в селе Ломное Грайворонского района Белгородской области. Доцент кафедры педагогики и психологии управления социальными системами имени акад. И. А. Зязюна НТУ «ХПИ». Закончил электро-энергетический факультет ХПИ (1971). Семь лет руководил Дворцом студентов ХПИ. Был на партийной работе (1981-1991), помощник народного депутата Верховной Рады (1991-1998).

Живет в Харькове.

КОСТРОВ Юрий родился в 1953 году в городе Ленинграде, где в 1980 году закончил Ленинградский Горный институт (геолого-разведочный факультет). Песни и стихи пишет с 1969 года, прозу – с 1985 года. Член Союза писателей Таймыра. Публиковался в местной периодической печати, сборниках и альманахах.

Живет в г. Норильске (Россия).

МИХАЙЛИН Игорь Леонидович родился в 1953 г. в Харькове. Окончил Харьковский государственный университет им.М.Горького (1976), в котором работает, пройдя путь от преподавателя до профессора. Автор 345 научных и научно-популярных работ, учебников по журналистике. Член Национального союза писателей Украины. Почетный гражданин г. Мерефы (Харьковский р-н, с 1997).

Живет в Мерефе (Харьковская область).

МОЛОДЫЙ Вадим родился, жил и работал в Москве. По образованию врач-психиатр. Совмещал лечебную, научную и литературную деятельность, занимался психопатологией художественного творчества. С 1990 года живёт в Чикаго. Автор семи поэтических книг. Регулярно публикуется в западной и российской периодике и антологиях. В союзах, объединениях, клубах, партиях и группах не состоит, никаких наград и премий не имеет, в литературных единоборствах, поединках, соревнованиях, конкурсах, дуэлях и марафонах не участвует.

Живёт в г. Чикаго (США).

ОКОНЕВСКАЯ Ольга Максимовна родилась в Харькове. Закончила ХГУ им. М. Горького (1964). Работает в средней школе. Автор книги «И возвращусь опять (страницы жизни и творчества Ольги Берггольц)» (2005). Публиковалась в журналах и альманахах СНГ. Лауреат премии «Народное признание» (2006), «Харьковчанин года» (2006). Отличник образования.

Живет в г. Харькове.

ОЛЕФИРЕНКО Михаил Николаевич родился в селе Устивица Великобагачанского района Полтавской области (1945). Закончил Полтавский инженерно-строительный институт. Автор 12 романов, все произведения переведены автором на русский язык. Печатался в журналах: «Версия», «Темные аллеи», «Вітчизна», «Киев», «Березиль», «Слобожанщина». Лауреат шести литературных премий.

Живет в г. Балаклея (Харьковская обл.)

ОМЕЛЬЧЕНКО Василий Михайлович - член НСПУ, Союза писателей России. Автор более тридцати книг. Лауреат Международного литературного конкурса «Вечная память», посвященного 65-летию победы в Великой Отечественной войне. Лауреат республиканской премии имени В. Г. Короленко.

Живет в г. Харькове.

РОДИОНОВ Владимир Александрович родился 13 февраля 1939 года в г. Сталинграде. Из города не эвакуировался, имеет удостоверение «Дети военного Сталинграда». В 1967 году окончил Харьковский авиационный институт. Автор более 50 сборников поэзии и прозы, член Союза писателей Украины и России. Лауреат литературных премий: им. Н. Ушакова (1997), им. А. Масельского (1999), им. В. Короленко (2006), им. Костя Гордиенко (2006), им. Вл. Сосюры (2007), им. Б. Слуцкого (2007), им. Петра Василенко (2013), премии «Марічка» (г. Хмельницкий, 2014), гранд-премии (г. Харьков, 2014), международной премии им. Дмитра Нитченко (2009, Австралия), Почётный гражданин г. Чугуева (1996) и Чугуевского района (2011). Награждён медалями Федерации Космонавтики СССР им. Николая Рязанского (1993), Федерации Космонавтики России им. Ивана Кожедуба (1995), Правлением МОО «Лётное братство» — медалью «100 лет военной авиации» (2012).

Живёт в г. Чугуеве (Харьковская область).

РАКОТИН Дмитрий Игоревич родился в 1962 г. в г. Харькове. Окончил Киевский государственный университет им. Т. Шевченко (1989). Автор восьми поэтических сборников. Публиковался в украинских журналах и альманахах.

Живёт в Харькове.

ТИМЧЕНКО Виктор Петрович родился в с. Мануїлівка в Харьковской области (1930). Окончил Харьковскую школу слепых им. Короленко. Директор издательства «Шаг». Почетный гражданин г. Дергачи и Дергачевского р-на Харьковской обл. Автор 16 поэтических сборников. Лауреат двух литературных премий: им. В. Мисика, им. К. Гордиенко. Член НСПУ с 1959 г.

Живёт в г. Дергачи (Харьковская область).

ТИМЧЕНКО Антонина Александровна родилась в г. Харькове. Окончила Харьковский национальный университет им. В. Каразина, кандидат филологических наук. Автор пяти поэтических сборников и нескольких книг для детей. Лауреат Международного конкурса лучших произведений молодых украинских литераторов «Гранослов», «Молодая Слобожанщина» и Международной украинско-немецкой премии им. О. Гончара. Член НСПУ (2005). Живет в г. Харькове.

ШЕЛКОВЫЙ Сергей Константинович поэт, эссеист, литературный критик. Родился 21 июля 1947 в г. Львове. Закончил инженерно-физический факультет Харьковского политехнического института (1971) и аспирантуру при нем. Автор научных публикаций в области прикладной математики и механики. С 1973 г. публикует литературные произведения. Член Союза писателей СССР и Союза писателей Украины (1989), Международной ассоциации писателей и публицистов (2006). Автор более 20 книг стихотворений и прозы. Публиковался в Украине, России, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Германии, Великобритании, Дании, Израиле, Латвии, США, на Кипре и др. Стихотворения переводились на украинский, болгарский, грузинский, немецкий, английский и французский языки. Член жюри Международного фестиваля русской поэзии «Эмигрантская лира» (Бельгия). Награды: Международный орден Святого Станислава — за вклад в литературу и культуру; премия им. Б. Слуцкого (2000); премия им. Н. Ушакова (2001); международная премия им. Ю. Долгорукого (2007). Живёт в г. Харькове.

ЯБЛОНСКИЙ Александр Павлович — родился в Ленинграде в 1943 году. Блокадник. В 1966 году закончил Ленинградскую государственную Консерваторию как пианист, в 1969 — аспирантуру (история и теория исполнительского искусства). С 1967 г. преподавал в ряде музыкальных учебных заведений Ленинграда, в том числе в Консерватории. С 1976 года — лектор «Ленконцерта». Лекции по истории русской и западноевропейской музыки, истории русской культуры и пр. 1990 года — Генеральный директор Объединения «ПЕТЕРБУРГ — КОНЦЕРТ» (ранее — «ЛЕНКОНЦЕРТ»). В 1996 эмигрировал в США.

Автор книг: «06/07. Сны» (2008), «Абраша» (2011) — Long List Бунинской премии, Long List Премии «Новая словесность», «Президент Московии (2013), «Ж — 2 — 20 — 32» (2013), «Импровизация с элементами строго контрапункта и Постлюдия» (2014).

Живет в г. Бостон (США).

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Сергей ШЕЛКОВЫЙ «Деревянные ступени грустным голосом поют...»	3
Владимир РОДИОНОВ. «Твоё лицо светилось у костра...»	21
Антоніна ТИМЧЕНКО. «Я цілую кожен вірш...»	103
Вадим МОЛОДЫЙ. «Помню, были пятаки и трёшки...»	140
Дмитрий РАКОТИН. Пародии	191

ПРОЗА

Віктор ТИМЧЕНКО. Никеша	13
Михаил ОЛЕФИРЕНКО. Любовь на одного	32
Александр ЯБЛОНСКИЙ. Изношенный халат	59
Юрий КОСТРОВ. Про иголки	109

МЕМУАРЫ

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО. Свет из прошлого	126
Анатолий ДОЛГАРЕВ. Земной рай	150

РЕЦЕНЗИИ

Игорь МИХАЙЛИН. Украинская соль на немецких колесах	200
---	-----

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Ольга ОКОНЕВСКАЯ. Очарованная Пушкиным	205
--	-----

АВТОРЫ ЖУРНАЛА	208
----------------------	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

№31

Гл. редактор Л.И. Мачулин
Редактор отдела поэзии Р.А. Катаева

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 30.12.2016. Формат 70x108 1/16.
Бумага офсет. Печать офсет. Гарнитура *PragmaticaCond* СТТ.
Уч.-изд. л. 14,70. Изд. №10. Зак. №__. Тир. 300 экз.

Учредитель: ООО «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв.1, 1А.

Адрес редакции для писем:
е-mail: **editor01@list.ru**
<http://slvn.org/>

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: сер. ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISSN 2221-9331